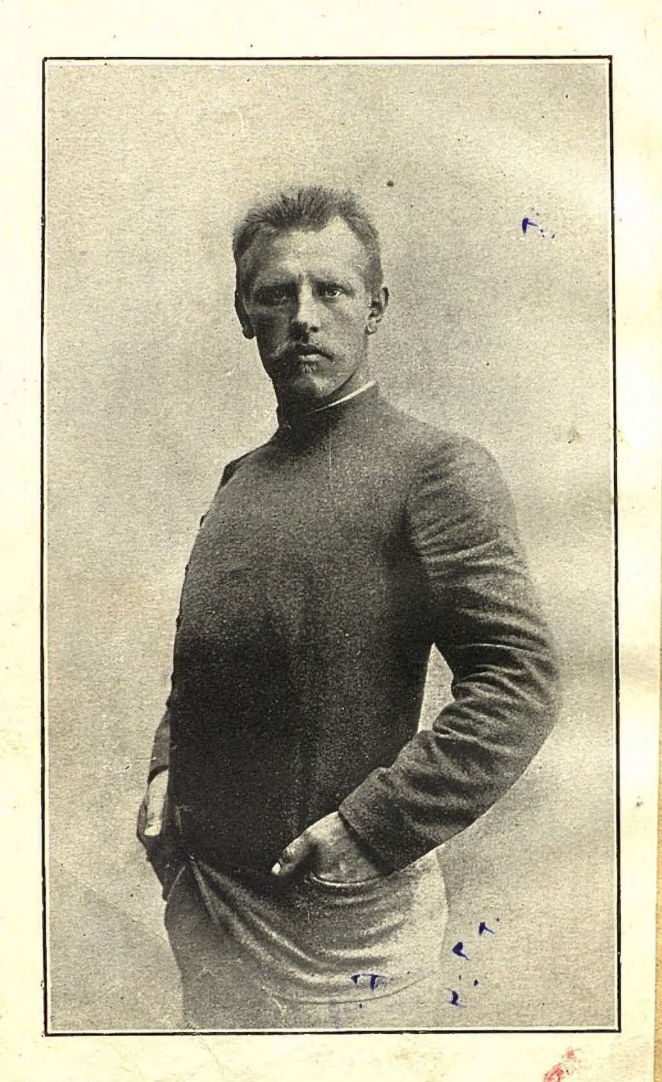
А. Аненнская

Фритиоф Нансен и его путешествие в Гренландию и к Северному полюсу

Фритіофъ Нансенъ.

A. Анненская.

Фритіофъ Нансенъ

и

ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ ГРЕНЛАНДІЮ И КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

Съ портретомъ, 40 рис. и 2 картами путешествій.

Изданіе пятое.

Въ 3-мъ изд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **допущено** для учен. библ. низш. учебн. завед. и городскихъ учил. М. Н. П., для учен. библ. средн. и старш. возр. среднеучебн. завед. мужск. и женск., для библ. учит. инст. и семинарій; для чтенія въ народн. аудитор. и въ безпл. народн. читальни.

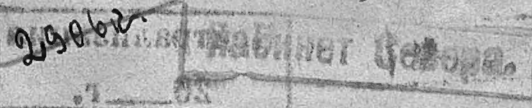
Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. **допущено** для ротныхъ библ. III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Учебн. Комит. Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учр. Импер. Маріи **одобрено** для учебн. завед. Вѣдомства.

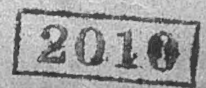

ПЕТРОГРАДЪ.
1916

4705

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 20 февраля 1916 г.

НА ЛЫЖАХЪ ЧЕРЕЗЪ ГРЕНЛАНДІЮ.

НА ЛЫЖАХЪ ЧЕРЕЗЪ ГРЕНЛАНДІЮ.

I.

Въ трехъ верстахъ отъ Христіаніи, среди живописной мѣстности, лежитъ небольшое имѣніе, Сторе-Фрэнъ, гдѣ родился и провелъ дѣтство знаменитый норвежскій путешественникъ, Фритіофъ Нансенъ. Отецъ его служилъ секретаремъ суда въ Христіаніи; но ни онъ, ни мать Фритіофа не любили городской жизни. Бальдуръ Нансенъ ѣздилъ каждый день на службу въ городъ; жена его, дѣятельная, энергичная женщина, не брезгавшая никакимъ полезнымъ трудомъ, вела хозяйство и руководила воспитаніемъ дѣтей.

Весело и привольно жилось дѣтямъ на деревенскомъ просторѣ. Ихъ особенно не нѣжили, не слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, не стѣсняли ихъ свободы. Двухъ-трехъ лѣтъ они одни ходили по двору и ближайшимъ окрестностямъ, самостоятельно знакомились съ разными домашними животными и собственнымъ опытомъ узнавали, въ чемъ и отъ кого можетъ грозить опасность.

Около самаго дома протекала рѣчка, которая постоянно манила къ себѣ маленькаго Фритіофа. Онъ купался въ ней по нѣскольку разъ въ день и весной, и лѣтомъ, и осенью. Когда младшій братишка его подросъ настолько, что могъ служить ему товарищемъ, онъ и его таскалъ съ собой въ воду, заставлялъ плавать, нырять и мужественно переносить холодъ чуть не ледяныхъ купаній. Въ рѣчкѣ водилось много рыбы, и дѣти по цѣлымъ часамъ просиживали неподвижно на мѣстѣ, съ удочками въ рукахъ. Зимой, чуть только рѣчка покрывалась слоемъ льда, начиналась новая забава—катанье на конькахъ. Мальчики такъ увлекались ею, что не могли дождаться, пока ледъ вполнѣ окрѣпнетъ, пока затянутся всѣ полыньи. И вотъ въ одинъ зимній день, когда имъ было лѣтъ 5—7, въ усадьбѣ вдругъ раздались крики:

— Кто-то провалился подъ ледъ! Дѣти!.. Дѣти потонули.

Перепуганная г-жа Нансенъ бросилась къ рѣкѣ.

Маленькій Фритіофъ уже выбрался на ледъ и, стоя надъ самымъ проваломъ, силился вытащить изъ воды братишку. Дѣтей привели домой, отогрѣли, одѣли въ сухое платье, и мать сдѣлала имъ строгое внушеніе за неосторожность. Этихъ внушеній матери, а особенно отца, дѣти боялись больше всего на свѣтѣ. Одинъ разъ, катаясь на конькахъ, Фритіофъ поскользнулся, упалъ на обледенѣлый камень и такъ раскроилъ себѣ голову, что все лицо его было залито кровью. Робкими шагами пробрался онъ домой, спѣша обмыть свою рану, чтобы домашніе не увидѣли его.

— Тебѣ очень больно, Фридъ?—спрашивала старшая сестра, помогая ему скрыть слѣды приключенія.

— Нѣтъ, ничего!.. Только не говори мамѣ!—проговорилъ мальчикъ голосомъ, дрожавшимъ отъ боли и испуга.

Г-жа Нансенъ страстно любила дѣтей своихъ и ради ихъ блага готова была, не задумываясь, пожертвовать жизнью; но она умѣла съ удивительнымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа относиться къ разнымъ несчастнымъ приключеніямъ, случавшимся съ мальчиками. Это пріучало ихъ съ раннихъ лѣтъ мужественно переносить невзгоды и въ то же время внушало имъ большое довѣріе къ матери, которая всегда знала, какъ помочь имъ въ бѣдѣ.

Фритіофу было лѣтъ 6—7, когда одинъ разъ, занимаясь своимъ любимымъ дѣломъ—уженьемъ рыбы,—онъ по неосторожности всадилъ себѣ крючокъ въ губу. Мать была въ это время на берегу; она увидѣла, что̀ случилось, велѣла мальчику сидѣть спокойно, не шевелиться, сходила домой, принесла бритву мужа, быстро, твердой рукой сдѣлала надрѣзъ на губѣ и вынула крючекъ. Она не вскрикнула, не сказала ни одного лишняго слова; ея хладнокровіе, ея рѣшительность успокоительно подѣйствовали на мальчика: ему стыдно было плакать или кричать, когда мать, очевидно, считала, что съ нимъ не случилось ничего особенно ужаснаго.

Недалеко отъ дома Нансеновъ былъ большой лѣсъ, любимое мѣсто прогулки мальчиковъ. Тамъ за-

тѣвали они всевозможныя игры съ товарищами, изображая то путешественниковъ, то разбойниковъ, то охотниковъ. Они надѣлали себѣ картонныхъ щитовъ, деревянныхъ сабель, копій, самострѣловъ и пистолетовъ изъ полыхъ внутри стеблей, которые они начиняли мелкими камешками и пескомъ. Иногда, чтобы больше походить на настоящихъ охотниковъ, они брали съ собой въ лѣсъ своего пуделя. Пудель весьма добросовѣстно игралъ роль охотничьей собаки и спугивалъ встрѣчавшихся бѣлокъ; но это мало помогало охотникамъ. Бѣлка, почуявъ собаку, быстро влѣзала на самую верхушку дерева, куда стрѣлы мальчиковъ никакъ не могли долетать. Напрасно окружали они дерево и пытались стрѣлять съ разныхъ сторонъ, напрасно намазывали они свои стрѣлы сокомъ мухомора, чтобы сдѣлать ихъ ядовитыми, напрасно придѣлывали къ нимъ оловянные шарики, чтобы онѣ летали ровнѣе,—онѣ не достигали цѣли, и бѣлочка, прячась въ густыхъ вѣтвяхъ дерева, съ насмѣшкой поглядывала на своихъ безсильныхъ враговъ.

Фритіофъ рѣшилъ, что надобно изобрѣсти какое-нибудь оружіе, болѣе дѣйствительное, чѣмъ самострѣлы и пистолетики изъ растеній. Ему удалось тайкомъ добыть отъ старшаго брата горсточку пороха; изъ дерева и жести онъ устроилъ подобіе пушки, и мальчики съ торжествомъ отправились въ укромное мѣстечко за домомъ пробовать свое новое оружіе. Первый опытъ оказался неудаченъ. Порохъ былъ сыръ и не хотѣлъ загораться. Напрасно Фри-

тіофъ сжигалъ спичку за спичкой, напрасно выставлялъ онъ пушку и на солнце, и на вѣтеръ, — зарядъ не дѣйствовалъ; но вотъ онъ засунулъ въ пушку пучокъ сухой травы, зажегъ его и, присѣвъ на корточки, съ любопытствомъ ждалъ, что̀ будетъ. Вдругъ порохъ воспламенился, взвился фейерверкомъ прямо въ лицо изобрѣтателя, а пушка разлетѣлась въ куски. Мальчики, присутствовавшіе при этомъ, разбѣжались съ громкими криками. Г-жа Нансенъ услышала шумъ и поспѣшила къ мѣсту катастрофы. Фритіофъ лежалъ на землѣ съ сильно опаленнымъ лицомъ. Г-жа Нансенъ подняла мальчика, отвела его въ сторону и осторожно вытащила крупинки пороха, которыя вошли ему подъ кожу. Эта операція и боль отъ ожога были такъ мучительны, что у маленькаго изобрѣтателя надолго пропала охота возиться съ порохомъ.

Въ городѣ, версты за три отъ имѣнія Сторе-Фрэнъ, была очень хорошая школа, и маленькіе Нансены учились въ ней. Въ очень дурную погоду ихъ отвозили въ экипажѣ, но по большей части они туда и назадъ ходили пѣшкомъ. Послѣ прогулки на чистомъ воздухѣ не такъ тяжело было просидѣть смирно въ классѣ часа четыре, пять, а домашній обѣдъ казался вдвое вкуснѣе. Часто лѣтомъ они послѣ обѣда снова возвращались въ городъ, чтобы учиться тамъ плавать въ морѣ, и это нисколько не утомляло ихъ. Дорогой имъ еще нерѣдко приходилось вступать въ ожесточенную драку съ другими мальчиками. Около выхода изъ города на нихъ на-

падали мальчики изъ предмѣстья, которые почему-то постоянно враждовали съ городскими школьниками. Завязывалась отчаянная драка. Фритіофъ никогда первый не начиналъ драться; но если задѣвали его, и особенно его младшаго брата, онъ смѣло вступалъ въ бой и спокойно, не горячась, раздавалъ полновѣсные удары кулаками направо и налѣво, такъ что по большей части оставался побѣдителемъ.

Въ школѣ учителя были очень довольны его прилежаніемъ и любознательностью, а товарищи высоко цѣнили его силу, ловкость, смѣлость и предпріимчивость; во всѣхъ играхъ и шалостяхъ онъ былъ всегда впереди другихъ, и товарищи охотно признавали его превосходство. Онъ такъ привыкъ къ роли предводителя, что даже удивлялся, если кто-нибудь изъ мальчиковъ не слушался его. Онъ былъ уже во второмъ классѣ, когда въ школу поступилъ новичекъ, сильный, здоровый мальчуганъ, который не намѣренъ былъ подчиняться никому изъ товарищей. Онъ сразу сталъ вести себя самостоятельно, не обращая никакого вниманія на Фритіофа. Фритіофъ нѣсколько дней молча косился на него. Одинъ разъ во время рекреаціи новичекъ вздумалъ бросать мячъ въ спины товарищей.

— Перестань, не смѣй бросаться!—повелительно сказалъ ему Фритіофъ.

— Какъ такъ, не смѣй? Ты что за командиръ?—вскричалъ Карлъ—такъ звали новичка—и запустилъ мячъ прямо въ Фритіофа.

Между мальчиками завязалась ожесточенная драка:

оба были одинаково сильны и ловки, ни одинъ не хотѣлъ уступить. Но тутъ подошелъ учитель. Онъ сразу замѣтилъ, что бойцы разгорячились, что дѣло можетъ кончиться плохо. Не безъ труда удалось ему растащить драчуновъ и увести ихъ въ пустой классъ.

— Сидите тутъ до конца рекреаціи!—сказалъ онъ имъ строгимъ голосомъ:—смотрите другъ на друга и стыдитесь!

Общее несчастіе охладило пылъ противниковъ. Они не исполнили приказанія учителя и нисколько не стыдились. Нѣсколько минутъ они молча, исподлобья поглядывали другъ на друга, потомъ начали перекидываться словами, потомъ разговорились, и оказалось, что вкусы ихъ во многомъ сходятся. Къ началу уроковъ они уже сидѣли обнявшись и читали вмѣстѣ одну и ту же книгу. Съ этихъ поръ Фритіофъ и Карлъ стали закадычными друзьями на всю жизнь.

Едва ли гдѣ-нибудь въ свѣтѣ бѣгъ на лыжахъ распространенъ такъ, какъ въ Норвегіи. Въ другихъ мѣстахъ онъ служитъ пріятнымъ развлеченіемъ, а въ этой странѣ, изрѣзанной горами и глубокими долинами, по которымъ часто невозможно провести удобныя дороги, онъ является необходимостью.

Въ сѣверныхъ гористыхъ округахъ поселяне не могутъ зимой выбраться изъ своихъ занесенныхъ снѣгомъ деревень иначе, какъ на лыжахъ. Маленькіе норвежцы съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ бѣгать на нихъ. Дѣти лѣтъ трехъ-четырехъ уже навязы-

ваютъ себѣ на ноженки маленькія лыжы и пытаются скользить на нихъ. Ученики сельскихъ школъ часто не могутъ иначе, какъ на лыжахъ, добраться до училища, и въ перемѣну между уроками, когда ихъ отпускаютъ поиграть на дворѣ, они опять-таки берутся за лыжи, при чемъ очень часто и учитель бѣгаетъ на перегонку съ ними. Въ церковь крестьяне отправляются на лыжахъ; а послѣ обѣдни всѣ молодые люди и мальчики прихода собираются на какомъ-нибудь холмѣ и съ него начинаютъ бѣгъ взапуски, стараясь перещеголять другъ друга быстротой и умѣньемъ управлять лыжами.

Въ послѣдніе года бѣгъ на лыжахъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ развлеченій и норвежскихъ горожанъ. Въ настоящее время въ зимній воскресный день поля и лѣса, окружающіе Христіанію усѣяны лыжебѣжцами всѣхъ возрастовъ и состояній; но лѣтъ 40—50 тому назадъ дамы Христіаніи считали это упражненіе неприличнымъ для порядочной женщины.

Г-жа Нансенъ, еще бывши дѣвушкой, смѣялась надъ этимъ предразсудкомъ и одна изъ первыхъ барышень Христіаніи надѣла лыжи. Немудрено, что она поощряла и дѣтей своихъ въ этомъ упражненіи. Совсѣмъ крошкой, едва научившись ходить, Фритіофъ уже съ завистью поглядывалъ на старшихъ братьевъ и сестеръ, которые быстро скользили на своихъ лыжахъ по гладкой, блестящей дорогѣ и по холмамъ, окружавшимъ Сторе-Фрэнъ. Когда ему было четыре года, отецъ велѣлъ пере-

дѣлать для него старыя лыжи одной изъ его сестеръ. Фритіофъ былъ въ восторгѣ, хотя лыжи не отличались красотой и были даже не одинаковой длины. Онъ очень скоро выучился бѣгать на нихъ и бѣгалъ неустанно по нѣскольку часовъ подъ рядъ. Одинъ разъ изъ города пріѣхалъ хорошій знакомый г. Нансена, типографъ Фабриціусъ, и увидѣлъ, какъ ловко справляется мальчикъ съ своими кривыми лыжами.

— Э, да у тебя, молодецъ, экипажъ плохъ!— замѣтилъ онъ.—Надобно будетъ привезти тебѣ изъ города хорошенькія лыжи.

Послѣ этого Фритіофъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать пріѣзда Фабриціуса; но день проходилъ за днемъ, недѣля за недѣлей, а желанный гость не являлся. Между тѣмъ зима прошла, настала весна, за нею лѣто,—о лыжахъ нечего было и думать! Однако, Фритіофъ не забылъ обѣщанія Фабриціуса, и какъ только начались первые утренники, сталъ всякій день выходить на дорогу караулить его.

— Что, везете лыжи? — спрашивалъ онъ его неизмѣнно всякій разъ.

— Подожди, еще рано бѣгать на лыжахъ!— смѣясь, отвѣчалъ гость.

Но вотъ выпалъ снѣгъ, рѣчка покрылась тонкимъ льдомъ.

— Неужели обманетъ? — съ волненіемъ думалъ маленькій Фритіофъ, и старыя лыжи стали казаться ему такими гадкими, что у него пропала всякая охота надѣвать ихъ.

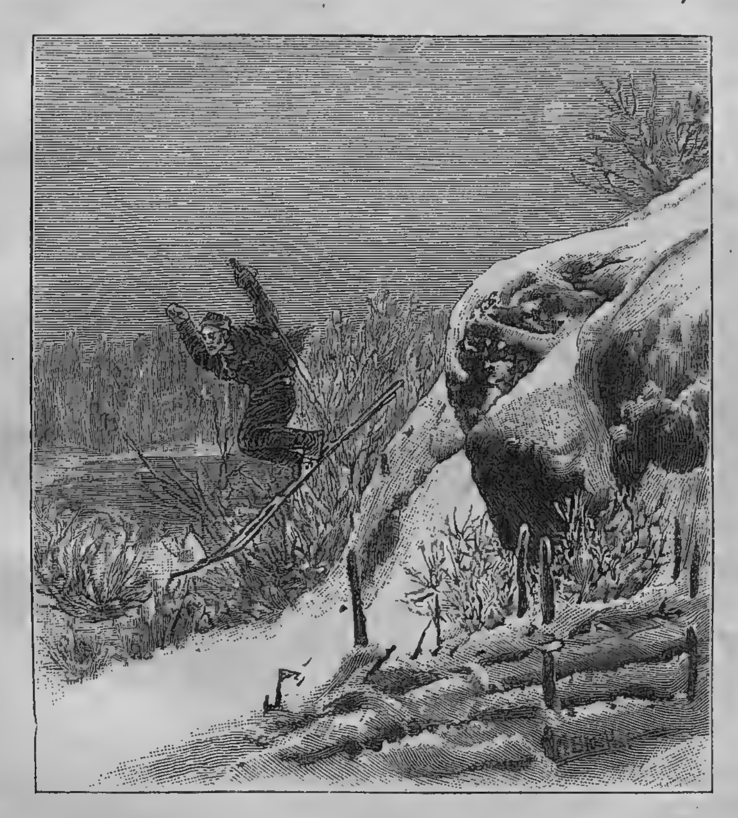
И вдругъ однажды, когда вся семья собиралась къ обѣду, въ комнату вошла старшая сестра съ большимъ сверткомъ въ рукахъ.

— Посылка Фритіофу!—торжественнымъ голосомъ объявила она.

Дрожащими отъ волненія руками принялся мальчикъ распутывать веревки, связывавшія свертокъ. Какова же была его радость, когда въ бумагѣ оказались прелестныя новыя лыжи изъ ясеневаго дерева, лакированныя, красныя, съ черными полосками. Къ нимъ была приложена длинная, тоже лакированная, палка съ блестящей голубой головкой. Фритіофу казалось, что счастливѣе его нѣтъ мальчика на свѣтѣ. На этихъ лыжахъ можно было бѣгать съ братьями въ лѣсъ, не стыдно было показаться и передъ городскими товарищами.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сторе-Фрэнъ находился высокій, крутой холмъ, на которомъ каждый годъ происходили состязанія лыжебѣжцевъ. Фритіофу было запрещено бѣгать на немъ. Долго крѣпился онъ, но не выдержалъ и попробовалъ сбѣжать съ половины холма. Попытка кончилась удачно, и онъ сталъ чуть не каждый день упражняться на запрещенномъ мѣстѣ. Съ нимъ вмѣстѣ бѣгали и другіе мальчики, старше и сильнѣе его. Многіе изъ нихъ ловко сбѣгали съ верхушки холма, и Фритіофу скоро показалось обиднымъ отставать отъ нихъ. Онъ разбѣжался, сдѣлалъ прыжокъ съ края обрыва и полетѣлъ внизъ; лыжи отвязались отъ ногъ и врѣзались въ сугробъ; а мальчикъ опи-

салъ въ воздухѣ дугу головой впередъ и воткнулся въ снѣгъ по поясъ. Толпа, стоявшая на холмѣ, вдругъ смолкла; всѣ были увѣрены, что Фритіофъ погибъ. Но вотъ мальчикъ началъ шевелиться, ба-

рахтаться и черезъ нѣсколько секундъ приподнялся весь засыпанный снѣгомъ. Дружный хохотъ товарищей привѣтствовалъ его спасеніе.

На этомъ же холмѣ Фритіофъ нѣсколько лѣтъ спустя участвовалъ въ состязаніи лыжебѣжцевъ и даже получилъ призъ. Впрочемъ, этотъ призъ ни-

сколько не обрадовалъ его; онъ даже не принесъ его домой. Дѣло въ томъ, что на состязаніе пришло нѣсколько крестьянъ изъ Телемаркена, сѣверной провинціи Норвегіи. Это были удивительно искусные лыжебѣжцы. Разбѣжавшись, они летѣли прямо съ края обрыва внизъ, на лету поворачивали лыжи въ ту или другую сторону и останавливали ихъ среди самаго крутого спуска. При этомъ они совсѣмъ не пользовались шестами, какъ другіе лыжебѣжцы. Искусство ихъ такъ поразило и очаровало Фритіофа, что ему стало стыдно своего бѣганья, онъ рѣшилъ, что не заслужилъ приза, и далъ себѣ слово научиться бѣгать совершенно такъ же, какъ телемаркенцы.

II.

Обстановка, въ которой проходило дѣтство Фритіофа Нансена, была самая простая, чуждая роскоши. Большую часть домашнихъ работъ г-жа Нансенъ дѣлала сама, по возможности обходясь безъ прислуги, и дѣти съ раннихъ лѣтъ пріучались помогать ей. Кушанья за обѣдомъ и ужиномъ подавались самыя незатѣйливыя; ни нарядныхъ костюмовъ, ни дорогихъ игрушекъ въ домѣ не водилось. Никто не нѣжилъ и не баловалъ маленькаго Фритіофа; а между тѣмъ онъ, несомнѣнно, росъ счастливымъ ребенкомъ. Вотъ, напр., что̀ онъ писалъ отцу своему, будучи уже взрослымъ человѣкомъ:

„Близокъ, близокъ первый сочельникъ, который мнѣ суждено провести не дома; близки веселыя

святки, которыя въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ рисуются верхомъ радости и блаженства. Мысли тихо несутся на своихъ мягкихъ, какъ пухъ, крыльяхъ назадъ въ родной, невыразимо дорогой домъ. Сколько проведено тамъ веселыхъ рождественскихъ праздниковъ! Какъ они торжественны и мирны, какимъ чистымъ, тихимъ, бѣлымъ являлось намъ окутанное снѣгомъ Рождество! Большіе, легкіе хлопья тихо опускались на землю и сѣяли серьезныя мысли въ дѣтскія души, трепетавшія отъ радости. Наконецъ наступалъ великій день, сочельникъ, и наше нетерпѣніе доходило до крайнихъ предѣловъ. Мы не могли ни минуты сидѣть спокойно на мѣстѣ; намъ непремѣнно надо было чѣмъ-нибудь заняться, чтобы время шло скорѣе, чтобы отвлечь мысли. Мы то заглядывали во всѣ замочныя скважины, то осматривали мѣшки съ изюмомъ, миндалемъ и финиками, пока ихъ не относили въ спальню, гдѣ обыкновенно убирали елку; то убѣгали во дворъ, катались на салазкахъ, бѣгали на лыжахъ до самаго вечера. Иногда случалось, что Эйнару (старшій братъ Фритіофа) или кому-нибудь другому надо было за чѣмъ-нибудь съѣздить въ городъ. Какое это было счастье! Какое удовольствіе прицѣпиться гдѣ-нибудь на кончикѣ саней и мчаться по чудной, гладкой дорогѣ въ городъ за покупками, а потомъ назадъ, домой. Бубенчики такъ и заливаются, а на темномъ небѣ выплываютъ звѣзды. Но вотъ наступала торжественная минута. Ты приходилъ въ комнату, чтобы зажечь елку; у насъ сердца такъ и прыгали. Ида

(старшая сестра) сидѣла въ уголку на креслѣ и старалась угадать, что̀ ей подарятъ; другіе улыбались, зная заранѣе какой-нибудь изъ готовившихся имъ сюрпризовъ; а намъ, малышамъ, обыкновенно говорили, что мы получимъ по длинному пучку розогъ, перевязанныхъ ленточкой, и вдругъ—дверь растворялась и передъ нами сіяли ослѣпительные огоньки елки,—какая картина! Мы задыхались отъ радостнаго волненія, въ первыя минуты почти нѣмѣли отъ восторга, а затѣмъ шумѣли и бѣсились отъ радости. Да, никогда, никогда въ жизни не забыть мнѣ васъ, веселые рождественскіе праздники“.

Зима приносила много наслажденій маленькимъ Нансенамъ, а лѣто еще больше. Скоро имъ мало стало окрестныхъ холмовъ и лѣсовъ, мало рѣчки, протекавшей по усадьбѣ. Ихъ тянуло дальше, въ болѣе дикія мѣста. Такія мѣста можно было найти недалеко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Христіаніи. Къ сѣверу отъ столицы Норвегіи тянутся на десятки верстъ огромные лѣса, покрывающіе горные скаты. Это такъ называемый Нормаркенъ. Ни селеній, ни даже проѣзжихъ дорогъ въ Нормаркенѣ нѣтъ. Онъ изрѣзанъ безчисленнымъ множествомъ тропинокъ, которыя пересѣкаются, развѣтвляются и часто упираются въ болото или кончаются узенькой тропочкой, протоптанной коровами. Быстрыя горныя рѣчки шумятъ среди лѣсной тишины; тихія, свѣтлыя озера отражаютъ прибрежные кусты и деревья. На берегу этихъ озеръ виднѣются тамъ и сямъ красные домики рыбаковъ, лѣсныхъ сторожей

и прочихъ весьма немногочисленныхъ обитателей Нормаркена. Въ настоящее время жители Христіаніи очень любятъ предпринимать всевозможныя экскурсіи въ эту дикую, пустынную мѣстность. Зимой компаніи лыжебѣжцевъ оглашаютъ веселымъ смѣхомъ скаты горъ и долины; лѣтомъ надъ рѣками и озерами выростаетъ цѣлый висячій лѣсъ удилищъ; осенью охотники пробираются съ ружьями по всѣмъ тропинкамъ. Лѣтъ 25—30 тому назадъ, когда Фритіофъ Нансенъ былъ мальчикомъ, Нормаркенъ посѣщался гораздо меньше, чѣмъ теперь. Въ немъ было очень много укромныхъ уголковъ, гдѣ любитель уединенія могъ бы нѣсколько недѣль вести жизнь Робинзона, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Попасть въ этотъ Нормаркенъ было мечтой Фритіофа съ ранняго дѣтства и, наконецъ, онъ осуществилъ эту мечту.

— На первый разъ я рѣшился дойти только до долины Серке,—разсказываетъ онъ.—Мнѣ было тогда лѣтъ 10—11. Въ Серке жили наши товарищи по школѣ, и они давно приглашали насъ къ себѣ. Одинъ разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы съ братомъ сидѣли на крылечкѣ дома, и вдругъ намъ пришло въ голову, что не худо бы побывать у товарищей.

— Мы понимали, что слѣдуетъ спросить позволенія; но въ то же время мы были увѣрены, что ни отецъ, ни мать не отпустятъ насъ. Кромѣ того, они легли спать послѣ обѣда, и мы не смѣли будить ихъ; а когда они проснутся, будетъ уже слишкомъ поздно. И вотъ мы улизнули потихоньку, безъ

спросу. Дорогу мы сначала знали хорошо, потомъ стали спрашивать то тамъ, то сямъ и такъ пробирались все дальше и дальше, сначала добрались до церкви въ Серке, а потомъ и до дома товарищей. Пришли мы туда только въ 7 часовъ вечера. Надо было поиграть съ товарищами, потомъ сходить въ овинъ, потомъ поудить рыбу. Но все у насъ какъ-то не клеилось. Совѣсть мучила насъ, и мы не могли отдохнуть и получаса. Нѣтъ, надо было идти домой. Мы боялись того, что́ ждетъ насъ дома, и потому обратный путь показался намъ гораздо тяжелѣе. Братъ стеръ себѣ ноги, и только къ 11 часамъ мы, усталые и унылые, подошли къ родному дому. Еще издали замѣтили мы, что дома всѣ на ногахъ,— должно быть, ищутъ насъ. Мужество совсѣмъ оставило насъ. Завернувъ за уголъ, мы вдругъ встрѣтили мать.

— Кто это? Вы, дѣти?

— Ну, вотъ теперь намъ достанется — подумали мы.

— Гдѣ вы были?—спросила мать.

— Да тамъ... въ Серке!—Вотъ-вотъ зададутъ!

Но мать только проговорила какимъ-то страннымъ голосомъ.

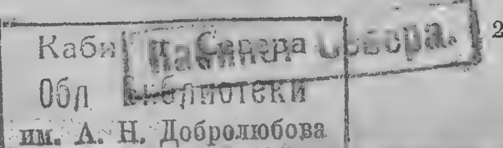
— Что за удивительныя дѣти!—и мы замѣтили у нея слезы на глазахъ. И представьте себѣ, ни одного упрека! Такъ мы и легли спать со стертыми ногами, но безъ всякой брани! А всего удивительнѣе было то, что черезъ нѣсколько дней намъ позволили опять сходить въ Серке.

— Кромѣ школьныхъ товарищей, у насъ былъ еще одинъ знакомый въ Серке: звали его Ола Кнубъ, — это былъ мужъ женщины, которая обыкновенно продавала намъ ягоды. Намъ позволили навѣстить Олу и половить рыбу въ Нормаркенѣ.

— То-то была радость, когда мы отправились въ путь съ кофейникомъ и удочками, заранѣе предвкушая прелести жизни въ лѣсу! Я до сихъ поръ такъ и вижу передъ собою бревенчатую хижину на берегу озера и голый каменистый горный скатъ за ней. Тамъ ждала насъ свобода, жизнь настоящихъ дикарей! Нѣтъ ни отца, ни матери: никто не будетъ заставлять насъ во-время ложиться спать, не будетъ звать обѣдать и ужинать. Мы могли распоряжаться временемъ, какъ хотѣли... Ночи были свѣтлыя и короткія, — мы не долго спали. Около полуночи заходили мы въ хижину, ложились на лавки и дремали нѣсколько часовъ; а задолго до восхода солнца уже опять ловили форелей въ рѣчкѣ, шлепая по водѣ, перепрыгивая съ камня на камень, при чемъ нерѣдко случалось упасть и очутиться подъ водой.

— Когда я сталъ постарше, мнѣ приходилось иногда по недѣлямъ жить въ лѣсу одному. Я не забиралъ съ собой много дорожныхъ припасовъ и вполнѣ довольствовался кускомъ черстваго хлѣба да пойманной рыбой. Мнѣ нравилось вести въ Нормаркенѣ жизнь Робинзона...

Онъ часто ходилъ туда и не одинъ, а со старшимъ братомъ и съ однимъ родственникомъ, страст-

нымъ охотникомъ и рыболовомъ. Съ каждымъ годомъ экскурсіи ихъ становились все продолжительнѣе, они проникали все дальше въ глубь Нормаркена. Обыкновенно лѣтомъ они отправлялись на рыбную ловлю въ субботу, тотчасъ послѣ обѣда, захвативъ съ собой немного хлѣба, масла, колбасы и кофе. Они шли часовъ пять, доходили до рѣки, гдѣ водилась хорошая форель, и тотчасъ же начинали удить. Удили они, пока было свѣтло, потомъ приготовляли себѣ неприхотливый ужинъ изъ жареной рыбы и кофе и укладывались спать, гдѣ попало: то въ шалашѣ какого-нибудь угольщика, то просто на травѣ подъ кустомъ.

Съ разсвѣтомъ они опять принимались за ловлю рыбы; въ полдень закусывали и отдыхали часа два, а тамъ снова за дѣло. Иногда они увлекались до того, что цѣлые часы стояли въ водѣ, и уже поздно вечеромъ отправлялись въ обратный путь въ мокрыхъ, набитыхъ пескомъ сапогахъ. Домой они приходили въ понедѣльникъ утромъ, страшно усталые, и толковали о томъ, какъ глупо такъ мучить себя изъза пустого удовольствія. Но стоило имъ хорошенько выспаться, и всѣ непріятности забывались; а въ слѣдующую субботу ихъ уже неудержимо тянуло въ тотъ же Нормаркенъ, на берегъ той же рѣчки.

Осенью и зимой ловля форелей смѣнялась охотой на зайцевъ. Иногда Фритіофъ и его товарищи цѣлыя сутки проводили безъ отдыха и безъ пищи. Одинъ разъ Фритіофу и его старшему брату пришлось провести въ лѣсу, на охотѣ за зайцами, цѣ-

лыхъ тринадцать дней; подъ конецъ они питались однѣми картофельными лепешками и чуть не умерли съ голоду вмѣстѣ со своей собакой. Вдругъ они случайно наткнулись на небольшую усадьбу, хозяинъ которой въ этотъ день только-что закололь свинью. Онъ гостепріимно предложилъ охотникамъ полакомиться свѣжей колбасой; они съ жадностью накинулись на эту пищу и наѣлись до того, что заболѣли.

Экскурсіи въ лѣсу пріучили Фритіофа мужественно переносить усталость, голодъ, отсутствіе не только всякихъ удобствъ, но даже просто опрятности. Сидя около костра на берегу рѣки, онъ не задумываясь поднималъ съ земли грязную щепку и мѣшалъ ею свой кофе, не поморщившись съѣдалъ полусырую или попорченную рыбу.

Одинъ разъ онъ съ нѣсколькими товарищами предпринялъ большую экскурсію на лыжахъ. Всѣ запаслись мѣшечками съ провизіей, только у Фритіофа ничего не было.

На первомъ же привалѣ началось взаимное угощеніе, и вотъ Фритіофъ разстегнулъ куртку и вытащилъ изъ-за подкладки кармана нѣсколько блиновъ; они такъ согрѣлись во время его бѣга, что отъ нихъ валилъ паръ. Фритіофъ съ гордостью поднялъ ихъ надъ своей головой.

— Кто хочетъ моихъ блиновъ? Горячихъ блиновъ?—спрашивалъ онъ.

Мальчики сомнительно посмотрѣли на кушанье, подогрѣтое такимъ необычнымъ способомъ, но не рѣшались отвѣдать его.

— Экіе вы глупые!—вскричалъ Фритіофъ:—развѣ вы не видите, что они съ вареньемъ!—И онъ съ большимъ аппетитомъ съѣлъ блины, возбуждавшіе брезгливость других̆ъ.

Жизнь среди природы, всевозможныя прогулки и экскурсіи не мѣшали учебнымъ занятіямъ Фритіофа. Въ приготовительной школѣ онъ все время шелъ первымъ и приводилъ въ восторгъ учителей своею смѣтливостью и любознательностью. Въ реальномъ училищѣ, куда онъ перешелъ, окончивъ курсъ школы, дѣла пошли не такъ хорошо; учителя попрежнему хвалили его способности, но находили, что онъ недостаточно усидчивъ въ работѣ, что онъ часто бываетъ невнимателенъ и разсѣянъ. Какъ это ни странно, но Фритіофъ заслуживалъ эти неодобрительные отзывы, именно благодаря своей неутомимой любознательности. Постоянно въ головѣ его сидѣлъ какой-нибудь вопросъ, касавшійся окружающей природы или жизни животныхъ, и вопросъ этотъ преслѣдовалъ его до того, что онъ не могъ сосредоточиться на классныхъ занятіяхъ. Пока онъ былъ маленькимъ мальчикомъ, онъ приставалъ къ окружающимъ съ безконечными „какъ", „почему"; когда сталъ старше, онъ началъ искать отвѣты на эти „какъ" и „почему" отчасти въ книгахъ, а главное—въ собственныхъ наблюденіяхъ и опытахъ. Въ старшихъ классахъ реальнаго училища онъ сильно заинтересовался химіей. Ни у него, ни у его друга Карла не было средствъ завести настоящую лабораторію, а между тѣмъ имъ непре-

мѣнно хотѣлось продѣлать самимъ тѣ опыты, о которыхъ они читали въ книгахъ, или которые показывалъ имъ учитель въ классѣ. И вотъ они устраивали свои опыты домашними средствами, съ помощью самодѣльныхъ колбочекъ и ретортъ, которыя часто бились, лопались и доставляли не мало непріятностей юнымъ естествоиспытателямъ. Эти опыты производились обыкновенно въ комнатѣ Карла, на чердакѣ небольшого деревяннаго дома, и грозили немалой опасностью всѣмъ жителямъ этого дома. Одинъ разъ мальчики, которымъ было уже лѣтъ 15—16, вздумали произвести изслѣдованіе какихъ-то горючихъ веществъ. Они наложили ихъ въ фарфоровую ступку, которую дала имъ хозяйка съ условіемъ, что они будутъ беречь ее, и принялись производить надъ ними разныя пробы. Вдругъ—они сами не знали, отчего это вышло—изъ ступки взвился столбъ пламени. Перепуганные мальчики схватили ступку и, не долго думая, бросили ее за окно. Огонь погасъ, ступка разбилась въ дребезги, жидкость, наполнявшая ее, потекла по стѣнѣ дома, а бѣдные химики съ закоптѣлыми лицами и обожженными руками бросились на полъ и рѣшили лежать неподвижно, пока не придутъ старшіе.

Братъ Фритіофа, бывшій въ томъ же домѣ, внизу, прибѣжалъ на шумъ и ужаснулся; ему представилось, что оба мальчика убиты взрывомъ. Они, конечно, очень скоро подали признаки жизни, но охотно разыгрывали роль пострадавшихъ, чтобы избѣгнуть упрековъ за разбитую ступку и вообще за неосторожность.

III.

18-ти лѣтъ Фритіофъ кончилъ курсъ реальнаго училища и долженъ былъ избрать себѣ какую-нибудь карьеру. Онъ такъ любилъ всякія физическія упражненія, что ему представлялось всего пріятнѣе жизнь военнаго, и онъ записался-было въ военное училище, но ненадолго. Страсть къ научнымъ занятіямъ заставила его бросить мысль о военной службѣ и поступить въ университетъ.

Отецъ его хотѣлъ, чтобы онъ готовился къ государственной службѣ; самъ онъ ничего не имѣлъ противъ поступленія на юридическій факультетъ, но не могъ отказаться отъ своихъ любимыхъ естественныхъ наукъ и сталъ, кромѣ юридическихъ лекцій, слушать лекціи медицинскаго факультета. Скоро онъ увлекся зоологіей такъ, что забросилъ все остальное.

Въ 1882 г. одинъ знакомый профессоръ предложилъ ему съѣздить въ Ледовитый океанъ на суднѣ тюленепромышленниковъ, отправлявшихся на ловлю тюленей. Поѣздка эта должна была доставить Нансену массу матеріала для наблюденій.

„Не оставляйте безъ вниманія ничего окружающаго,—говорилъ ему профессоръ,—и записывайте всѣ ваши наблюденія. Это путешествіе можетъ послужить для васъ прекрасной подготовкой къ дѣятельности естествоиспытателя“.

Нансенъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе. Ему оставалось нѣсколько недѣль до отъѣзда;

онъ посвятилъ ихъ изученію строенія тѣла тюленей, и 11 марта отплылъ на пароходѣ *Викингъ* въ свою первую полярную экспедицію.

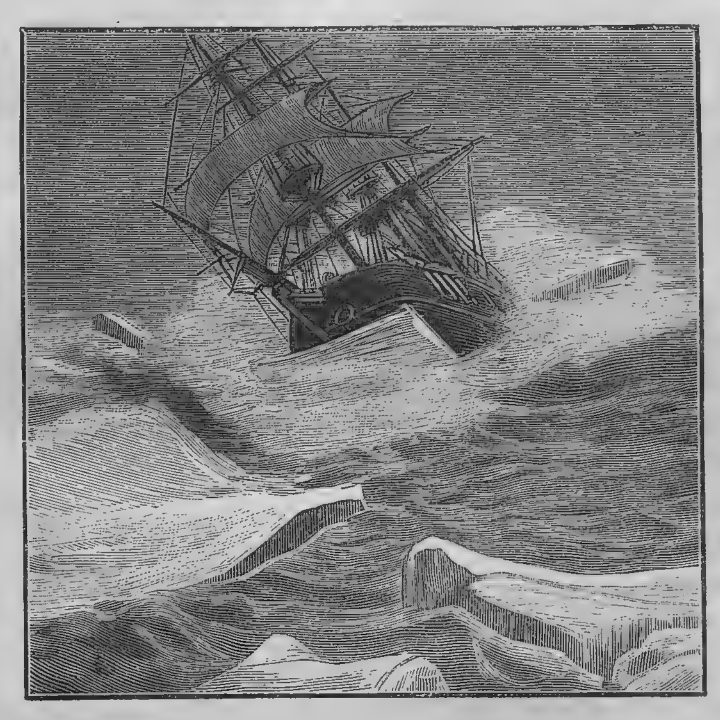
Ледовитый океанъ негостепріимно встрѣтилъ Нансена. Цѣлую недѣлю пришлось *Викингу* терпѣть бурю и непогоду; волны перекатывались черезъ палубу; гротъ-мачту сломало. Эти препятствія не могли удержать промышленниковъ, которые спѣшили на сѣверъ, чтобы не опоздать къ ловлѣ тюленей, и 18 марта судно вступило въ область льдовъ.

Вотъ какъ описываетъ Нансенъ свою первую встрѣчу съ льдинами:

„Мы были недалеко отъ островомъ Янъ-Майенъ, когда ночью раздался крикъ вахтеннаго: „Ледъ впереди!“ Я выскочилъ на палубу и глядѣлъ во всѣ стороны, но все кругомъ было темно и черно. Вдругъ изъ этого мрака выступило что-то большое, бѣлое; это *что-то* росло, выдѣляясь своей чудной бѣлизной на черномъ фонѣ моря. Это была первая ледяная глыба, встрѣченная нами! Потомъ стали попадаться еще и еще глыбы; онѣ сіяли впереди нашего судна, скользили мимо насъ со страннымъ шипящимъ шумомъ и оставались позади насъ. На сѣверной части неба появился какой-то удивительный свѣтъ, особенно яркій на краю горизонта и блѣднѣвшій къ зениту. Я никогда прежде не видалъ ничего подобнаго; въ то же время я услышалъ съ сѣвера странный шумъ, точно разбивались волны объ утесистый берегъ. Все это производило на меня какое-то необыкновенное впечатлѣніе, будто я стоялъ на порогѣ

новаго міра. Что значилъ этотъ свѣтъ, эти звуки? Оказалось, что свѣтъ есть отраженіе бѣлыхъ массъ льда въ воздухѣ, а звукъ производили морскія волны. Въ тихія ночи этотъ шумъ слышенъ очень далеко. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ шумъ становился все громче, пловучія льдины попадались все чаще, и наше судно нерѣдко сталкивалось съ ними. Съ грохотомъ подступали онѣ къ намъ; но крѣпкій носъ нашего судна отбрасывалъ ихъ въ сторону. Иногда толчекъ былъ такъ силенъ, что все судно дрожало и мы не могли устоять на ногахъ. Черезъ нѣсколько времени *Викингъ* былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ льдами. Дня два мы плыли вдоль ледяного поля. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; мы рѣшили пробиться сквозь ледъ и переждать бурю подъ защитой ледяныхъ глыбъ. Капитанъ велѣлъ повернуть судно носомъ къ ледяному полю; но прежде чѣмъ мы достигли его, буря разразилась. Паруса были спущены; но вѣтеръ все-таки гналъ насъ впередъ. Судно врѣзалось въ ледъ; его бросало съ одной льдины на другую; но оно продолжало подвигаться впередъ среди ночного мрака. Волненіе становилось все сильнѣе и сильнѣе. Льдины высоко вздымались подъ носомъ судна и падали одна на другую; вокругъ насъ все кипѣло и шумѣло; вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ; ни слова не было слышно, кромѣ голоса капитана, господствовавшаго надъ бурнымъ моремъ и спокойно, твердо отдававшаго приказанія. Эти приказанія молча, съ необыкновенною точностью исполнялись поблѣднѣвшими матросами, которые всѣ

были на палубѣ; ни одинъ изъ нихъ не рѣшался оставаться внизу, когда судно трещало по всѣмъ швамъ. Мы все продолжали пробивать себѣ дорогу среди льда. Управлять судномъ не было никакой надобности; его приходилось предоставить самому

себѣ, какъ предоставляютъ самихъ себѣ лошадей на горныхъ дорогахъ. Вода кипѣла и бушевала вокругъ бортовъ; шхуна то переѣзжала черезъ льдины, то разбивала ихъ въ куски, то отбрасывала въ сторону,— онѣ не могли устоять противъ нея. И вотъ, вдругъ поднимается направо громадная бѣлая глыба и грозитъ снести снасти и баканецъ. Ботъ, висѣвшій на

баканцѣ, быстро втащили на палубу, руль опустили, и мы прошли мимо льдины безъ всякаго вреда. Затѣмъ огромная волна налетаетъ на нашу корму, и мы слышимъ трескъ ломающагося дерева: льдиной сломало рѣшетку лѣваго борта. Судно двигается дальше; мы слышимъ новый трескъ,—справа рѣшетки тоже поломаны.

„Когда мы въѣхали въ средину ледяного пространства, стало тише. Море сдѣлалось спокойнѣе, шумъ смолкъ, хотя буря продолжала бушевать съ прежнею яростью. Вѣтеръ свистѣлъ и визжалъ въ снастяхъ, на палубѣ съ трудомъ можно было стоять. Буря какъ будто злилась, что не могла трепать насъ такъ, какъ въ открытомъ морѣ. Мы сильно рисковали, спасаясь отъ бури среди льдинъ; но намъ удалось достичь затишья, и опасность миновала. Когда я на слѣдующее утро вышелъ на палубу, солнце ярко сіяло, кругомъ лежали ослѣпительно-бѣлыя льдины, и только сломанныя рѣшетки напоминали о ночной бурѣ. Такова была моя первая встрѣча съ льдинами“.

Послѣ этого *Викингъ* двинулся еще дальше на сѣверъ; но экипажъ его сильно волновался. Судя по времени года и по той широтѣ, на которой находилось судно, оно должно было бы уже давно встрѣтить тюленей, а между тѣмъ ихъ нигдѣ не было видно. Другія суда, ѣхавшія съ тою же цѣлью, встрѣчались имъ по временамъ на пути и, повидимому, имѣли столь же мало успѣха.

Больше мѣсяца блуждалъ *Викингъ* по океану, то

попадая въ ледяные заторы, которые держали его по нѣсколько дней въ плѣну, то снова выходя въ открытое море. Нансену было достаточно времени любоваться природой Ледовитаго океана, и онъ отъ всей души любовался ею.

„Какое разнообразіе красокъ и оттѣнковъ! — писалъ онъ. — Небо то покрывается бѣлымъ отблескомъ льдинъ, то темнѣетъ, какъ бы отражая море, то загорается пурпуромъ отъ солнечныхъ лучей, то золотится, когда этотъ пурпуръ смѣшивается съ бѣлымъ отблескомъ льда. А самые льды! Они то зеленые, то голубые, а въ ледяныхъ гротахъ представляются темносиними. Многимъ можетъ прискучить это безмолвное спокойствіе природы, эти необозримыя равнины льда. Многіе почувствуютъ себя здѣсь черезчуръ одинокими, безпомощными, почувствуютъ недостатокъ жизни, улыбающихся полей и луговъ, пасущихся коровъ, дыма изъ трубъ хижинъ, гдѣ варится ужинъ... Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; здѣсь всякій слѣдъ человѣческихъ трудовъ исчезаетъ съ такой же быстротой, съ какой исчезаетъ на водѣ за нами слѣдъ нашего судна. Но тотъ, кто ищетъ въ природѣ мира, постоянства и свободы, найдетъ ихъ здѣсь!“

Только 25 апрѣля на льдинахъ начали показываться молодые тюлени. Но при этомъ на море палъ такой сильный туманъ, что объ охотѣ нечего было и думать.

Когда туманъ немного разсѣялся, съ *Викинга* замѣтили нѣсколько судовъ. Направили курсъ къ бли-

жайшему: оказалось, что это *Нордъ-Капъ*, стоявшій съ закрѣпленными парусами.

— Гдѣ же это вы пропадали, капитанъ Крефтингъ?—кричатъ съ него въ рупоръ.

Экипажъ *Викинга* точно молніею поразило: *Нордъ-Капъ* нагруженъ тюленями! Дальше стоитъ *Новая Земля*, тоже нагруженная, дальше еще пять-шесть и всѣ съ богатой добычей! Оказалось, что ловля происходила всего въ 4 миляхъ на сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ *Викингъ*, задержанный туманомъ.

Нечего дѣлать, пришлось двинуться дальше! 2 мая показался издали Шпицбергенъ. Нансену очень хотѣлось пробраться туда, чтобы увидать стада сѣверныхъ оленей и гагачьи гнѣзда; но *Викингъ* повернулъ на западъ.

Въ концѣ мѣсяца прошли около береговъ Гренландіи. Глетчеры горѣли въ лучахъ заходящаго солнца, а темные силуэты скалъ грозно поднимались на фонѣ пурпурнаго неба.

До половины іюня *Викингъ* лишь изрѣдка посылалъ свои лодки на охоту за тюленями; но 16-го числа удалось ему, наконецъ, напасть на цѣлыя стада этихъ животныхъ, расположившихся на льдинахъ, и захватить богатую добычу. Нансенъ принималъ дѣятельное участіе въ этой охотѣ и вотъ какъ онъ ее описываетъ.

„Когда капитанъ далъ приказаніе готовиться, судно огласилось криками радости. На бакѣ господствуетъ сильнѣйшее волненіе, о снѣ никто не ду-

маетъ; матросы надѣваютъ особые костюмы и сытно закусываютъ, чтобы подкрѣпить свои силы къ предстоящей работѣ. Между тѣмъ судно продолжало пробираться впередъ и, наконецъ, очутилось среди льдинъ, на которыхъ лежали тюлени. Капитанъ даетъ приказаніе отправляться. Команда бѣжитъ къ лодкамъ, которыя подвѣшены съ обѣихъ сторонъ парохода. Стрѣлки — на каждую лодку полагается по одному, и ему подчиняются матросы—получаютъ приказанія отъ капитана. Судно идетъ тихимъ ходомъ; вся жизнь переходитъ съ него на лодки. Ихъ быстро спускаютъ на воду; и онѣ расходятся въ разныя стороны. Охотникъ стоитъ на носу, устремивъ глаза на тюленя, котораго долженъ пристрѣлить; рулевой держитъ руль; прочіе три-четыре человѣка команды усердно работаютъ веслами; всѣ волнуются и съ нетерпѣніемъ ждутъ начала охоты.

Разъ тюлень увидѣлъ лодку, надобно стараться, чтобы она не заходила за льдину, которая можетъ скрыть ее отъ его глазъ. Ее слѣдуетъ вести по возможности открытымъ путемъ, прямо на того тюленя, котораго предполагаютъ убить первымъ.

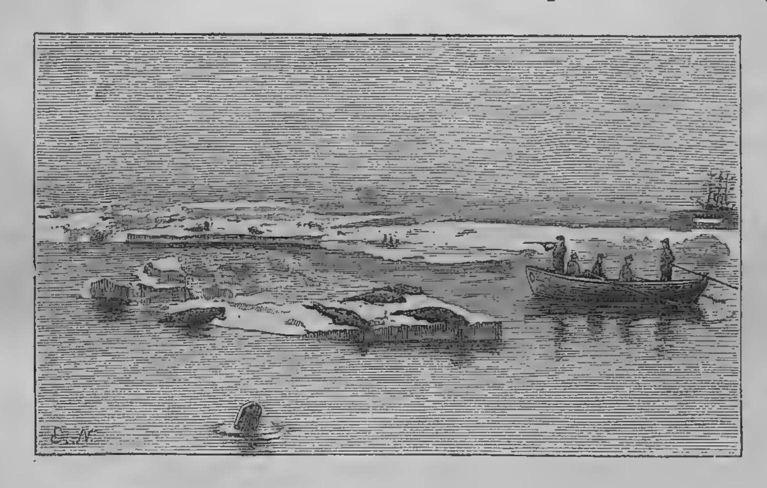
Тюлени должны все время видѣть лодку, иначе они испугаются и исчезнутъ.

Замѣтивъ лодку въ нѣкоторомъ разстояніи, тюлень обыкновенно поднимаетъ голову; если лодка не очень близко, онъ снова укладывается. Затѣмъ, когда лодка приближается, онъ снова поднимаетъ голову и смотритъ на этотъ странный предметъ, потомъ внизъ на воду. Лодка все приближается,

гребцы гребутъ изо всѣхъ силъ; тюлень безпокоится, подвигается къ самому краю льдины и нерѣшительно смотритъ то на лодку, то на воду. Наконецъ, онъ ясно выказываетъ намѣреніе прыгнуть. Тогда экипажъ лодки, по приказанію своего командира, поднимаетъ страшный вой. Это странное явленіе приводитъ тюленя въ оцѣпенѣніе; очнувшись, онъ еще ближе придвигается къ краю льдины. Новое завываніе, еще болѣе страшное и продолжительное, опять останавливаетъ его; онъ вытягиваетъ шею и слушаетъ внимательно, съ удивленіемъ глядя на лодку, которая продолжаетъ приближаться. Но вотъ онъ наклоняется надъ краемъ льдины и протягиваетъ шею къ водѣ, несмотря на продолжающійся вой съ лодки. Онъ, какъ видно, рѣшилъ уйти, и если лодка не настолько близко, чтобы выстрѣлъ могъ убить его, охотникъ долженъ какъ можно скорѣй пустить зарядъ въ край льдины подъ тюленемъ: снѣгъ и ледъ разлетятся передъ нимъ во всѣ стороны, и эта новая опасность заставляетъ его въ ужасѣ отступить, при чемъ онъ не спускаетъ глазъ съ края льдины, гдѣ, очевидно, подстерегаетъ его какой-нибудь коварный врагъ.

Пока тюлень раздумываетъ объ этой новой опасности, лодка подходитъ близко; по командѣ ея начальника весла поднимаются, гребцы сидятъ неподвижно; охотникъ прицѣливается, стрѣляетъ прямо въ лобъ тюленю, и тотъ въ послѣдній разъ опускаетъ голову на льдину. Если на одной льдинѣ или на нѣсколькихъ сосѣднихъ лежитъ много тю-

леней, ихъ можно не торопясь перебить всѣхъ поочередно. Самое главное—убить перваго сразу наповалъ. Остальные продолжаютъ лежать спокойно, глядя на убитыхъ товарищей и не понимая, что они убиты. Они, очевидно, думаютъ, что если эти лежатъ неподвижно, когда враги близко, то, значитъ, нѣтъ надобности двигаться. Съ другой стороны, если охотникъ промахнется и только ранитъ тюленя,

такъ что онъ начнетъ подскакивать и упадетъ въ воду, можно сказать почти навѣрно, что всѣ остальные перепугаются и тоже исчезнутъ. Послѣ этого понятно, какъ важно, когда на лодкѣ есть хорошій стрѣлокъ.

Застрѣливъ тюленей, съ нихъ снимаютъ шкуру, для чего весь экипажъ лодки, вооруженный ножами, выходитъ на льдину. Съ собой забираютъ только шкуру и толстый слой подкожнаго жира, остальное оставляютъ на льдинѣ въ пищу морскимъ птицамъ.

Въ концѣ іюня *Викинга* затерло льдами около южныхъ береговъ Гренландіи, и цѣлый мѣсяцъ судно простояло на мѣстѣ, теряя самое лучшее время для ловли тюленей. Экипажъ сильно пріунылъ; но для Нансена это былъ самый интересный періодъ путешествія. Онъ добросовѣстно дѣлалъ всѣ наблюденія, какія рекомендовалъ ему профессоръ, спускалъ въ море сѣти и подробно изучалъ попадавшихся животныхъ и растенія, снималъ фотографіи съ окружающей мѣстности и удовлетворялъ свою страсть охотника. Около Гренландіи не было тюленей, зато было множество бѣлыхъ медвѣдей, и Нансенъ неутомимо, съ опасностью жизни, гонялся за ними. Какъ только раздавался крикъ: „медвѣди!“ — онъ бросалъ работу, вскакивалъ изъ-за обѣда, просыпался отъ сна и хватался за ружье. Одинъ разъ показалось три большихъ медвѣдя, но всѣ три, подойдя на нѣкоторое разстояніе отъ судна, вдругъ повернули назадъ и обратились въ бѣгство.

„Мы съ капитаномъ и съ матросомъ Олуфомъ,— разсказываетъ Нансенъ, — пустились догонять ихъ, стараясь держаться подъ прикрытіемъ ледяныхъ глыбъ. Впопыхахъ я забылъ, что льдины часто бываютъ обманчивы: онѣ кажутся твердыми и плотными, а на самомъ дѣлѣ вода уже подмыла ихъ снизу. Мы подбѣжали къ широкой полыньѣ, черезъ которую надобно было перепрыгнуть; я сдѣлалъ прыжокъ, да на бѣду край льдины оказался хрупкимъ, и я очутился съ головой въ водѣ. Было холодновато, но, главное, надобно было спасать ружье; я

перебросилъ его на сосѣднюю льдину, но, какъ на бѣду, край ея былъ высокъ, и ружье не попало на мѣсто, а скатилось въ воду. Я нырнулъ за нимъ, поймалъ его, нашелъ мѣсто, гдѣ можно было выкарабкаться на ледъ и вылѣзъ съ ружьемъ въ рукѣ. Осмотрѣлъ дуло и замокъ,—все въ порядкѣ, и снова пустился бѣжать во весь духъ. Между тѣмъ, капитанъ намного опередилъ меня: увидя, что я провалился, онъ перепрыгнулъ на другую льдину и продолжалъ бѣжать. Къ счастью, я въ этотъ день былъ одѣтъ легко: въ парусинныхъ башмакахъ и шерстяной курткѣ, такъ что воды въ одежду набралось немного, и она быстро стекла. Благодаря этому, я скоро наверсталъ потерянное время и, увидавъ, что медвѣдь скрылся за высокой льдиной, пошелъ ему наперерѣзъ. Только-что я обогнулъ глыбу, какъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Мишкой. Я прицѣлился, но онъ былъ быстрѣе меня: сразу бултыхъ въ воду, и моя пуля попала ему въ задъ. Подбѣгаю къ краю льдины, чтобы дать выстрѣлъ по Мишкѣ въ водѣ,—его не видать. Куда онъ дѣвался? Въ глубинѣ что-то бѣлѣетъ... Ага, вотъ въ чемъ дѣло! Надо перебраться на другой край длинной полыньи и встрѣтить Мишку тамъ... Въ срединѣ полыньи плавали двѣ небольшія льдины. Я удачно перепрыгнулъ на первую изъ нихъ, но она едва могла сдержать меня. Вдругъ вижу голову медвѣдя у другой льдины. Онъ съ ревомъ бросился на нее, еще минута—и онъ бросится на меня... Но я предупредилъ его и всадилъ ему пулю въ самую грудь.

Онъ закачался и издохъ... я чуть не сказалъ, на моихъ рукахъ. На самомъ дѣлѣ я его поддерживалъ за уши, чтобы онъ не упалъ въ воду. Спутники скоро подоспѣли ко мнѣ на помощь. Съ помощью моего кожанаго пояса мы вытащили медвѣдя на ледъ. Онъ оказался огромнымъ, самымъ большимъ изъ всѣхъ убитыхъ нами. Отъ судна мы отбѣжали далеко, и прошло не мало времени, пока къ намъ пришли оттуда люди на помощь. Всѣ принялись потрошить медвѣдя, а меня капитанъ отослалъ на судно, такъ какъ я сильно промокъ и иззябъ. Подходя къ судну, я увидѣлъ вдали трехъ матросовъ, изъ которыхъ двое были съ ружьями. Они мнѣ закричали, что идутъ на медвѣдя, но что мнѣ нельзя принять участія въ охотѣ, такъ какъ медвѣдь отъ нихъ всего на выстрѣлъ. Ну, что-жъ, подумалъ я, пусть себѣ охотятся: съ меня довольно на сегодня. Вдругъ узнаю, что медвѣдь не одинъ, что ихъ цѣлыхъ три.—Это ужъ слишкомъ много на ихъ долю. Одного бы я имъ уступилъ, но изъ трехъ одинъ могъ и мнѣ достаться. Я опять пустился бѣжать. Я уже успѣлъ такъ промокнуть, что вымокнуть немножко больше ничего не значило, и мнѣ не стоило обходить полыньи. Скоро я догналъ матросовъ: они легли стеречь медвѣдя, который шелъ на нихъ. Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, чтобы не помѣшать имъ; но они боялись, какъ бы я не предупредилъ ихъ, поторопились выстрѣлить и только ранили звѣря, который съ ревомъ пустился бѣжать прочь отъ нихъ. Тогда пришла моя очередь. Я пу-

стилъ ему пулю въ грудь, а потомъ, когда онъ обернулся, прострѣлилъ голову, и онъ упалъ мертвый. Надобно было догонять второго. Съ корабля намъ дали знакъ, въ какомъ направленіи онъ скрылся; мы побѣжали туда и вскорѣ открыли звѣря, который преспокойно доѣдалъ тюленя. Онъ былъ такъ занятъ, что не замѣтилъ, какъ мы подошли къ нему на выстрѣлъ. Чтобы привлечь его вниманіе, я свистнулъ,—не слышитъ; я еще разъ—то же самое. Я свистнулъ изо всѣхъ силъ,—онъ поднялъ голову. Я прицѣлился въ спину и выстрѣлилъ; въ то же время выстрѣлили и матросы. Медвѣдь заревѣлъ и задомъ сползъ въ воду. Я бросился къ краю полыньи и остановился, разсчитывая, что медвѣдь сильно раненъ и что я докончу его выстрѣломъ, когда онъ вылѣзетъ на ледъ по другую сторону. Но я ошибся въ разсчетѣ. Медвѣдь вылѣзъ изъ воды подъ прикрытіемъ ледяной глыбы, съ ловкостью кошки вскарабкался на ледъ и пустился въ бѣгство. У меня даже лицо вытянулось; я послалъ ему вдогонку пулю, промахнулся, и затѣмъ у насъ начался бѣгъ, вполнѣ вознаградившій меня за разочарованія. Олуфъ (матросъ), безъ ружья, съ однимъ только ломомъ и веревкой въ рукахъ, слѣдовалъ за мной, но отсталъ у первой же широкой полыньи, черезъ которую нельзя было перепрыгнуть. Мнѣ не хотѣлось дѣлать большого круга, я пустился прямо вплавь и услышалъ позади себя громкій хохотъ. Это смѣялся Олуфъ надъ моимъ страннымъ способомъ переправы черезъ полыньи. Онъ хотѣлъ сдѣлать похитрѣе: ло-

момъ сдвинулъ въ середину полыньи льдину и прыгнулъ на нее. Теперь пришла моя очередь хохотать: онъ очутился по поясъ въ водѣ и достигъ противоположнаго края полыньи весь мокрый, набравъ полные сапоги воды. Ему пришлось остановиться выливать воду; я въ своихъ низкихъ парусинныхъ башмакахъ не нуждался въ этомъ и не сталъ ждать его. Состязаніе между мной и медвѣдемъ продолжалось, и каждый изъ насъ рѣшилъ постоять за себя. Онъ спасалъ свою голову, я—свою честь: было бы стыдно упустить медвѣдя изъ-подъ носу. Моя пуля попала ему въ спину, но только слегка ранила его; спутники же мои промахнулись. Мы летѣли по льду, какъ только несли ноги; то я почти настигалъ медвѣдя, то онъ далеко опережалъ меня. Мы оставляли позади себя одну полынью за другою; я или перепрыгивалъ черезъ нихъ, или, если онѣ были слишкомъ широки, переплывалъ ихъ,—обходить кругомъ было некогда. Сначала медвѣдь какъ будто не обнаруживалъ усталости, но когда мы пробѣжали съ милю, онъ началъ дѣлать извороты; я же продолжалъ бѣжать напрямикъ. Я понялъ, что медвѣдь усталъ, и немножко убавилъ ходу; но вдругъ онъ скрылся за ледяной глыбой. Пользуясь тѣмъ, что эта глыба мѣшаетъ ему видѣть меня, я припустилъ на всѣхъ порахъ, чтобы подбѣжать къ нему на выстрѣлъ. Не тутъ-то было: онъ пронюхалъ мою хитрость и тоже прибавилъ рыси. Мы опять полетѣли дальше. Наконецъ я настигъ его и пустилъ ему пулю въ грудь; другая пуля въ ухо покончила съ

нимъ. И вотъ я очутился одинъ съ убитымъ медвѣдемъ. Единственнымъ оружіемъ моимъ было ружье безъ патроновъ да перочинный ножикъ. Надо было подать знакъ на судно, чтобы мнѣ прислали подмогу; но отъ судна видны были однѣ мачты. Пришлось вскарабкаться на самую высокую глыбу и оттуда махать шапкой, надѣтой на дуло ружья".

Берега Гренландіи неудержимо влекли къ себѣ Нансена и своею дикою красотою, и своею недоступностью. За массами пловучаго льда вершины скалъ и ледники горѣли въ лучахъ полуденнаго солнца; вечеромъ и ночью, когда солнце опускалось и зажигало небо позади нихъ, дикая прелесть этой картины выступала еще ярче. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ на мостикѣ шкуны, направивъ подзорную трубу на эти еще никѣмъ не изслѣдованные берега и придумывалъ, какимъ бы способомъ добраться до нихъ. Пробиваться съ кораблемъ черезъ льдины было невозможно; ему казалось гораздо легче пройти по нимъ пѣшкомъ, захвативъ съ собой лодку, на которой можно бы переѣзжать черезъ большія полыньи. Онъ сталъ просить капитана позволить ему осуществить этотъ планъ, но капитанъ наотрѣзъ отказалъ. Онъ не рѣшался отпустить молодого человѣка одного на такое рискованное предпріятіе, и боялся дать ему лодку и людей, когда каждый день можно было ожидать, что подуетъ благопріятный вѣтеръ, который разгонитъ льдины и позволитъ судну выбраться въ открытое море.

Послѣ четырехнедѣльнаго стоянія у береговъ

Гренландіи *Викингъ* могъ, наконецъ, распустить паруса, развести пары и двинуться въ путь. Время охоты на тюленей было упущено, и судно направилось прямо къ Норвегіи.

IV.

Едва успѣлъ Нансенъ вернуться на родину, какъ ему предложили занять мѣсто консерватора (смотрителя) естественно-историческаго музея въ Бергенѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ Норвегіи. Это мѣсто было очень выгодно въ томъ отношеніи, что давало ему вполнѣ достаточныя средства къ жизни, а главное, предоставляло полную возможность заниматься наукой подъ руководствомъ директора музея, доктора Даніельсена, почтеннаго ученаго и очень симпатичнаго человѣка. Нансенъ съ радостью принялъ это мѣсто и отдался наукѣ съ такою же страстью, съ какою передъ тѣмъ кидался въ приключенія; онъ изслѣдовалъ движенія инфузорій въ каплѣ воды съ такою же настойчивостью, съ какою преслѣдовалъ бѣлыхъ медвѣдей среди ледяныхъ глыбъ; по цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ надъ микроскопомъ, погруженный въ работу, не замѣчая ничего окружающаго. А между тѣмъ страсть къ путешествіямъ не оставляла его.

„Меня такъ и тянетъ пуститься въ путь всякій разъ, какъ я слышу что-нибудь подобное,—писалъ онъ отцу въ отвѣтъ на описаніе счастливой охоты брата: — во мнѣ просыпается тоска и жела-

ніе испытать что-нибудь новое, желаніе путешествовать. И какъ оно волнуетъ меня, какъ мнѣ трудно подавить его, какъ мнѣ тяжело бороться съ нимъ! Лучшимъ лѣкарствомъ противъ такихъ припадковъ является работа: я примѣняю это лѣкарство, и почти всегда съ успѣхомъ".

Не прошло и года по возвращеніи его изъ путешествія, какъ въ головѣ его уже зародился планъ проникнуть внутрь Гренландіи. Одинъ разъ послѣ обѣда онъ спокойно слушалъ чтеніе газетъ, какъ вдругъ его поразило извѣстіе о благополучномъ возвращеніи знаменитаго путешественника Норденшельда изъ экспедиціи въ Гренландію. Норденьшельдъ еще въ 1870 г. пытался, хотя безуспѣшно, проникнуть внутрь этой негостепріимной страны; въ 1883 г. онъ повторилъ попытку и, высадившись у западнаго берега, проникъ на 117 верстъ внутрь страны. Дальше идти онъ не могъ, такъ какъ и самъ онъ, и его люди положительно вязли въ снѣгу; онъ остановился и послалъ впередъ своихъ спутниковъ, лапландцевъ, на лыжахъ. Лапландцы вернулись на третій день и разсказали, что пробѣжали болѣе 200 верстъ отъ мѣста стоянки и нигдѣ не видали ничего, кромѣ льда и снѣга.

Это извѣстіе о лыжахъ, какъ молнія, озарило Нансена. Если дѣйствительно Гренландія вся покрыта нетающимъ льдомъ, если лапландцы могли съ такой быстротой двигаться по ней на своихъ лыжахъ, то это вполнѣ возможно и для него. Но только онъ пройдетъ не 200, не 300 верстъ отъ

берега, а пробѣжитъ черезъ всю землю насквозь, и своими глазами убѣдится, есть ли на ней зеленые оазисы, какъ утверждали многіе путешественники, и какъ предполагалъ самъ Норденшельдъ до своей второй экспедиціи.

Мечта о такомъ путешествіи крѣпко засѣла въ голову Нансена; но прошло болѣе 4 лѣтъ, прежде чѣмъ ему удалось привести ее въ исполненіе. Эти 4 года были посвящены имъ исключительно научной дѣятельности, и онъ пріобрѣлъ среди ученыхъ извѣстность, какъ добросовѣстный, талантливый изслѣдователь. Въ то же время онъ никакъ не могъ отказаться отъ длинныхъ прогулокъ и пѣшкомъ, и на лыжахъ по горамъ и лѣсамъ родины. Одинъ разъ, отдыхая въ промежуткѣ между работами, онъ прочелъ въ газетахъ, что черезъ нѣсколько дней назначенъ призовой бѣгъ на лыжахъ съ холма Хусебю. Ему сразу представилась вся картина сосноваго лѣса зимой, горъ и скалъ, покрытыхъ блестящею пеленою снѣга. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ. Тотчасъ же побѣжалъ онъ къ директору музея, взялъ у него отпускъ на недѣлю, и на другой день уже уѣхалъ по желѣзной дорогѣ со своими драгоцѣнными лыжами. Чтобы добраться до мѣста состязанія, ему пришлось нестись на своихъ лыжахъ по извилинамъ горнаго хребта, скользить по краямъ крутыхъ обрывовъ. Время было въ концѣ зимы, когда обвалы горъ — явленіе весьма обычное въ Норвегіи; но Нансенъ и не думалъ объ этомъ. Пробѣжавъ нѣсколько часовъ и вдоволь надышавшись

свѣжимъ горнымъ воздухомъ, онъ расположился завтракать въ Лердальской долинѣ. Подъ ногами у него шумѣла и пѣнилась рѣка, сзади него поднималась отвѣсная скала, разсѣченная сверху до низу глубокимъ, крутымъ ущельемъ; повсюду виднѣлись свѣжіе слѣды огромнаго обвала, за которымъ по всѣмъ признакамъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать другой. Нансенъ спокойно завтракалъ и, любуясь водопадомъ, вспоминалъ, какъ часто лѣтомъ онъ ловилъ здѣсь рыбу. Вдругъ его вывелъ изъ задумчивости рѣзкій голосъ какого-то путника.

— Кто это тамъ усѣлся подъ самымъ обваломъ? Неужели ужъ хуже мѣста найти не могъ!

— Не бѣда! Услышу, какъ начнется!—безпечно отвѣчалъ Нансенъ.

— Чего тамъ начнется! Грянетъ сразу, словно выстрѣлъ изъ пушки, вотъ и все!

Несмотря на предостереженія, Нансенъ продолжалъ спокойно завтракать.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то быстро промчался на лыжахъ съ крикомъ:

— Если жизнь тебѣ не надоѣла, уходи прочь!

Но Нансенъ и не подумалъ уходить. Онъ сперва дозавтракалъ, затѣмъ сдѣлалъ въ своей записной книжкѣ эскизъ красивой мѣстности и только тогда двинулся дальше.

Ночь застигла его въ горахъ. Звѣздное небо ярко сіяло и освѣщало неровнымъ свѣтомъ горныя вершины.

„Среди безмолвной тишины величественной при-

роды не слышно было никакого звука, кромѣ моихъ шаговъ по снѣгу, — пишетъ Нансенъ. — Какое-то странное ощущеніе овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ идетъ одинъ-одинешенекъ въ звѣздную ночь по горной равнинѣ, далеко отъ человѣческаго жилья, высоко надъ обыденной человѣческой жизнью! Чувствуешь, что ты тутъ одинъ, наединѣ съ природою и Богомъ; укрыться негдѣ,—приходится, во что бы то ни стало, идти впередъ“.

Принявъ участіе въ призовомъ бѣгѣ на лыжахъ и повидавшись съ родными, Нансенъ снова вернулся въ Бергенъ, при чемъ на обратномъ пути не одинъ, а десять разъ рисковалъ жизнью. Сначала пришлось ѣхать узкой горной дорожкой между отвѣсной скалой съ одной стороны и крутой пропастью съ другой. Санки скользили и раскатывались, такъ что Нансену безпрестанно приходилось соскакивать съ нихъ и сильной рукой удерживать ихъ на самомъ краю обрыва. Переночевавъ въ домикѣ одного горца, Нансенъ пустился въ дальнѣйшій путь уже одинъ, на своихъ лыжахъ. Ему не хотѣлось спуститься прямо въ равнину Согне: его привлекали горные хребты, вершины которыхъ вздымались точно громадныя бѣлыя палатки, уходившія въ небо. Онъ много разъ лѣтомъ переходилъ черезъ эти горы,— какъ же было не пройти по гладкому зимнему пути на лыжахъ?

Дулъ попутный вѣтеръ, и Нансенъ быстро несся впередъ. На снѣгу виднѣлись свѣжіе слѣды оленей, потомъ еще другіе, — должно быть, волка и рыси.

Онъ направлялъ свой путь къ знакомымъ пастушьимъ шалашамъ, за которыми слѣдовалъ поворотъ и спускъ внизъ. Онъ летѣлъ все дальше и дальше; мимо него мелькали рѣчки, открывались все новыя вершины, новые скаты, всѣ одинаково бѣлые, одинаково блестѣвшіе на солнцѣ; а шалашей нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ побѣжалъ по берегу длинной, извилистой рѣчки, надѣясь, что она приведетъ его куда слѣдуетъ, вдругъ — передъ нимъ крутой обрывъ! Въ узкомъ ущельѣ шумитъ водопадъ, съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя стѣны скалъ. Съ трудомъ удалось ему найти хотя крутой, но все же возможный спускъ. Чѣмъ ближе къ рѣчкѣ, тѣмъ все круче становился этотъ спускъ, и путникъ ежеминутно рисковалъ слетѣть въ воду; чтобы удержаться, ему приходилось чуть не по рукоятку втыкать свой шестъ въ снѣгъ и почти повисать на немъ. Послѣ этого надобно было перебраться еще черезъ скалу. Онъ надѣялся, что это послѣдняя трудность. Не тутъ-то было! Дальше его ждалъ новый обрывъ съ водопадомъ хуже перваго, потомъ еще рѣчка. Нансенъ сообразилъ, что заблудился, и повернулъ назадъ. Опять пришлось ему пробираться вверхъ и внизъ по горамъ и ущельямъ. Уже было совсѣмъ темно, когда онъ взобрался на послѣднюю вершину. Нигдѣ не видно было никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья; все было покрыто ровной, бѣлой пеленой. Нансенъ, съ ранняго утра рыскавшій по горамъ, страшно утомился, — ему хотѣлось спать; дулъ такой пронзительный вѣтеръ, что необходимо было отыскать себѣ какое-

нибудь убѣжище. Онъ нашелъ большой камень, около котораго вѣтромъ нанесло высокій сугробъ снѣгу, протискался между камнемъ и сугробомъ, разгребъ себѣ мѣстечко, надѣлъ шерстяную фуфайку, взятую съ собой въ дорогу, подложилъ подъ голову свой ранецъ и улегся рядомъ съ собакой, которая сопровождала его въ этой безумной экскурсіи.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ мирнаго сна онъ снова надѣлъ лыжи и при свѣтѣ луны отправился назадъ по своимъ собственнымъ слѣдамъ. Но онъ снова сбился съ пути и попалъ не въ ту долину, куда было нужно; опять нигдѣ не видно было никакихъ шалашей. Онъ рѣшилъ взобраться на высокую вершину, чтобы оттуда хорошенько оглядѣть окружающую мѣстность.

Съ вершины ему открылось такое дивное зрѣлище, „за которое не жаль отдать жизнь“, говоритъ онъ. Передъ нимъ разстилалось огромное, терявшееся въ туманной дали, снѣжное пространство, „словно застывшее море съ бѣлыми волнами, изъ которыхъ однѣ взлетѣли вверхъ, другія спустились, третьи образовали широкія долины, четвертыя поднимались высокими хребтами и острыми пиками. А на это застывшее море лились потоки мягкаго луннаго свѣта, игравшаго серебромъ на вершинахъ, сверкавшаго брилліантами въ долинахъ около ущелій, окутанныхъ черными, зловѣщими тѣнями“. Налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ, Нансенъ рѣшилъ дождаться здѣсь солнечнаго восхода, выгребъ себѣ яму въ снѣгу и заснулъ. Когда онъ проснулся че-

резъ нѣсколько часовъ, вершины горъ уже золотились лучами восходившаго солнца; за первыми лучами скоро хлынуло цѣлое море лучей и залило огнемъ всю окрестность. Вершины горъ загорѣлись, за ними зажглись покрытые снѣгомъ скаты, а долины еще лежали окутанныя полусумрачною тѣнью.— „Видѣть подобную картину, значитъ слиться съ природой, набраться новыхъ силъ, возвыситься къ невѣдомымъ мірамъ, увидѣть отблескъ вѣчности"—въ восторгѣ писалъ Нансенъ.

Внимательно оглядѣвъ мѣстность, онъ убѣдился, что ему необходимо было перебраться черезъ высокую гору Воссъ. Опять пришлось скользить надъ пропастями, летать съ обрывовъ, чуть не ползкомъ взбираться на скалы. Достигнувъ вершины горы, Нансенъ рѣшилъ вознаградить себя за всѣ труды: онъ досталъ изъ ранца апельсинъ, взятый изъ дому, и началъ ѣсть его. Апельсинъ замерзъ и былъ твердъ, какъ орѣхъ.

— Это отлично!—утѣшалъ себя неприхотливый путникъ:—точно фруктовое мороженое!

Спускъ съ горы не представлялъ особыхъ трудностей, такъ какъ Нансенъ попалъ, наконецъ, на настоящую дорогу, и на слѣдующій день молодой консерваторъ уже сидѣлъ за своимъ столомъ въ музеѣ, погруженный въ научныя работы.

Эти работы заставили Нансена въ 1886 году съѣздить въ Италію. Онъ занимался преимущественно изученіемъ строенія и отправленій разныхъ низшихъ морскихъ животныхъ. Въ Бергенѣ онъ могъ имѣть

лишь мертвые, заспиртованные экземпляры этихъ животныхъ, а ему хотѣлось наблюдать ихъ жизнь во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ.

Единственный городъ Европы, гдѣ въ то время можно было съ удобствомъ заниматься такого рода наблюденіями, былъ Неаполь. Тамъ, на берегу Неаполитанскаго залива, изобилующаго всевозможными представителями морской фауны, устроена такъ называемая *зоологическая станція.* Среди красиваго парка возвышается большое зданіе. Подвальное помѣщеніе его отведено подъ аквадіумъ со множествомъ отдѣльныхъ бассейновъ, въ которые проведена морская вода, и въ которыхъ различныя животныя и растенія находятъ всѣ условія, позволяющія имъ вести свою обычную жизнь. Въ верхнихъ этажахъ зданія расположены кабинеты ученыхъ. Сюда съѣзжаются естествоиспытатели со всѣхъ концовъ Европы. Каждый изъ нихъ получаетъ свой отдѣльный столъ, всѣ пособія и инструменты, необходимые для работъ. Если для его наблюденій недостаточно животныхъ и растеній, помѣщающихся въ акваріумѣ, онъ заявляетъ смотрителю зданія, какіе организмы хочетъ изучать, и на другой же день ему доставляютъ ихъ живыми, только-что вытащенными изъ моря. Къ его услугамъ богатая библіотека; а если ему вздумается покататься по морю и самому присмотрѣть за ловлей животныхъ, онъ можетъ пользоваться судами, принадлежащими станціи.

Нансенъ прилежно работалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполѣ и былъ въ такомъ восторгѣ отъ тамош-

ней зоологической станціи, что по возвращеніи въ Бергенъ началъ энергично хлопотать объ устройствѣ чего-либо подобнаго въ Норвегіи.

Его мысль встрѣтила сочувствіе среди норвежскихъ ученыхъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ недалеко отъ Христіаніи была открыта біологическая станція, на которой теперь столь же удобно изучать богатую фауну Сѣвернаго моря, какъ на Неаполитанской—Средиземнаго.

V.

Ни научныя занятія, ни путешествіе по Европѣ, ни экскурсіи внутрь страны не могли заставить Нансена отказаться отъ желанія пуститься въ дальнее плаваніе и изслѣдовать невѣдомыя страны сѣвера. Планъ пройти на лыжахъ черезъ Гренландію все болѣе и болѣе ясно вырисовывался въ головѣ его. Онъ помѣстилъ въ норвежскомъ журналѣ „Naturen“ статью, въ которой описалъ попытки разныхъ путешественниковъ проникнуть внутрь Гренландіи, и затѣмъ обстоятельно развилъ свой собственный проектъ; объ этомъ же проектѣ онъ говорилъ со многими профессорами и учеными Швеціи и Норвегіи. Большинство отнеслось къ нему съ недовѣріемъ.

Знаменитый путешественникъ Норденшельдъ, къ которому онъ обратился за разными практическими указаніями, принялъ его очень любезно, внимательно выслушалъ, но выразилъ сильное сомнѣніе въ удобоисполнимости его плана. Менѣе свѣдущіе люди прямо осмѣивали Нансена, считали его чуть не сумасшед-

шимъ. Въ одномъ изъ бергенскихъ юмористическихъ листковъ появилось „объявленіе“ слѣдующаго содержанія:

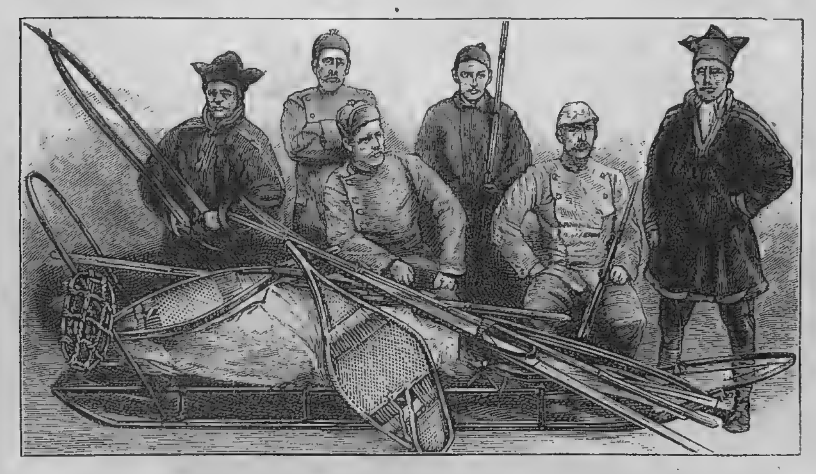
„Въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года будетъ дано консерваторомъ Нансеномъ замѣчательное представленіе: бѣгъ на лыжахъ на материковомъ льду Гренландіи. Мѣста для публики устроены въ трещинахъ ледниковъ. Брать обратные билеты излишне“.

Нансенъ обратился къ шведской Академіи наукъ съ просьбой выхлопотать у правительства денежное пособіе, которое позволило бы ему привести въ исполненіе его намѣреніе. Академія отнеслась къ нему сочувственно; но министерство не нашло возможнымъ тратить государственныя деньги на такое сомнительное предпріятіе. Къ счастью, нашелся частный человѣкъ, богатый датскій купецъ, Гаммель, который повѣрилъ Нансену и согласился дать ему на его путешествіе сравнительно небольшую сумму въ 5.000 кронъ (около 2.500 р.).

Начало 1888 г. молодой ученый провелъ въ сильныхъ хлопотахъ. Онъ долженъ былъ весною этого года держать экзаменъ на доктора зоологіи и въ то же время готовиться къ путешествію. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что успѣхъ этого путешествія зависѣлъ главнымъ образомъ отъ правильнаго снаряженія экспедиціи, и потому занимался этимъ снаряженіемъ съ самою мелочною предусмотрительностью.

Прежде всего ему надобно было подобрать себѣ подходящихъ товарищей. Несмотря на недовѣріе, высказанное ему въ нѣкоторыхъ газетахъ, болѣе

сорока человѣкъ изъ разныхъ странъ (Швеціи, Норвегіи, Даніи, Германіи, Англіи) выразили желаніе сопровождать его. Онъ выбралъ изъ нихъ трехъ норвежцевъ, опытныхъ лыжебѣжцевъ, людей мужественныхъ и выносливыхъ: Отто Свердрупа, отставного капитана флота, Олуфа Дитрихсена, лейтенанта пѣхоты и Христіана Христіансена Трана, крестья-

Равна. Свердрупъ. Нансенъ. Трана. Дитрихсенъ. Балто.

нина изъ сѣверной Норвегіи. Кромѣ того, онъ думалъ, что будетъ полезно взять съ собой одного или двухъ лапландцевъ, какъ людей, привыкшихъ къ условіямъ сѣверной природы и умѣющихъ управлять оленями, на которыхъ, быть можетъ, придется сдѣлать часть пути. Онъ просилъ знакомыхъ нанять для него двухъ здоровыхъ, сильныхъ горныхъ лапландцевъ не моложе 30 и не старше 40 лѣтъ, и прислать ихъ въ Христіанію. Долго не получалъ

онъ отвѣта на свою просьбу, наконецъ, уже въ концѣ апрѣля, за нѣсколько дней до отъѣзда экспедиціи, ему сообщили, что лапландцы пріѣхали. При первомъ взглядѣ на нихъ Нансенъ сильно разочаровался. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ лѣтъ 26, Самуель Іоганнесенъ Балто, былъ скорѣе похожъ на

Балто. Равна

финна, чѣмъ на настоящаго лапландца; другой, имѣвшій, несомнѣнно, видъ лапландца, былъ почти старикъ, малорослый, неуклюжій, съ длинными черными волосами, и очень мало говорилъ по-норвежски. На вопросъ Нансена, не боятся ли они пуститься въ такое далекое путешествіе, младшій отвѣчалъ:

— О, да! мы очень боимся! Намъ и дорогой всѣ

люди говорили, что мы не вернемся изъ этого путешествія! Намъ очень, очень страшно!

Это представлялось мало утѣшительнымъ; но отыскивать другихъ лапландцевъ было уже поздно. Нансенъ рѣшился, скрѣпя сердце, взять съ собой Балто и его стараго товарища, Оле Нильсена Равна. Онъ постарался, насколько возможно, ободрить и приласкать бѣдняковъ и, очевидно, достигъ своей цѣли. Вотъ что̀ писалъ о немъ Балто въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ во все время путешествія: „Нашъ новый хозяинъ, Нансенъ, былъ незнакомый намъ человѣкъ; но лицо его свѣтилось ласкою къ намъ, точно лица родныхъ, которыхъ мы оставили дома; очень пріятнымъ показалось мнѣ лицо его и слова, которыя онъ говорилъ намъ. Всѣ незнакомые люди были очень добры и ласковы съ нами, двумя лапландцами, пока мы жили въ городѣ Христіаніи, и съ этихъ поръ мы стали спокойнѣе и почувствовали себя счастливѣе".

Всю весну 1888 года Нансенъ неусыпно хлопоталъ о снаряженіи своей экспедиціи. Онъ тщательно обдумывалъ каждую мелочь; многія вещи: сани, лыжи, лодку заказывалъ по собственнымъ рисункамъ. Предвидя, что участникамъ экспедиціи придется, можетъ быть, обходиться безъ вьючныхъ животныхъ и таскать весь багажъ на себѣ, онъ старался взять какъ можно меньше вещей. Но при этомъ онъ не забывалъ, что отсутствіе какого-нибудь необходимаго въ пути предмета можетъ помѣшать достиженію цѣли и даже стоить жизни отважнымъ путникамъ. Читая

описанія прежнихъ полярныхъ экспедицій, онъ замѣтилъ, что сани играли въ нихъ очень важную роль: тяжелыя, неповоротливыя сани задерживали движеніе впередъ, перетаскиваніе ихъ утомляло людей; поэтому онъ рѣшилъ взять съ собой пять штукъ очень легенькихъ санокъ изъ ясеневаго дерева съ широкими полозьями, подбитыми сталью. Лыжи,

Индѣйскія лыжи.

изготовленныя по его заказу, отличались прочностью, легкостью и удобствомъ, кромѣ того, для переходовъ по мокрому снѣгу онъ взялъ особенныя *индѣйскія лыжи*, сплетенныя изъ толстыхъ веревокъ, натянутыхъ на раму изъ ясеневаго дерева. Лодка его отличалась легкостью и въ то же время прочностью, такъ что могла противостоять ударамъ льдинъ. Палатка была небольшая и состояла изъ трехъ бамбуковыхъ шестовъ и пяти кусковъ непромокаемой ткани, которые, въ случаѣ надобности, могли слу-

жить и брезентомъ и парусами. Одною изъ самыхъ важныхъ принадлежностей полярной экспедиціи Нансенъ считалъ мѣшки для спанья. Онъ заказалъ два большихъ мѣшка изъ оленьяго мѣха; въ каждомъ изъ нихъ могли помѣститься три человѣка. Это казалось ему практичнѣе, чѣмъ имѣть по мѣшку для каждаго человѣка или одинъ мѣшокъ на всѣхъ: шесть мѣшковъ представляли лишнюю тяжесть; одинъ

Мѣшокъ для спанья.

могъ случайно погибнуть въ пути, и тогда путешественники были бы лишены теплаго убѣжища на ночь. Одинъ край мѣшка былъ значительно длиннѣе другого и загибался надъ головой. Когда было не слишкомъ холодно, его просто набрасывали на голову, а при сильномъ морозѣ крѣпко-накрѣпко пристегивали къ серединѣ мѣшка, и для дыханья довольствовались тѣмъ воздухомъ, который проходилъ между застежками. Одежда участниковъ экспедиціи (кромѣ лапландцевъ, которые не разставались съ своими малицами изъ оленьяго мѣха) была вся шерстяная. На нихъ были надѣты фуфайки и панталоны изъ

тонкой шерсти; затѣмъ толстыя шерстяныя джерси, куртки, вторыя короткія панталоны, байковые штиблеты и по двѣ пары чулокъ, одной шерстяной, другой пуховой; сапоги обыкновенные кожаные, на толстой подошвѣ. Для защиты отъ вѣтра и дождя они надѣвали парусинные непромокаемые плащи съ капюшонами для головы. На рукахъ у нихъ были шерстяныя перчатки, а на случай сильнаго холода—рукавицы изъ собачьяго мѣха шерстью вверхъ. Шапки были съ наушниками и щитами для защиты шеи; сверху надѣвались еще парусинные башлыки. Для защиты глазъ отъ ослѣпительнаго полярнаго снѣга они запаслись большими очками съ дымчатыми стеклами и другими, деревянными, съ небольшими прорѣзами для глазъ. Пищевые продукты состояли изъ мясного порошка, сыра, сухарей, чаю, кофе, шоколада, сахара и разныхъ консервовъ, которые занимали мало мѣста и въ то же время были очень питательны.

Для варки пищи взята была особеннаго устройства спиртовая кухня, придуманная самимъ Нансеномъ. Водка и вино были изгнаны изъ употребленія; табаку взято очень небольшое количество, такъ какъ Нансенъ самъ не курилъ и считалъ вообще куреніе вреднымъ.

Кромѣ этого они запаслись разнаго рода инструментами для научныхъ наблюденій, фотографическимъ аппаратомъ, письменными, рисовальными и швейными принадлежностями, топорами, ножами, гвоздями, веревками, бамбуковыми палками, кусками

парусины и непромокаемой ткани, хорошими ружьями съ достаточнымъ количествомъ патроновъ, маленькой аптечкой съ самыми необходимыми перевязочными средствами, нѣсколькими пачками спичекъ въ плотно запертыхъ коробкахъ и разными мелочами, которыя могли пригодиться въ пути.

По плану Нансена слѣдовало проникнуть въ Гренландію съ восточнаго берега, а не съ западнаго, какъ дѣлали до него другіе изслѣдователи этой страны: Іенсенъ, Норденшельдъ и Пири. На западномъ берегу было нѣсколько эскимосскихъ поселеній, нѣсколько американскихъ и датскихъ колоній,—онъ былъ, сравнительно, изслѣдованъ; восточный представлялъ пустыню съ немногими эскимосскими поселками, разсѣянными на большомъ разстояніи другъ отъ друга.

Нансенъ разсуждалъ такъ: если экспедиція двинется отъ западнаго берега, ей, въ случаѣ какихъ-либо непредвидѣнныхъ трудностей въ пути, будетъ сильное искушеніе вернуться назадъ, въ населенныя мѣста; если же она начнетъ свое путешествіе отъ пустыннаго восточнаго берега, ей надо будетъ или погибнуть, или, во что бы то ни стало, двигаться впередъ, къ колоніямъ.

Тѣ небольшія средства, которыми располагала экспедиція, не позволили Нансену нанять собственное судно, съ которымъ онъ могъ бы пуститься въ путь въ благопріятное время года и пристать къ тому пункту берега, который намѣтилъ себѣ. Ему пришлось войти въ соглашеніе съ капитаномъ тю-

лене-промышленнаго судна, который взялся даромъ довести экспедицію отъ Исландіи до пояса льдовъ, окружающихъ Гренландію, но съ условіемъ, что по пути онъ станетъ заниматься ловлею тюленей.

2 мая Нансенъ выѣхалъ изъ Христіаніи и черезъ Копенгагенъ и Лондонъ отправился въ шотландскій городъ Лейтъ, гдѣ къ нему присоединились остальные члены экспедиціи. Вотъ какъ описываетъ Балто отъѣздъ ихъ изъ Христіаніи:

„Когда мы шли по городу къ набережной, многіе люди, мужчины и женщины, провожали насъ, желали намъ счастья и привѣтствовали насъ. Такъ же встрѣчали насъ и жители маленькихъ городовъ между Христіаніей и Христіанзандомъ. Они, навѣрно, думали, что мы уже не вернемся живыми“.

9 мая путешественники сѣли на шотландскій пароходъ „Тира“, который доставилъ ихъ въ Исландію. Тамъ имъ пришлось прожить около трехъ недѣль въ ожиданіи „Язона“, который долженъ былъ подвести ихъ къ восточному берегу Гренландіи. Это промысловое судно замѣшкалось въ пути, занявшись ловлею тюленей.

Черезъ недѣлю благополучнаго плаванія на „Язонѣ“ путешественники увидѣли вдали первыя очертанія восточнаго берега Гренландіи, высокія зубчатыя скалы. Это зрѣлище произвело непріятное впечатлѣніе на лапландцевъ. Балто пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Мы ѣхали нѣсколько дней по направленію къ Гренландіи и наконецъ увидѣли землю; но она была

далеко отъ насъ, миль за 60 или за 70 *), за полосой льдовъ. Та часть берега, которую мы могли видѣть, не представляетъ для глаза ничего красиваго или привлекательнаго, напротивъ, она кажется угрюмой и некрасивой. Страшно высокіе зубцы горъ поднимаются точно колокольни церквей къ облакамъ, которыя закрываютъ ихъ верхушки".

VI.

Цѣлый мѣсяцъ пробылъ „Язонъ" на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ берега. Его то затирало льдами, то сильнымъ теченіемъ относило въ сторону. Въ это время его команда дѣятельно занималась ловлею тюленей, которые цѣлыми стадами лежали на льдинахъ. Нансенъ и его два товарища, Свердрупъ и Дитрихсенъ, оба страстные охотники, принимали горячее участіе въ этой ловлѣ.

Наконецъ, 13 іюля капитанъ „Язона" рѣшилъ, что такъ какъ сезонъ охоты пришелъ къ концу, да и добыча судна была весьма значительна, то можно повернуть прямо на западъ и плыть къ берегамъ Гренландіи. Утромъ 14-го вахтенный объявилъ, что видитъ землю на недалекомъ разстояніи; но вскорѣ поднялся туманъ и скрылъ ее отъ глазъ.

„Около полудня, — разсказываетъ Нансенъ, — я сидѣлъ внизу, въ каютѣ, и писалъ письма, какъ вдругъ услышалъ съ палубы магическое слово:

*) Морская миля=1852 метрамъ или 866 саж. 1 арш. 11 вершк.

„земля!“ Я побѣжалъ наверхъ, и глазамъ моимъ открылось чудное зрѣлище. Сердце мое затрепетало отъ восторга. Направо сквозь дымку тумана виднѣлся освѣщенный солнцемъ берегъ Гренландіи, величественный рядъ горныхъ вершинъ къ сѣверу отъ мыса Дэнъ. Никогда не видалъ я болѣе дико-прекрасной картины, болѣе дико-безпорядочной природы: острыя скалы, льдины, снѣгъ“...

Они были миляхъ въ 35 отъ земли; но ледяное поле загородило имъ путь, и они должны были повернуть на юго-западъ. Громадныя ледяныя горы, возвышавшіяся среди океана, казались издалека островами.

17-го, взойдя на палубу, Нансенъ въ первый разъ различилъ то ледяное плато внутри Гренландіи, къ которому онъ такъ стремился; онъ рѣшилъ, что именно въ этотъ день имъ слѣдуетъ сѣсть на лодку и постараться достигнуть берега, который былъ не болѣе, какъ на разстояніи 10—12 миль. Начали нагружать лодку. Капитанъ „Язона“ предложилъ имъ взять еще одну изъ своихъ лодокъ, и вся команда помогала имъ распредѣлять и упаковывать вещи.

Члены экспедиціи написали послѣднія письма на родину; каждый изъ нихъ, у кого былъ особенно дорогой другъ, поспѣшилъ сказать ему послѣднее прости. Тѣмъ не менѣе, всѣ они были такъ веселы, что по ихъ виду нельзя было догадаться, къ какому трудному подвигу они готовились. Правда, они цѣлыхъ шесть недѣль томились ожиданіемъ и только

теперь, наконецъ, могли приступить къ исполненію давно желаннаго предпріятія. Земля казалась такъ близко, расположеніе льдинъ такъ благопріятно, что они твердо разсчитывали на удачное начало.

— Я чувствовалъ себя такимъ бодрымъ,—говорилъ Нансенъ,—точно готовился идти на балъ и танцовать съ избранницей моего сердца.

Въ 7 часовъ вечера все было готово къ отплытію. Нансенъ въ послѣдній разъ влѣзъ на мачту, чтобы посмотрѣть, какъ лучше направить путь. За полосой льдинъ виднѣлась полоса свободной воды, которая, повидимому, подходила къ самому берегу, и онъ рѣшилъ направиться въ ту сторону, гдѣ эта полоса была шире.

Весь экипажъ „Язона“ собрался на палубу провожать отъѣзжающихъ. Въ теченіе 6 недѣль совмѣстнаго плаванія матросы успѣли искренно полюбить отважныхъ путешественниковъ; пожимая имъ на прощанье руки, они грустно покачивали головой или отворачивались, чтобы скрыть волненіе: они не надѣялись никогда больше встрѣтиться съ ними въ этомъ мірѣ.

Въ одну лодку сѣлъ Нансенъ съ Дитрихсеномъ и Балто, въ другую Свердрупъ съ Равной и Христіансеномъ.

— Готово! отваливай!—Сильные удары веселъ быстро двинули лодку впередъ; воздухъ огласился криками и ружейными выстрѣлами съ „Язона“, въ знакъ послѣдняго прощанья.

Пошелъ дождь, небо покрылось тучами. Стран-

ный видъ представляли эти люди, одѣтые въ темные плащи, съ темными колпаками на головахъ, молча, твердою рукой проводившіе свои лодки среди неподвижныхъ льдинъ, бѣлѣвшихъ на фонѣ темнаго неба. Черныя тучи лежали на зубчатыхъ вершинахъ горъ. По временамъ онѣ расходились, и точно сквозь приподнятый занавѣсъ виднѣлся красивый отблескъ заходящаго солнца; затѣмъ занавѣсъ снова падалъ, мракъ сгущался, а гребцы неутомимо дѣйствовали веслами, несмотря на дождь, хлеставшій имъ въ лицо. Всю ночь проработали они; нѣсколько разъ приходилось имъ втаскивать лодки на льдины, чтобы спасать ихъ отъ напора ледяныхъ глыбъ, и искусно лавировать вокругъ ледяныхъ горъ, чтобы не попасть въ водовороты, бушевавшіе у ихъ подножія. Къ утру дождь пересталъ, и восходящее солнце освѣтило вершины горъ: земля казалась совсѣмъ близко,—виднѣлись даже камни на склонахъ горъ. Путешественники были вполнѣ увѣрены, что еще нѣсколько часовъ, и они будутъ на берегу. Они уже разсуждали, гдѣ лучше пристать и какъ лучше вытащить лодки на берегъ. Но вдругъ льдины со всѣхъ сторонъ окружили ихъ и стали сильно напирать на лодки. При этомъ одна изъ лодокъ пострадала, и надобно было починить ее, прежде чѣмъ продолжать путь. Вытащили лодки на ледъ, принялись за починку поврежденій; а между тѣмъ вокругъ нихъ льдины сплотились густой массой, тучи снова заволокли небо, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Путешественникамъ не оставалось ничего больше

дѣлать, какъ залѣзть въ свои мѣшки и отдыхать; впрочемъ, всѣ они сильно нуждались въ этомъ послѣ 15-часовой утомительной работы. Рѣшено было, что спать лягутъ пятеро, а одинъ поочередно будетъ наблюдать за движеніемъ льда и разбудитъ остальныхъ, какъ только льдины разступятся настолько, что возможно будетъ пробраться въ лодкѣ среди нихъ. Напрасная надежда! Льдины не расходились; а промежутки между ними были слишкомъ малы, чтобы проѣхать по нимъ въ лодкѣ, и слишкомъ велики, чтобы идти по льду пѣшкомъ. Хуже всего было то, что эти льдины не стояли неподвижно. Онѣ двигались по морскому теченію сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе Противодѣйствовать этому теченію путешественники не имѣли никакой возможности, и оно съ неудержимой силой уносило ихъ на югъ, все болѣе и болѣе удаляя отъ берега.

Цѣлыя сутки провели путешественники въ своей палаткѣ, укрываясь кое-какъ отъ проливного дождя. Утромъ, 19-го, когда погода нѣсколько прояснилась, они увидѣли, что находились вдвое дальше отъ берега, чѣмъ раньше, но что ледъ съ западной стороны нѣсколько раздѣлился, такъ что можно было попытаться на лодкахъ проѣхать наперерѣзъ теченію. Они съ удвоенной силой налегли на весла и, проталкиваясь между льдинами, пользуясь каждымъ кускомъ открытаго моря, снова подвинулись на нѣсколько миль къ берегу. Къ вечеру ихъ опять затерло льдами, и опять пришлось имъ раскладывать

свою палатку на льдинѣ, отдыхать поневолѣ и чувствовать, какъ потокъ уноситъ ихъ все дальше и дальше отъ желанной цѣли. Было отчего прійти въ отчаяніе! Но ни Нансенъ, ни его спутники-норвежцы не унывали. Пока остальные спокойно спали въ своихъ мѣшкахъ, Нансенъ любовался видомъ моря и отдаленнаго берега, тонувшаго въ мягкомъ полусвѣтѣ лѣтнихъ сумерекъ, и пытался набросать на бумагу картину, открывавшуюся глазамъ его. А между тѣмъ вдали уже слышался прибой морскихъ буруновъ, значитъ, конецъ ледяного пояса, окружающаго Гренландію, былъ недалеко.

На слѣдующее утро путешественниковъ разбудилъ сильный толчекъ: оказалось, что льдина, на которой они помѣстились, раскололась надвое въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ палатки; пришлось перебраться на другую, болѣе крѣпкую ледяную глыбу. Шумъ буруна слышался совсѣмъ близко, и съ высокой части льдины уже можно было ясно видѣть открытое море, сіявшее въ лучахъ солнца. Пока норвежцы беззаботно устраивались на новосельѣ, лапландцы вдругъ куда-то исчезли. Нансенъ встревожился и пошелъ искать ихъ, хотя трудно было спрятаться среди ровнаго открытаго мѣста. Его удивило, что одна изъ лодокъ какъ-то особенно тщательно прикрыта брезентомъ; онъ подошелъ, осторожно приподнялъ брезентъ—и что же? Лапландцы лежали рядышкомъ на днѣ лодки и Балто громко читалъ товарищу евангеліе. Бѣдняги не надѣялись остаться въ живыхъ и благочестиво гото-

вились къ смерти. Раньше они отъисповѣдывались другъ другу, вмѣстѣ поплакали и горько упрекали себя за то, что поддались совѣтамъ злыхъ людей, уговорившихъ ихъ за деньги принять участіе въ такомъ опасномъ предпріятіи.

Въ этотъ день путешественники въ первый разъ рѣшили приготовить себѣ горячую пищу и сварили изъ гороховыхъ консервовъ супъ, который показался имъ необыкновенно вкуснымъ. Во время обѣда волненіе на морѣ усилилось; льдину качало такъ, что кухнѣ ежеминутно грозила опасность опрокинуться; но это не мѣшало норвежцамъ очень весело приняться за ѣду. Опасность какъ будто изощряла ихъ остроуміе: они перекидывались шутками, остротами, и ихъ непринужденный смѣхъ оглашалъ царство льда, до тѣхъ поръ никогда не слыхавшее ничего подобнаго. Лапландцы не принимали участія въ этой веселости. Они ѣли молча, сосредоточенно, повидимому, считали даже грѣхомъ шутить и смѣяться въ виду неизбѣжной смерти.

Опасность была, дѣйствительно, не шуточная. Льдины неслись навстрѣчу морскимъ бурунамъ, которые яростно набрасывались на нихъ, заливали; ломали ихъ, громоздили одну льдину на другую и уносили съ собой въ море осколки громадныхъ ледяныхъ утесовъ. Льдина, на которой наши путешественники разбили свою палатку, казалась пока прочной и крѣпкой; но въ состояніи ли она будетъ противостоять напору волнъ,—этого никто не могъ сказать. Рѣшено было, что путешественники оста-

нутся на ней до послѣдней крайности; а когда она вынесетъ ихъ въ море и перестанетъ служить для нихъ надежнымъ убѣжищемъ, они пересядутъ въ лодку и постараются на веслахъ проѣхать черезъ буруны. Спасти обѣ лодки представлялось невозможнымъ, поэтому они нагрузили въ одну самыя необходимыя вещи и рѣшили всѣ шестеро сѣсть въ нее.

Бѣдный Равна ходилъ какъ потерянный при этихъ приготовленіяхъ. Онъ безпрестанно поднимался на высокую часть льдины и съ ужасомъ глядѣлъ на буруны, которые, повидимому, все приближались; онъ вспоминалъ жену, дѣтей, своихъ милыхъ оленей, свой чумъ въ горахъ Финмаркена, и въ сотый разъ проклиналъ корыстолюбіе, заставившее его покинуть родину, гдѣ теперь такъ тепло, такъ свѣтло и хорошо!

Приготовляясь къ страшно тяжелой работѣ, въ случаѣ, если придется плыть на лодкѣ, путешественники рѣшили вечеромъ пораньше улечься въ мѣшки и какъ можно лучше выспаться. Свердрупъ взялся исполнять роль часового. Всѣ, не исключая и лапландцевъ, вскорѣ спокойно уснули, хотя шумъ буруновъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Проспавъ съ часъ, Нансенъ проснулся отъ плеска воды за стѣной палатки, около самой головы его. Льдина, на которой они помѣстились, поднималась и опускалась точно корабль во время бури; шумъ буруновъ былъ оглушительно громокъ. Нансенъ ждалъ, что Свердрупъ тотчасъ начнетъ всѣхъ будить, такъ какъ вода могла залить палатку. Но нѣтъ, вода не по-

являлась, а Свердрупъ продолжалъ твердымъ, размѣреннымъ шагомъ ходить по льдинѣ между палаткой и лодками.

„Если Свердрупъ находитъ, что нѣтъ опасности, значитъ, ея нѣтъ, и можно спокойно спать!“—сказалъ самъ себѣ Нансенъ, перевернулся на другой бокъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На льдинѣ.

Между тѣмъ у Свердрупа нѣсколько разъ являлось желаніе разбудить товарищей, нѣсколько разъ казалось ему, что льдина готова разсыпаться въ куски подъ вліяніемъ бившихъ по ней волнъ, или треснуть отъ напора другихъ, надвигавшихся на нее льдинъ. Онъ даже вытащилъ уже крюкъ, придерживавшій одну изъ стѣнокъ палатки, но затѣмъ рѣшилъ подождать еще немножко. Онъ дошелъ до лодокъ, затѣмъ вернулся назадъ, вынулъ еще одинъ

крюкъ и ждалъ. Въ эту минуту льдина проходила по самой окраинѣ ледяного поля. Громадная ледяная скала плыла подлѣ нея и грозила каждую минуту обрушиться на нее. Волны наскакивали со всѣхъ сторонъ. Но, къ счастью, раньше такія же волны набросали на нее массу мелкихъ льдинъ и осколковъ льда, которые образовали по окраинамъ ея цѣлый высокій валъ. Наконецъ, волненіе до того усилилось, что Свердрупъ не рѣшался больше ждать, онъ вынулъ еще одинъ крюкъ и только-что хотѣлъ разбудить товарищей, какъ вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное: въ ту минуту, когда льдина была уже у самаго начала буруновъ, она попала въ противоположное теченіе, и съ той же быстротой, съ какой раньше неслась въ открытое море, понеслась теперь къ берегу.

На слѣдующее утро члены экспедиціи могли поздравить себя съ избавленіемъ отъ смертельной опасности: вмѣсто картины бушевавшаго моря и въ безпорядкѣ сталкивающихся льдинъ, ихъ окружалъ миръ и тишина; они все дальше и дальше оставляли за собой море; вокругъ нихъ простиралось во всѣ стороны спокойное, однообразное ледяное поле, залитое яркими лучами солнца. Даже лапландцы успокоились.

Непосредственная опасность для жизни миновала, но положеніе было все-таки непріятное. Льдина, на которой они находились, перемѣнила курсъ съ востока на западъ, но затѣмъ очень скоро повернула на юго-западъ и потомъ прямо на югъ. Она, очевидно,

увлекала ихъ вдоль берега Гренландіи, то удаляясь отъ него, то нѣсколько приближаясь, и не было никакой вѣроятности, что она принесетъ ихъ къ цѣли. Они зорко слѣдили за положеніемъ льдинъ и пользовались всякою возможностью приблизиться къ берегу, то на лодкахъ, то пѣшкомъ, перетаскивая свой багажъ въ саняхъ. Сильный вѣтеръ, дувшій съ моря, сгонялъ льдины; въ узкихъ каналахъ между ними лодка ежеминутно подвергалась опасности быть раздавленной напоромъ льда. Идти пѣшкомъ было не менѣе опасно. Отъ взаимнаго тренія края льдинъ сдѣлались рыхлыми; люди проваливались съ нихъ въ воду, а сани очень трудно было перетаскивать черезъ широкія трещины. Промучившись въ этихъ напрасныхъ попыткахъ нѣсколько времени, путешественники увидѣли, что такимъ образомъ они совершенно напрасно тратятъ силы, которыя будутъ нужны имъ впослѣдствіи, и рѣшили выбрать себѣ хорошую, крѣпкую льдину, устроиться на ней и спокойно ждать своей судьбы. Опытъ научилъ ихъ, какую льдину считать хорошею: толстую, крѣпкую, синеватаго цвѣта, болѣе длинную, чѣмъ широкую, съ высокими краями и съ лужей воды внутри. Эти лужи являлись отъ таянья снѣга и давали имъ чистую прѣсную воду, вполнѣ пригодную для питья. Внимательно оглядѣвъ окружающія ихъ льдины, они выбрали одну изъ нихъ, втащили на нее лодки, разбили палатку и устроилиль точно на долгое житье. Льдина несла ихъ все дальше и дальше на югъ; морскіе буруны слышались то громче, то тише; а

они дѣлали метеорологическія наблюденія, писали дневники, рисовали виды, наслаждались, точно необыкновеннымъ лакомствомъ, чашкою горячаго кофе или гороховаго супу и болтали такъ весело и беззаботно, словно сидѣли у себя дома въ гостиной, а не среди льдовъ Сѣвернаго океана.

Ночь на льдинѣ.

Много разъ толковали они о томъ, чѣмъ можетъ кончиться ихъ подневольное путешествіе на льдинѣ, и рѣшили, что она во всякомъ случаѣ должна принести ихъ къ землѣ, хотя бы около мыса Фарвэля, самой южной оконечности Гренландіи.

— Оттуда мы двинемся вдоль берега на сѣверъ; если нужно, перезимуемъ гдѣ-нибудь, а весной всетаки перейдемъ черезъ ледяное плато Гренландіи,—

говорили они.—Иначе нельзя! Лучше ужъ погибнуть, чѣмъ вернуться на родину, не исполнивъ своего намѣренія! Какой срамъ!

Лапландцы не раздѣляли спокойнаго, бодраго настроенія норвежцевъ. Какъ только выяснилось, что льдину несетъ не къ берегу, а къ югу, они снова упали духомъ.

— Пожалуйста, не говорите, что мы попадемъ на землю! — убѣждалъ Нансена Балто. — Этого не можетъ быть: насъ, навѣрно, унесетъ въ Атланти-ческій океанъ! Я объ одномъ молю Бога, чтобы мнѣ не умереть безъ покаянія и не погубить своей души.

Изъ всѣхъ своихъ грѣховъ бѣдный Балто особенно раскаивался въ пьянствѣ, изъ-за котораго и принялъ участіе въ экспедиціи. Онъ былъ пьянъ, когда ему предложили ѣхать въ Гренландію, и онъ согласился въ пьяномъ видѣ, считая все дѣло пустякомъ. Проспавшись, онъ жалѣлъ о томъ, что̀ сдѣлалъ, но думалъ, что уже нельзя взять обратно своего обѣщанія. Чтобы успокоить бѣдныхъ лапландцевъ, Нансенъ разсказывалъ имъ все, что̀ самъ зналъ о Гренландіи, и подробно объяснялъ имъ, почему разсчитываетъ во всякомъ случаѣ добраться до ея береговъ. Лапландцы слушали его разсказы, сомнительно качая головой.

Относительно пищи у норвежцевъ и лапландцевъ были различные вкусы. Кушанья приготовлялись на спиртовой кухнѣ, и такъ какъ спиртъ, этотъ единственный горючій матеріалъ. имѣвшійся у нихъ,

слѣдовало очень беречь, то путники не каждый день варили себѣ горячую пищу и не разводили сильнаго огня. Съ „Язона“ они захватили большой кусокъ мяса, но вполнѣ доваривать или дожаривать это мясо не могли. Норвежцы охотно ѣли его полусырымъ, краснымъ; но лапландцы съ ужасомъ и отвращеніемъ отворачивались отъ такой пищи.

— Только дикіе звѣри да язычники могутъ ѣсть такую мерзость,—говорилъ Балто, вздыхая, и Равна, несмотря на сильный голодъ, съ грустью отворачивался отъ сочныхъ кусковъ краснаго мяса. Приходилось кормить ихъ исключительно мясными консервами, которые очень нравились имъ.

VII.

28-го іюля наши путешественники снова услышали недалеко отъ себя шумъ буруновъ. Очевидно, они еще разъ приближались къ открытому морю, и это даже обрадовало ихъ. Погода стояла тихая, ясная, и они надѣялись, усиленно работая веслами, дня въ три добраться до мыса Фарвэля; это было пріятнѣе, чѣмъ сидѣть, сложа руки, и покорно подчиняться морскому теченію. Вечеромъ, прежде чѣмъ они подошли къ окраинѣ ледяного поля, густой туманъ заволокъ всю окрестность. Несмотря на этотъ туманъ, они замѣтили, что льдины какъ-то порѣдѣли, и у нихъ явилась мысль пробраться въ лодкѣ къ берегу. Берегъ былъ, въ сущности, недалеко, миль за 15—18 отъ нихъ; но они уже такъ часто

и неудачно пытались достигнуть его, что у нихъ не хватило охоты дѣлать новую попытку среди тумана, ночью, когда всѣмъ хотѣлось спать. Рѣшили подождать до утра. Передъ разсвѣтомъ стоявшій на часахъ Свердрупъ посмотрѣлъ на компасъ и пришелъ въ полное недоумѣніе: или онъ, или компасъ, очевидно, сошелъ съ ума. Прибой буруновъ слышится слѣва, значитъ, передъ ними долженъ быть югъ, а компасъ показываетъ, что это сѣверъ. Удивительно!

Послѣ Свердрупа долженъ былъ дежурить Равна. Лапландецъ не умѣлъ смотрѣть на часы и никакъ не могъ сообразить, когда пройдетъ два часа. Ночью онъ по большей части дежурилъ вмѣсто двухъ часовъ—четыре, и когда будилъ слѣдующаго за собой дежурнаго, то всегда робко замѣчалъ:

— Не знаю, какъ будто, два часа уже прошло.

Проснувшись рано утромъ 29-го, Нансенъ сквозь отверстіе въ стѣнкѣ палатки увидѣлъ Равну, шагавшаго по льдинѣ и оглядывавшагося во всѣ стороны съ какимъ-то страннымъ, не то удивленнымъ, не то смущеннымъ выраженіемъ на своемъ маленькомъ сморщенномъ личикѣ.

„Должно быть, бѣдняга опять продежурилъ Богъ знаетъ сколько времени, и все сомнѣвается, прошло ли два часа!“—смѣясь, подумалъ Нансенъ.

Но на лицѣ Равны выражалось что-то особенное, какое-то необычайное безпокойство.

— Что съ вами, Равна? —окликнулъ его Нансенъ.—Видна земля?

— Да, да,—торопливымъ голосомъ проговорилъ Равна:—земля *слишкомъ* близко!

Слово *слишкомъ* оба лапландца обыкновенно употребляли вмѣсто *очень*.

Нансенъ вылѣзъ изъ мѣшка и выбѣжалъ изъ палатки. Дѣйствительно, они были гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ ожидали. Льдины разошлись, и до самаго берега шло открытое море. Недоумѣніе Свердрупа разъяснилось: ни онъ, ни компасъ не сошли съ ума; но то, что̀ онъ принималъ за буруны, бушующіе около внѣшняго края ледяного поля, былъ прибой морскихъ волнъ о берега Гренландіи. Нансенъ поспѣшилъ разбудить товарищей. Земля, дѣйствительно, была *слишкомъ* близко, — нельзя было спокойно спать. Они поспѣшно одѣлись, на̀скоро позавтракали и, не теряя времени, принялись спускать въ воду и нагружать лодки. Вокругъ нихъ все измѣнилось. Ледяное поле, столько дней державшее ихъ въ плѣну, исчезло; льдины унесло на юго-востокъ; на югѣ и на западѣ море было совершенно чисто. Полоса открытой воды тянулась и на сѣверъ вдоль берега на довольно значительное разстояніе и снова заканчивалась сплошными льдинами.

Можно себѣ представить, какъ энергично работали весла несчастныхъ путниковъ теперь, когда желанная цѣль была такъ близка!

„Намъ казалось,—пишетъ Нансенъ,—точно мы освободились отъ долгаго заключенія, точно передъ нами открывается блестящая, счастливая будущность. И дѣйствительно, мы были счастливы! Развѣ не ве-

ликое счастіе сознавать, что исполненіе желанія становится возможнымъ, что неизвѣстность исчезаетъ и замѣняется увѣренностью? Это чувство трепетной радости сходно съ тѣмъ, какое мы испытываемъ при восходѣ солнца; разсвѣтъ новаго дня всегда кажется намъ красивѣе и блестящѣе, чѣмъ самый ясный полдень.

Однако, берегъ былъ еще далеко, и на пути къ нему ихъ подстерегала неожиданная опасность. Имъ пришлось ѣхать мимо большой ледяной скалы, торчавшей изъ воды. Громадная глыба льда сорвалась съ нея и упала въ море въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ; стая морскихъ птицъ, сидѣвшихъ на скалѣ, испуганная этимъ паденіемъ, поднялась и съ громкимъ крикомъ носилась вокругъ лодки. Путешественники слѣдили радостными глазами за пернатыми вѣстниками близкой земли и не думали о томъ, что были на волосъ отъ гибели.

Дальше имъ надо было опять пробираться черезъ льдины, окаймлявшія берегъ; но послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и опасностей это казалось имъ пустякомъ. Они распустили на лодкахъ норвежскій и датскій флаги и съ наслажденіемъ прислушивались къ эху прибрежныхъ скалъ, откликавшемуся на ихъ веселые голоса. Около одной изъ этихъ скалъ оказалась удобная бухточка; они ввели въ нее лодки и, перегоняя другъ друга, вскарабкались на крутой берегъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось поскорѣй почувствовать подъ ногами твердую почву и, взобравшись на скалу, бросить взглядъ на давно невидан-

ный земной ландшафтъ. Они, какъ дѣти, радовались каждому кустику мха, каждой чахлой травкѣ, каждому цвѣточку!

Когда первые порывы восторга улеглись, они принялись за болѣе прозаичное, но все-таки очень пріятное занятіе — приготовленіе себѣ обѣда. Ради счастливаго дня рѣшено было устроить роскошное угощеніе: во-1-хъ, сварить къ обѣду горячее кушанье, во 2-хъ, напиться шоколаду.

Пока готовился обѣдъ, Нансенъ усѣлся на одномъ изъ сосѣднихъ утесовъ и принялся срисовывать окружающую мѣстность.

— Я сидѣлъ на камнѣ,—разсказываетъ онъ,— любовался окружавшими видами, наслаждался сознаніемъ того, что живу, и вдругъ услышалъ тихое жужжаніе, которое смолкло гдѣ-то около моей руки. Это былъ хорошо извѣстный голосъ, хорошо извѣстное жужжаніе. Я взглянулъ внизъ и увидѣлъ комара, самаго обыкновеннаго комара, къ которому скоро присоединилось нѣсколько товарищей. Я не шевелился и позволилъ имъ кусать и ѣсть меня. Эти милыя созданія служили для меня яснымъ доказательствомъ, что я на землѣ, и я съ удовольствіемъ любовался, какъ они напивались моею кровью. Навѣрно, имъ уже давно не приходилось отвѣдать человѣческой крови!

Послѣ комаровъ Нансена привела въ умиленіе маленькая птичка, которая, усѣвшись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, прочирикала ему незатѣйливую пѣсенку.

„Даже паукъ, заткавшій свою паутину среди покрытыхъ лишаями камней, былъ мнѣ пріятенъ, какъ воспоминаніе о родинѣ, о другихъ, болѣе цвѣтущихъ странахъ!“—говоритъ Нансенъ.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, путешественники снова сѣли въ лодки и продолжали свой путь къ сѣверу. Сначала все шло хорошо, такъ какъ передъ ними лежало большое пространство свободной воды; но къ вечеру стали чаще и чаще попадаться льдины, а ночью имъ пришлось почти все время проталкиваться впередъ съ помощью багровъ и топоровъ. Они, впрочемъ, не теряли бодрости, работали всю ночь безъ отдыха и только на слѣдующій день послѣ полудня рѣшили снова пристать къ берегу, поѣсть и отдохнуть. Они остановились около небольшого мыса, въ виду ледника Пьюсортока, который собирались объѣхать засвѣтло, подкрѣпивъ силы. Только-что они расположились на берегу, какъ ихъ поразилъ какой-то странный звукъ, похожій на человѣческій голосъ. Звукъ повторился нѣсколько разъ и какъ будто приближался. Раздался выстрѣлъ. Балто схватилъ подзорную трубу и вбѣжалъ на сосѣднюю скалу.

— Я вижу двухъ людей!—закричалъ онъ.

Нансенъ бросился къ нему, и дѣйствительно увидѣлъ двѣ маленькія лодочки, пробиравшіяся между льдинами по направленію къ берегу. Въ каждой лодочкѣ сидѣло по человѣку, усердно работавшему веслами. Прошло нѣсколько минутъ, — незнакомцы пристали къ берегу; одинъ втащилъ на землю свою

легкую лодочку, другой оставилъ свою на водѣ, и оба направились къ тому мѣсту, гдѣ расположились европейцы.

Балто и Равна съ недоумѣніемъ и даже нѣкоторымъ испугомъ глядѣли на нихъ. Нансенъ и его товарищи сразу догадались, что это эскимосы, частью кочующіе, частью осѣдло живущіе на восточномъ берегу Гренландіи. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ куртку и панталоны изъ тюленьей кожи, причемъ между этими двумя частями одежды оставался большой промежутокъ голаго тѣла. На ногахъ у него были особые эскимосскіе сапоги, а на головѣ, вмѣсто шляпы, нѣсколько нитокъ бусъ. На другомъ часть одежды была европейскаго происхожденія и состояла изъ синей ситцевой блузы; на ногахъ были надѣты сапоги изъ тюленьей кожи; а средина туловища была также голая. На головѣ его была очень странная шапка, состоявшая изъ деревяннаго кольца съ натянутымъ на немъ кускомъ синей бумажной матеріи и большимъ краснымъ крестомъ посрединѣ. Оба эскимоса были очень маленькаго роста, очевидно, молодые люди, съ добродушными, пріятными лицами. Подходя къ европейцамъ, они начали улыбаться, жестикулировать и очень быстро болтать на какомъ-то непонятномъ языкѣ.

Европейцы тоже встрѣтили ихъ ласковыми улыбками, и Нансенъ вытащилъ бумажку, на которой у него было записано нѣсколько вопросовъ по-эскимосски. Когда онъ обратился съ этими вопросами къ эскимосамъ, они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на

него и другъ на друга. Напрасно Нансенъ повторялъ свои вопросы то медленнѣе, то быстрѣе: его не понимали. Пришлось прибѣгнуть къ языку знаковъ, и это оказалось болѣе удачнымъ: маленькіе человѣчки объяснили, что ихъ соотечественники кочуютъ недалеко отъ этого мѣста къ сѣверу. Затѣмъ они стали указывать на Пьюсортокъ, дѣлали разные странные жесты, придавали лицамъ серьезное, испуганное выраженіе, очевидно, хотѣли показать, что ледникъ грозитъ опасностью. Нансенъ объяснилъ имъ знаками, что пріѣхалъ изъ-за моря; на это они отвѣтили какимъ-то страннымъ звукомъ въ родѣ мычанья коровы, что̀, вѣроятно, должно было служить выраженіемъ крайняго удивленія. Въ то же время они съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга и на европейцевъ. Можетъ быть, они имъ не вѣрили, а можетъ быть, принимали ихъ за какихъ-нибудь сверхъестественныхъ существъ.

Они стали съ любопытствомъ осматривать всѣ вещи европейцевъ; особенное вниманіе ихъ возбудили лодки. Когда Нансенъ далъ имъ по сухарю, они засіяли отъ восторга и, откусивъ по маленькому кусочку, остальное бережно спрятали, очевидно, чтобы снести домой. Все время они пожимались и дрожали отъ холода, что̀ было неудивительно, въ виду ихъ болѣе чѣмъ легкихъ одеждъ. Наконецъ, они показали, что не могутъ болѣе переносить рѣзкій вѣтеръ, дувшій между скалъ, ласковыми улыбками распрощались съ европейцами и побѣжали къ водѣ. Съ ловкостью кошекъ вскочили они въ свои

„кайяки“ и, быстро работая веслами, исчезли среди льдинъ.

Эта встрѣча была совершенною неожиданностью для Нансена и его товарищей: они знали, что эта часть восточнаго берега Гренландіи необитаема, и никакъ не ожидали при первыхъ же высадкахъ на берегъ наткнуться на туземцевъ. Рѣшивъ, что это должно быть какое-нибудь кочующее племя, они залѣзли въ свои мѣшки и заснули крѣпкимъ сномъ. Къ вечеру западный вѣтеръ отогналъ льдины отъ берега; они сѣли въ лодки и двинулись дальше къ сѣверу.

Скоро пришлось имъ ѣхать мимо знаменитаго ледника Пьюсортока, который внушаетъ какой-то суевѣрный ужасъ всѣмъ эскимосамъ. По ихъ понятіямъ, проѣзжая около него, нельзя ни говорить, ни смѣяться, ни нюхать табакъ, ни, въ особенности, произносить названіе ледника. Наши путешественники не подчинились этимъ правиламъ. Проходя въ своихъ лодкахъ около подошвы величественной ледяной стѣны, они выражали свой восторгъ при видѣ чуднаго цвѣта ледника, который отливалъ всѣми оттѣнками синяго, начиная съ темной лазури трещинъ до молочно-бѣлой вершины, покрытой слоемъ снѣга. Страхъ, какой чувствуютъ передъ этимъ ледникомъ эскимосы, нельзя назвать неосновательнымъ: ледникъ спускается въ самое море и не окруженъ, подобно другимъ ледникамъ Гренландіи, островками или скалами: лодкамъ приходится ѣхать очень близко къ подножію его, а между тѣмъ на немъ нерѣдко

случаются обвалы. Большія глыбы льда падаютъ съ его вершины внизъ, и судно, которое попадаетъ подъ такой обвалъ, неминуемо погибнетъ: если даже падающая глыба не раздавитъ его, она во всякомъ случаѣ вызоветъ такое сильное волненіе въ морѣ, разбросаетъ во всѣ стороны такую массу ледяныхъ осколковъ, что бѣдной лодочкѣ мало вѣроятности спастись.

Къ сѣверу отъ Пьюсортока, около мыса Биль, наши путешественники услышали вдругъ странные звуки на берегу, какую-то смѣсь человѣческаго говора и собачьяго лая. Скоро они замѣтили множество темныхъ движущихся предметовъ, которые по ближайшемъ разсмотрѣніи оказались людьми. Эти люди расположились на уступахъ скалъ, громко разговаривали, жестикулировали и указывали на лодки европейцевъ, пробиравшіяся между льдинами. Когда лодки повернули къ берегу, крики туземцевъ усилились. Они визжали, выли, одни подбѣгали къ берегу, другіе лѣзли на высокіе утесы, чтобы оттуда лучше видѣть. Когда лодки европейцевъ застряли между льдинами, и пришлось пустить въ ходъ багры и бамбуковыя палки, чтобы пробиться среди льда, волненіе на берегу достигло высшей степени: крики и смѣхъ доходили чуть не до истерики. Нѣсколько человѣкъ сѣли въ свои легонькіе кайяки и выѣхали навстрѣчу европейцамъ, чтобы показать имъ, гдѣ лучше пристать. На краю утеса стояли толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, грязныхъ, полуодѣтыхъ и безпрестанно издававшихъ странное мычанье, точно

коровы; около берега кучка эскимосовъ съ громкими криками и оживленными жестами помогала европейцамъ причалить лодку. Среди скалъ виднѣлись желтовато-коричневыя юрты, между берегомъ и льдинами сновали узкіе, длинные кайяки.

Когда европейцы, привязавъ лодки, вышли на берегъ, ихъ тотчасъ окружила толпа туземцевъ, которые съ удивленіемъ разсматривали ихъ и при этомъ все время весело улыбались. На эскимосскомъ языкѣ не существуетъ словъ для выраженія привѣтствія пріѣзжимъ, и они эти слова замѣняютъ улыбками. Путешественники направились къ жилищамъ, и эскимосы знаками пригласили ихъ войти въ самую большую изъ своихъ юртъ. Входъ въ палатку былъ закрытъ тонкимъ кускомъ кожи; эскимосъ поспѣшилъ приподнять его, чтобы пропустить гостей; но они остановились въ смущеніи у самаго входа. Ихъ поразилъ ужасный запахъ, происходившій отъ жира, горѣвшаго въ лампахъ, отъ человѣческаго пота и отъ какой-то вонючей жидкости, стоявшей въ сосудахъ; но еще болѣе они были поражены, увидѣвъ массу голыхъ тѣлъ. Дома, внутри своихъ юртъ, эскимосы освобождаются отъ всѣхъ одеждъ и замѣняютъ ихъ болѣе или менѣе широкимъ поясомъ, надѣваемымъ ниже тальи. Женщины, сидѣвшія и лежавшія въ юртѣ, нисколько не стыдились показаться чужеземцамъ въ такомъ болѣе чѣмъ легкомъ костюмѣ, напротивъ, самыми любезными улыбками приглашали ихъ войти и присѣсть на сундуки, стоявшіе у передней стѣны юрты. Это мѣсто обыкновенно

отводится для гостей; хозяева же располагаются на широкой скамьѣ, занимающей заднюю часть юрты. Эта скамья сдѣлана изъ досокъ и покрыта тюленьими кожами. На ней семья проводитъ все время, пока находится дома: она служитъ кроватью, на ней женщины, сидя поджавши ноги, занимаются рукодѣльемъ, на ней же семья и обѣдаетъ.

Въ той юртѣ, куда зашли путешественники, помѣщалось четыре или пять семей. У каждой было на лавкѣ свое опредѣленное мѣсто, на которомъ ютились вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти. Передъ отдѣленіемъ каждой семьи горѣла яркимъ пламенемъ лампа. Эти лампы—длинные, плоскіе, полукруглые глиняные сосуды на высокихъ подставкахъ. Въ нихъ налитъ тюленій жиръ, а свѣтильня сдѣлана изъ мху. Онѣ горятъ день и ночь (эскимосы не любятъ спать въ темнотѣ) и служатъ не только для освѣщенія, но и для отопленія. На нихъ же эскимосы варятъ и пищу въ глиняныхъ котлахъ, привѣшенныхъ къ потолку; сырого мяса и сырой рыбы они не ѣдятъ.

Когда путешественники усѣлись на сундуки, хозяева принялись занимать ихъ: они частью знаками, частью словами на своемъ языкѣ объясняли имъ употребленіе всѣхъ предметовъ, находившихся въ юртѣ, затѣмъ стали показывать имъ разныя вещи, которыми особенно дорожили: одна женщина вытащила изъ своего сундука горсточку голландскаго табаку; одинъ изъ мужчинъ съ гордостью показалъ ножъ съ длинной костяной ручкой. Послѣ этого они стали объяснять, въ какихъ отношеніяхъ находятся

другъ къ другу; одинъ изъ эскимосовъ обнялъ и поцѣловалъ одну толстую женщину, и они оба съ выраженіемъ нѣжности указали на двухъ маленькихъ дѣтей: ясно было, что это одна семья. Среди эскимосовъ-язычниковъ существуетъ многоженство; но въ этой юртѣ у каждаго мужа было только по одной женѣ, и они, повидимому, жили дружно между собой, ласково улыбались другъ другу и нѣсколько разъ цѣловались. Цѣлуются эскимосы не губами, какъ мы, а трутся носами.

Всѣ обитатели юрты и всѣ чужіе эскимосы, толпившіеся въ ней, были очень разговорчивы; хотя они сразу убѣдились, что пріѣзжіе не понимаютъ ни слова на ихъ языкѣ, но все-таки, не переставая, говорили имъ что-то или болтали между собою. Одинъ изъ старшихъ членовъ этого общества, очевидно, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, объяснилъ, что одна часть прикочевавшихъ въ это мѣсто эскимосовъ пришла съ юга, другая съ сѣвера, и встрѣтились они случайно; затѣмъ онъ спросилъ у путешественниковъ, откуда они пришли. Нансенъ объяснилъ ему знаками, что они пріѣхали съ востока, пробрались между льдинами, пристали къ берегу южнѣе этой мѣстности и теперь подвигаются на сѣверъ. Это сообщеніе было принято съ недовѣріемъ, и въ отвѣтъ на него послышалось общее мычаніе, какъ выраженіе величайшаго удивленія.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ всталъ, вышелъ изъ юрты и вернулся съ пукомъ веревокъ изъ тюленьей кожи. Онъ сѣлъ, взялъ ножъ, отрѣзалъ

кусокъ веревки и подалъ Нансену, потомъ отрѣзалъ другой, такой же длины, для Дитрихсена, потомъ далъ по куску всѣмъ остальнымъ. Одѣливъ гостей, онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на всѣхъ, очевидно, вполнѣ довольный и собою, и всѣмъ свѣтомъ. Ту же самую церемонію продѣлалъ второй мужчина, за нимъ третій, четвертый, пятый. Бѣдные люди! они дарили путешественникамъ, что̀ могли и что̀ считали для себя полезнымъ. Эти веревки изъ тюленьей кожи очень крѣпки, и эскимосы связываютъ ими гарпуны, которыми убиваютъ тюленей.

По настоящему, путешественникамъ слѣдовало бы отдарить чѣмъ-нибудь своихъ гостепріимныхъ хозяевъ; но, къ сожалѣнію, у нихъ были взяты съ собой только самыя необходимыя вещи, и они не могли отдать ни одной изъ нихъ. Эскимосы и не выпрашивали ничего.

Старикъ притащилъ какое-то старое ружье и сталъ показывать, что у него нѣтъ зарядовъ; но Нансенъ далъ ему понять, что самъ не богатъ порохомъ, и онъ не повторялъ своей просьбы.

Просидѣвъ добрый часъ въ юртѣ, путешественники вышли на свѣжій воздухъ и выбрали на берегу мѣсто, гдѣ можно было разбить свою палатку. Какъ только они начали выгружать вещи съ лодокъ, тотчасъ же имъ на помощь явилась цѣлая толпа туземцевъ. Они бросились къ лодкамъ и стали перетаскивать на берегъ всѣ ящики и мѣшки. Каждая вещь возбуждала ихъ удивленіе; они кричали и хохотали отъ восторга. Особенно понравились имъ

жестяные ящики, въ которыхъ уложены были разные консервы. Они передавали ихъ другъ другу, вертѣли и осматривали со всѣхъ сторонъ. Разгрузивъ лодки, эскимосы втащили ихъ на берегъ, и затѣмъ огромной толпой окружили европейцевъ, принявшихся разбивать палатку. Устройство палатки очень заинтересовало ихъ, быстрота и легкость, съ какой она была разставлена, вызвали ихъ восхищеніе. Послѣ палатки они любовались одеждой европейцевъ, особенно лапландцевъ; шубы на оленьемъ мѣху возбудили сильное любопытство: они ихъ ощупывали, гладили мѣхъ и недоумѣвали, отъ какого онъ звѣря: это не тюленій, не медвѣжій, не лисій мѣхъ,— откуда же онъ?

— Навѣрно, отъ собакъ,—догадался одинъ изъ нихъ и показалъ на сопровождавшихъ его псовъ.

Европейцы отрицательно покачали головой, а Балто, приставивъ руки къ головѣ, силился, хотя безуспѣшно, объяснить, что это шкура рогатаго звѣря—оленя.

Ужинать путешественникамъ пришлось публично. Любопытная толпа окружала ихъ и провожала глазами каждый кусокъ, который они клали въ ротъ.

Послѣ ужина Нансенъ съ товарищами пошли осмотрѣть поселеніе эскимосовъ. Ихъ особенно интересовали эскимосскія лодки: легкіе, маленькіе „кайяки“ и большіе „уміаки“, съ кожаными бортами. Туземцы съ большой охотой показывали пріѣзжимъ всѣ свои вещи и особенно гордились своими гарпунами.

Между тѣмъ солнце сѣло, и среди наступившей темноты вся картина поселка, окруженнаго снѣжными горами, приняла какой-то фантастическій видъ. Темные силуэты женщинъ съ дѣтьми на спинѣ мелькали среди скалъ; сквозь полупрозрачный занавѣсъ юртъ виднѣлся красный свѣтъ лампъ, напоминая европейцамъ иллюминацію садовъ на родинѣ. Когда путешественники стали располагаться на ночлегъ и разложили на полу палатки свои мѣшки, ихъ снова окружила любопытная толпа. Мужчины и женщины съ одинаковымъ интересомъ смотрѣли, какъ они раздѣваются; а когда они залѣзли въ свои мѣшки, такъ что виднѣлось всего шесть головъ, раздался общій взрывъ хохота. Послѣ этого туземцы отошли отъ палатки и уже всю ночь не безпокоили своихъ гостей, которые могли спокойно выспаться. На слѣдующее утро любопытная толпа снова окружала палатку и съ нетерпѣніемъ ждала пробужденія иностранцевъ, чтобы видѣть, какъ они будутъ вылѣзать изъ мѣшковъ, одѣваться, завтракать.

Нансенъ попробовалъ снять фотографію съ группы туземцевъ, стоявшихъ около палатки; но какъ только онъ наставилъ свой фотографическій аппаратъ, они въ страхѣ разбѣжались всѣ, точно на нихъ навели пушку. Ему съ трудомъ удалось снять нѣсколько карточекъ съ отдѣльныхъ эскимосовъ, незамѣтно для нихъ, занимая ихъ разговорами или показывая имъ какія-нибудь вещи.

Эскимоски видѣли, что лапландцы для теплоты кладутъ въ свои сапоги особаго рода сухой мохъ,

и вотъ онѣ съ самыми милыми улыбками принесли европейцамъ нѣсколько пучковъ этого мху, а взамѣнъ знаками просили иголокъ. Нансенъ объяснилъ имъ, что у него нѣтъ иголокъ, и подарилъ имъ пустую жестянку изъ-подъ консервовъ. Это поло-

Эскимоска съ восточнаго берега Гренландіи.

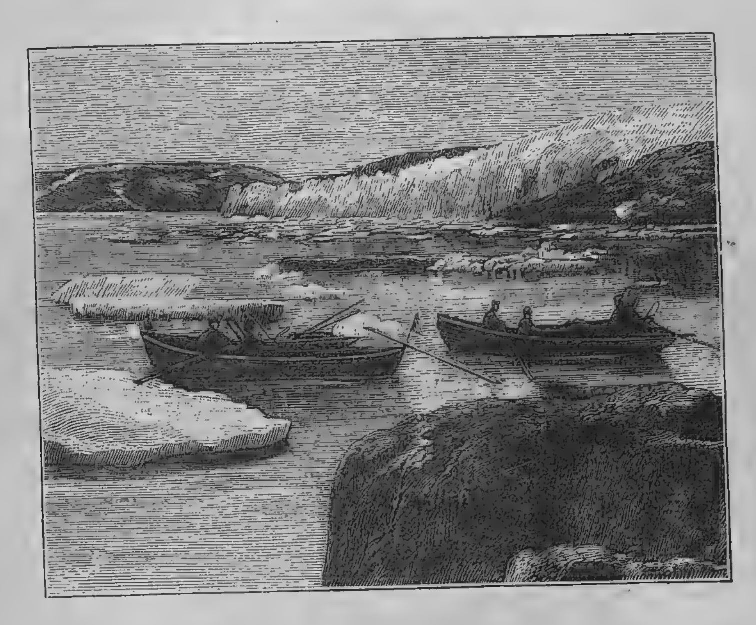
жительно привело ихъ въ восторгъ, и онѣ съ громкимъ смѣхомъ убѣжали хвастать своимъ пріобрѣтеніемъ.

VIII.

Послѣ полудня европейцы рѣшили пуститься въ дальнѣйшій путь. Одинъ изъ эскимосовъ знаками спросилъ ихъ, куда они отправляются, на сѣверъ или на югъ, и когда они отвѣтили: „на сѣверъ" онъ выразилъ самую неподдѣльную радость. Оказа-

лось, что онъ и его товарищи ѣхали туда же, между тѣмъ какъ остальные направлялись къ югу.

Всѣ эскимосы въ тотъ же день снимались съ мѣста. Въ кочевьѣ началась усиленная дѣятельность. Весь домашній скарбъ укладывался въ сундуки и мѣшки, юрты разбирались, и все переносилось въ лодки. При этомъ мужчины и женщины, не пере-

ставая, болтали и смѣялись, дѣти визжали, собаки лаяли и совались всѣмъ подъ ноги. Чтобы отблагодарить эскимосовъ за ихъ любезный пріемъ, Нансенъ раздарилъ имъ всѣ пустыя жестяныя коробки, какія у него были, и они остались вполнѣ довольны этимъ подаркомъ.

Часа черезъ три-четыре упаковка вещей окон-

чилась; двѣ большія, тяжело нагруженныя лодки двинулись къ югу, двѣ другія къ сѣверу. Легкіе кайяки остались позади и выстроились всѣ въ рядъ, точно исполняя какой-то военный маневръ. Оказалось, что сидѣвшіе въ нихъ люди, такъ называемые „кайякеры", прощались другъ съ другомъ передъ разлукой, которая могла продолжиться нѣсколько лѣтъ. Церемонія прощанья состояла въ томъ, что кайякеры достали свои рожки съ табакомъ и передавали ихъ съ одной лодки на другую, угощая другъ друга табакомъ. Эскимосы не курятъ и не жуютъ табакъ, но очень любятъ нюхать его. При этой прощальной понюшкѣ каждый нѣсколько разъ набивалъ свой носъ и затѣмъ принимался энергично чихать. Послѣ нѣсколькихъ минутъ громкаго чиханья часть кайяковъ повернула на сѣверъ, остальные на югъ.

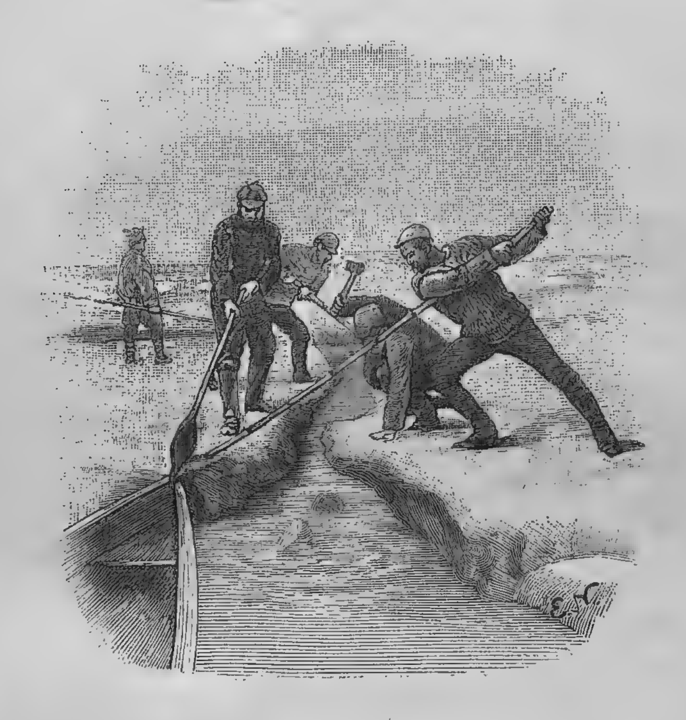
Эти путешествія на югъ, въ датскія колоніи около мыса Фарвэля, эскимосы восточнаго берега предпринимаютъ довольно часто и иногда бываютъ нѣсколько лѣтъ въ пути. Они обыкновенно везутъ на югъ шкуры медвѣдей, лисицъ и тюленей, а взамѣнъ получаютъ табакъ, муку, горохъ, сухари, чай, разные желѣзные инструменты и платье, по большей части поношенное или сдѣланное изъ весьма плохого матеріала. Въ датской колоніи эскимосы остаются всего нѣсколько дней: сдѣлаютъ необходимыя закупки и назадъ, на лодки. Для жителей сѣверной части побережья такія экскурсіи занимаютъ иногда три-четыре года; но всякій эскимосъ всегда съ удовольствіемъ предпринимаетъ ихъ.

Нансенъ и его товарищи очень скоро догнали большія лодки, направившіяся къ сѣверу. Они надѣялись, что эскимосы хорошо знаютъ фарватеръ, умѣютъ справляться со льдинами и будутъ имъ полезны на пути. Скоро, однако, имъ пришлось разочароваться.

Въ открытомъ морѣ эскимосскія лодки бодро шли впереди; но, подъѣхавъ къ большимъ льдинамъ, между которыми надобно было прокладывать путь, онѣ остановились, и женщины, исполнявшія обязанности гребцовъ, стали знаками звать европейцевъ на помощь. Нечего дѣлать, пришлось европейцамъ поработать и для себя, и для своихъ добродушныхъ, но слабосильныхъ пріятелей. Съ помощью багровъ и кольевъ они протиснулись между льдинами, а вслѣдъ за ними прошли и большія эскимосскія лодки, за которыми слѣдовали кайяки. Послѣ этого эскимосы уже не соглашались ѣхать впереди; зато всякій разъ, когда европейцы прокладывали имъ и себѣ путь, они поощряли ихъ дружнымъ мычаньемъ и криками: „питсекезъ, питсекезъ!“ Впослѣдствіи европейцы узнали, что это слово значитъ: „какіе вы умные!“ или: „какіе вы добрые!“

Въ открытой водѣ легонькіе кайяки то догоняли большія суда, то перегоняли ихъ. При этомъ кайякеры смѣшили европейцевъ своимъ чиханьемъ: они безпрестанно нюхали табакъ, страшно набивая себѣ носы, и чихали до того сильно, что можно было удивляться, какъ они при этомъ не теряютъ равновѣсія и не перевертываютъ свои узенькія лодочки.

Къ нечеру пошелъ мелкій дождь, небо покрылось тяжелыми тучами. Эскимосы стали энергичными жестами убѣждать европейцевъ высадиться на берегъ и переждать непогоду; они показывали, что дальше на сѣверѣ ихъ ждутъ громадныя льдины.

Нансенъ вышелъ на берегъ, вбѣжалъ на пригорокъ, съ помощью подзорной трубы убѣдился, что путь на сѣверъ не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей, и распрощался со своими друзьями-эскимосами, которые никакъ не согласились ѣхать дальше: ихъ, видимо, пугалъ дождь, особенно женщинъ, у которыхъ были за спиной дѣти.

Европейцы поѣхали одни и подъ дождемъ и непогодой съ большимъ трудомъ прокладывали себѣ путь среди льдинъ, которыя часто надвигались на нихъ и грозили раздавить ихъ лодки. Ночью они едва отдохнули нѣсколько часовъ въ узенькомъ ущельѣ между двухъ скалъ, но на слѣдующій день были вознаграждены за понесенные труды: послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго плаванія среди льдовъ, они пристали къ маленькому островку, который показался имъ земнымъ раемъ: онъ весь былъ покрытъ зеленой травой, верескомъ, щавелемъ, яркими пестрыми цвѣтами. Путешественники съ наслажденіемъ растянулись на давно невиданной муравѣ и, покидая этотъ оазисъ, увезли по букетику цвѣтовъ на память о немъ.

Рѣдко приходилось имъ отдыхать взглядомъ на такихъ мирныхъ, веселыхъ картинахъ природы. Передъ глазами ихъ все время возвышались или дикія голыя скалы побережья, или громадныя ледяныя горы. Эти горы часто отличались необыкновенно красивыми формами и оттѣнками.

„Разъ, подъ вечеръ,—разсказываетъ Нансенъ,—мы увидѣли вдали на горизонтѣ удивительно бѣлыя вершины, точно остроконечныя башни, возносившіяся къ небу. Ихъ очертанія были такъ странны, что я долго не могъ понять, что это такое, пока не разглядѣлъ, наконецъ, что это верхняя часть колоссальной ледяной горы необыкновенно фантастической формы. Я снялъ съ нея фотографію; но никакая фотографія не можетъ дать понятія о

томъ величественномъ зрѣлищѣ, какое она представляетъ. Съ вершины ея поднимаются двѣ пики, точно двѣ стройныя колокольни церкви; въ отвѣсной стѣнѣ ея проходитъ черезъ всю массу льда широкій туннель, а у подножія ея море пробило широкіе гроты. Внутри этихъ гротовъ изумительная игра цвѣтовъ: всѣ оттѣнки синяго до самаго темнаго ультрамарина. Это былъ какой-то пловучій волшебный дворецъ изъ сапфира; по сторонамъ его струились потоки и падали каскады воды; въ пещерахъ его эхо гулко вторило немолчному шуму волнъ. Своими фантастическими формами и оттѣнками эти горы переносятъ насъ въ чудный, таинственный міръ сказокъ, которыми мы плѣнялись въ дѣтствѣ".

Одна изъ такихъ горъ чуть не погребла подъ своими развалинами смѣлыхъ путешественниковъ. Они только-что пристали къ небольшому острову и въ подзорныя трубы осматривали мѣстность, чтобы рѣшить, куда лучше направить лодки, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ нихъ громадная ледяная глыба оторвалась отъ ледяной горы и упала въ воду; отъ этого вся гора потеряла равновѣсіе и рухнула съ оглушительнымъ шумомъ. Въ морѣ произошло сильное волненіе; льдины двигались, крутились и съ трескомъ наскакивали другъ на друга. Если бы, по счастливой случайности, путешественники не были въ это время на островѣ, они неминуемо погибли бы.

Десять дней продолжалось ихъ плаваніе къ

сѣверу, съ короткими остановками на берегу для отдыха. Только разъ за все это время позволили они себѣ такую роскошь, какъ горячая пища. Они набрали вереску, сухой травы, разложили костеръ и на немъ сварили себѣ супъ.

„Навѣрно, никто изъ смертныхъ никогда не ѣлъ болѣе вкуснаго кушанья!“ — съ восторгомъ вспоминаетъ Нансенъ это болѣе чѣмъ скромное угощеніе.

Два раза удалось имъ ночевать въ хорошенькихъ мѣстечкахъ, поросшихъ травой и зеленью, и оба раза при дневномъ свѣтѣ они находили около своей палатки развалины эскимосскихъ хижинъ, разбросанныя кости, человѣческіе черепа. Очевидно, несчастные туземцы, жившіе или во время кочевья остановившіеся на этихъ мѣстахъ, погибли отъ голода или отъ какой-нибудь эпидеміи.

Случилось имъ еще разъ на пути встрѣтить кочевье эскимосовъ. Подъѣзжая къ одному небольшому острову, они вдругъ услышали человѣческіе голоса и почувствовали запахъ тюленьяго жира. На берегу виднѣлась юрта и толпа туземцевъ. Они повернули въ ихъ сторону; но какъ только начали причаливать, вся толпа въ большомъ смятеніи обратилась въ бѣгство. Захвативъ все свое имущество, одежду, посуду, шкуры звѣрей, они со всѣхъ ногъ бросились въ горы и стали прятаться за уступами скалъ. Европейцамъ хотѣлось увѣрить туземцевъ въ своихъ дружескихъ намѣреніяхъ: они принялись кричать всѣ тѣ эскимосскія слова, какія знали, и знаками приглашали ихъ вернуться. Нѣсколько женщинъ оста-

новились: очевидно, у нихъ любопытство пересиливало страхъ; но долго ни одна изъ нихъ не рѣшалась подойти ближе. Наконецъ, одна сдѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу чужеземцамъ, за ней въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала другая, потомъ третья. Нансенъ и его спутники дѣлали имъ самые дружелюбные жесты и показывали пустыя жестянки. Противъ этого искушенія женщины не могли устоять. Онѣ робко и нерѣшительно, но все-таки подвигались понемногу къ соблазнительнымъ новинкамъ. Въ эту минуту на сцену явился мужчина-эскимосъ. Онъ оказался храбрѣе своихъ соотечественницъ. Одѣтый въ блузу изъ бумажной матеріи, въ низкой шляпѣ съ краснымъ крестомъ, онъ, очевидно, былъ знакомъ съ торговыми центрами южнаго берега и смѣло подходилъ къ европейцамъ. Подъ его защитой женщины сдѣлались смѣлѣе и подошли къ самому берегу, у котораго стояла лодка европейцевъ. Путешественники выскочили на землю; Свердрупъ забросилъ канатъ. Этотъ маневръ опять испугалъ туземцевъ: но когда они увидѣли, что иностранцы не предпринимаютъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, а въ особенности, когда Нансенъ подарилъ имъ пустую жестянку, они совершенно успокоились: лица ихъ засіяли восторгомъ, они толпой окружили европейцевъ и каждое дѣйствіе ихъ встрѣчали своимъ обычнымъ мычаньемъ, въ знакъ почтенія и удивленія.

Оказалось, что среди скалъ раскинуто было довольно большое кочевье эскимосовъ; но Нансену не хотѣлось терять времени, оставаясь долго съ ними,

тѣмъ болѣе, что они, повидимому, ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ своихъ соплеменниковъ, которыхъ онъ видѣлъ раньше.

Возвращаясь къ лодкамъ, Нансенъ замѣтилъ около одной юрты висѣвшій кусокъ сушенаго мяса. Ему захотѣлось попробовать, вкусно ли оно, и онъ протянулъ руку къ куску. Эскимосы поняли его желаніе и тотчасъ же поднесли ему кусокъ. Въ отплату за это онъ далъ имъ большую штопальную иглу. Этотъ подарокъ такъ понравился имъ, что они притащили нѣсколько кусковъ мяса, и Нансену пришлось раздать штукъ десять иголокъ. Послѣ этого они поднесли каждому изъ путешественниковъ по большому куску тюленьяго мяса; и путешественники къ своимъ иголкамъ прибавили еще нѣсколько жестянокъ. Одинъ только Равна отказался принять подарокъ эскимосовъ: онъ находилъ, что этимъ бѣднымъ людямъ, навѣрное, самимъ понадобится мясо, и что платить за него такою мелочью, какъ иголки, нечестно.

Эскимосы были, однако, другого мнѣнія: европейцы уже отчалили, а они догоняли ихъ въ своихъ кайякахъ, предлагая имъ еще и еще мяса и выпрашивая иголокъ.

Путь на сѣверъ попрежнему представлялъ большія трудности; но норвежцы энергично боролись съ ними: они чуть не ежедневно отмѣчали по картѣ, на какомъ градусѣ широты и долготы находятся, и знали, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ черезъ нѣсколько дней достигнутъ такого мѣста берега, откуда можно будетъ пробраться на ледяное плато

Гренландіи. Лапландцы вовсе не раздѣляли этой увѣренности. Они съ тоской глядѣли на скалы и горы, окаймлявшія берегъ и преграждавшія всякій доступъ внутрь страны, тяжелый трудъ и скудная пища приводили ихъ въ уныніе.

— И куда это мы только ѣдемъ? — ворчалъ Балто, когда изъ ихъ глазъ скрылись послѣдніе кайяки провожавшихъ ихъ эскимосовъ.—Эти язычники совсѣмъ не такой гадкій народъ, какъ говорятъ у насъ въ Финмаркенѣ. Остались бы мы съ ними, перезимовали бы тутъ, а тамъ весной, можетъ, и корабль какой-нибудь пришелъ бы за нами. А то это—чистая бѣда! Работаемъ какъ скоты, голодаемъ, и конца этому мученію не видно!

Нансенъ пытался объяснить ему, что сѣвернѣе берегъ станетъ болѣе отлогимъ, что теперь они уже близко къ цѣли, что было бы нелѣпо, перенеся столько трудовъ, отказаться отъ предпріятія и съ августа мѣсяца останавливаться зимовать. Но Балто не слушалъ никакихъ убѣжденій: ему хотѣлось высказать все, что у него накопилось на душѣ.

— Въ три недѣли всего одинъ разъ пили кофе,— жаловался онъ,—ни разу не дадутъ поѣсть вволю, даже горячее варятъ черезъ три-четыре дня! И надо же намъ было связаться съ такими странными людьми!

Къ счастью, оба лапландца были люди добродушные и выражали свое недовольство только угрюмымъ видомъ да безобидной воркотней: когда приходилось работать, они покорно исполняли свою долю

труда, и хотя тяжело вздыхали при видѣ небольшихъ порцій пищи, отмѣряемыхъ Нансеномъ, но никогда не пытались воспользоваться чѣмъ-нибудь безъ его вѣдома.

То пробиваясь среди льдинъ, то разсѣкая волны открытаго моря, лодки подвигались все дальше на сѣверъ, къ тому пункту, съ котораго Нансенъ предполагалъ начать свою экспедицію. Иногда погода и вода благопріятствовали путешественникамъ, такъ что они могли распустить паруса и отдохнуть нѣсколько часовъ, не переставая подвигаться впередъ; иногда, напротивъ, они попадали въ мѣстность, со всѣхъ сторонъ окруженную ледяными горами, и должны были влѣзать на одну изъ этихъ горъ, чтобы видѣть, какъ выбраться изъ окружавшаго ихъ лабиринта. Видъ съ вершины этихъ горъ, изъ которыхъ многія возвышались на 200—300 фут. надъ поверхностью воды, открывался великолѣпный; во всѣ стороны виднѣлись то ослѣпительно бѣлыя, то сіявшія всѣми цвѣтами радуги вершины, а глубоко внизу, между двумя отвѣсными стѣнами льда, катилась полоса темно-синяго моря.

По ночамъ путешественники наслаждались чуднымъ зрѣлищемъ сѣверныхъ сіяній.

„Цѣлые потоки свѣта,—описываетъ Нансенъ,—переливались длинными волнами по небу. Лучи то вспыхивали, то гасли и безостановочно перебѣгали съ мѣста на мѣсто, точно толпа воиновъ, вооруженныхъ огненными мечами, то отступавшая, то переходившая въ нападеніе. Вдругъ, какъ будто по дан-

ному сигналу, разражался залпъ орудій. Летѣла цѣлая туча огненныхъ стрѣлъ, и всѣ онѣ направлялись къ одной точкѣ около зенита. Затѣмъ все гасло, а черезъ секунду возобновлялось съ прежнею волшебною силою. У эскимосовъ существуетъ хорошенькая легенда, объясняющая сѣверныя сіянія: въ ней говорится, что это души умершихъ дѣтей играютъ въ мячи на небѣ".

IX.

Наконецъ, 8 августа передъ глазами путешественниковъ ясно вырисовалась вершина горы Кіатакъ. Недалеко отъ нея находился тотъ пунктъ восточнаго берега, съ котораго Нансенъ предполагалъ проникнуть внутрь страны и добраться до датской колоніи Христіансхабъ, на западномъ берегу. Видъ этой вершины придалъ энергіи даже лапландцамъ; цѣль, казалось, совсѣмъ близка, и они напрягали всѣ силы, чтобы скорѣе достигнуть ее; но, какъ обыкновенно бываетъ въ горныхъ ландшафтахъ, зрѣніе обмануло ихъ, и имъ пришлось неутомимо работать веслами еще два дня, прежде чѣмъ достигнуть намѣченнаго пункта.

Только вечеромъ 10 августа пристали они къ берегу съ тѣмъ, чтобы начать свое сухопутное путешествіе. Лодки были разгружены, и ночлегъ устроенъ съ необыкновенною быстротою. Больше всѣхъ суетился и радовался Балто. Узнавъ, что морское путешествіе вполнѣ окончено, онъ вдругъ совсѣмъ преобразился; то религіозное настроеніе, въ которомъ

онъ находился во все время путешествія въ лодкѣ, какъ-то внезапно покинуло его: онъ ни съ того, ни съ сего сталъ передразнивать какого-то финмаркенскаго пастора, нѣсколько разъ помянулъ чорта и даже возвратилъ Равнѣ евангеліе, которое до тѣхъ поръ постоянно носилъ при себѣ.

— Вы, кажется, думаете, что всѣ опасности уже миновали?—замѣтилъ ему Свердрупъ, съ трудомъ удерживая улыбку.—А вѣдь до западнаго берега еще далеко,—не мало бѣдъ придется намъ перенести!

Балто вдругъ присмирѣлъ и набожно сложилъ руки.

Въ походной кухнѣ зажженъ былъ огонь, приготовленъ горячій ужинъ и кофе. Сидя на голыхъ камняхъ утеса, путешественники съ наслажденіемъ подкрѣпляли себя пищей, съ наслажденіемъ любовались окружавшей ихъ картиной природы, хотя эта картина сама по себѣ имѣла мало привлекательнаго. Вокругъ нихъ возвышались сѣрые утесы, за которыми виднѣлись огромные ледники, спускавшіеся къ морю. Въ водѣ плавали обломки льдинъ. Все было подернуто пеленой тумана, сквозь который временами виднѣлась гора Кіатакъ.

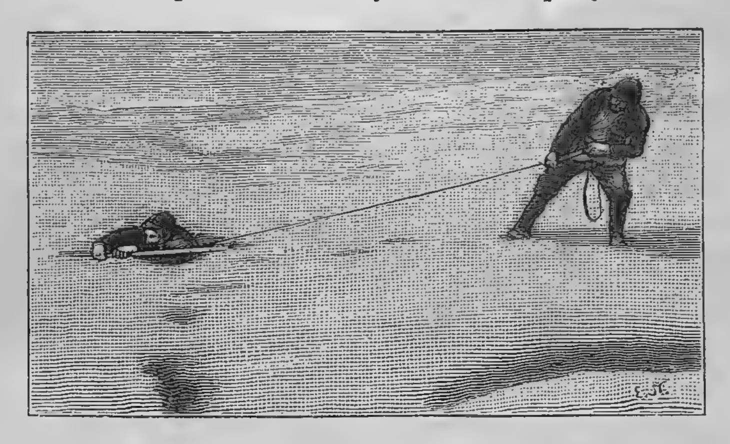
„Мрачный колоритъ пейзажа — пишетъ Нансенъ—не дѣйствовалъ на насъ. Мы все время были въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Конечно, худшая часть пути была еще впереди, но все-таки у насъ подъ ногами будетъ твердая земля, намъ не придется отбиваться отъ льдинъ, ежеминутно грозившихъ раздавить наши лодки“.

На слѣдующее утро, при яркомъ сіяніи солнца, они ясно различали Кіатакъ, у подножія котораго океанъ катилъ свои синія волны, а на западъ и на сѣверо-западъ отъ него необозримое снѣговое поле такъ называемаго „внутренняго льда“.

Начались приготовленія къ походу. Христіансенъ и лапландцы чистили сани и лыжи, сильно пострадавшія отъ сырости и соленой воды; Дитрихсенъ снималъ планъ залива и окружающей мѣстности; Нансенъ и Свердрупъ рѣшили отправиться разыскивать среди прибрежныхъ скалъ и ледниковъ наиболѣе удобный путь ко внутреннему льду.

Запасшись достаточнымъ количествомъ пищи и толстыми веревками, вооружившись топорами-ледоколами, отважные путники начали пробираться по склонамъ утесовъ, окаймлявшихъ берегъ. Дойдя до конца ихъ, они увидѣли передъ собой громадный ледникъ, спускавшійся двумя рукавами къ самому океану. Они пошли посрединѣ между этими рукавами. Сначала ледъ былъ довольно крѣпокъ и ровенъ, но скоро ноги ихъ стали вязнуть въ глубокомъ мягкомъ снѣгу, а вслѣдъ затѣмъ имъ начали попадаться трещины, бороздившія ледникъ въ разныхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ трещинъ были такъ узки, что черезъ нихъ можно было перешагнуть или перескочить, другія, напротивъ, зіяли, какъ широкія, бездонныя пропасти. Ихъ приходилось обходить и такимъ образомъ дѣлать нѣсколько верстъ крюку. Иногда поперекъ такой трещины лежала узкая полоса льда, и путники смѣло пользовались

этими естественными мостиками. Чѣмъ дальше, тѣмъ затруднительнѣе становился путь: трещины попадались все чаще и чаще; глубокій снѣгъ, въ которомъ нога вязла по щиколку, часто лежалъ выступами надъ трещинами, такъ что неосторожный шагъ на такой выступъ могъ стоить жизни. Чтобы сколько-нибудь обезопасить себя, Нансенъ и Свердрупъ связались веревкой и ощупывали дорогу палками.

Широкія трещины они миновали благополучно, но въ узкія нѣсколько разъ проваливался то тотъ, то другой. Путь ихъ затруднялся еще тѣмъ, что имъ приходилось все время подниматься въ гору. Передъ ними на сѣверо-западъ разстилался рядъ горныхъ вершинъ, съ которыхъ они надѣялись увидѣть ясно „внутренній ледъ", сплошною корою покрывающій поверхность внутренней части Гренландіи. Они должны были до захода солнца достигнуть этихъ вершинъ, иначе имъ пришлось бы или ночевать на ледникѣ, или вернуться назадъ, не исполнивъ своей задачи.

И вотъ они мужественно подвигались впередъ, хотя ноги ихъ, отвыкшія за время морского путешествія отъ ходьбы, страшно ныли, и они чувствовали сильнѣйшую усталость. Особенно плохо приходилось Свердрупу. Нансенъ шагалъ впередъ на своихъ длинныхъ ногахъ; а его малорослый товарищъ долженъ былъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы не отстать. Къ довершенію непріятности, небо покрылось тучами, и пошелъ мелкій дождь. Чѣмъ дальше, тѣмъ подъемъ становился круче, а снѣгъ глубже, такъ что несчастные путники иногда увязали въ него по колѣни. Нѣсколько разъ приходилось имъ останавливаться, чтобы перевести духъ; но наконецъ всѣ препятствія были побѣждены, и они достигли вершины. Видъ, открывшійся имъ, вполнѣ вознаградилъ ихъ за понесенные труды. Передъ ними во всемъ своемъ величіи простиралось необозримое снѣжное поле. Насколько могъ хватать глазъ, оно было ровно, гладко и безъ трещинъ; спускъ къ нему тоже, повидимому, не представлялъ особенныхъ затрудненій.

— Только бы хорошенько подмерзло, чтобы не вязнуть въ снѣгу, тогда мы отлично переправимся!— говорили они, и сами невольно разсмѣялись. Желать мороза, находясь въ Гренландіи, да еще на высотѣ 3.000 ф. надъ поверхностью моря!

Отдохнувъ и подкрѣпившись пищей, они двинулись въ обратный путь. Такъ какъ цѣль ихъ была найти проходъ на внутренній ледъ, то они рѣшили, что имъ слѣдуетъ возвращаться другой дорогой, которая, быть можетъ, окажется удобнѣе прежней. Солнце

уже сѣло, дождь продолжалъ моросить; но это не удержало ихъ. Они двинулись по горному хребту на югъ, надѣясь, что южный рукавъ ледника окажется удобопроходимѣе сѣвернаго.

Дѣйствительно, сначала все шло хорошо и, несмотря на сгущавшуюся темноту, они довольно быстро подвигались впередъ. Черезъ попадавшіяся имъ трещины они или перескакивали, или проходили по естественнымъ мостикамъ, иногда даже переползали на животѣ. Они надѣялись черезъ какой-нибудь часъ дойти до своей палатки, отдохнуть и, главное, освѣжить водой пересохшее отъ жажды горло. Не тутъ-то было! Трещины стали дѣлаться шире; ихъ приходилось обходить, что̀ значительно удлинняло путь; вдоль одной изъ нихъ бѣднымъ странникамъ пришлось идти больше часу, и когда они достигли конца ея, наступила темная ночь. Страшная жажда мучила ихъ. Они почти машинально подвигались впередъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ что-то чернѣло на снѣгу; они съ досадой подумали, что это новая трещина, которая снова заставитъ ихъ отклониться отъ прямого направленія; но, о, радость! оказалось, что это ручеекъ холодной воды. Они быстро наполнили свои кружки и пили, пили съ жадностью и наслажденіемъ эту ледяную воду, пока зубы ихъ не окоченѣли отъ холода. Тогда они снова наполнили кружки, отыскали себѣ мѣстечко подъ защитой скалы, закусили остатками взятой съ собой провизіи, опять напились воды и рѣшили дождаться на этомъ мѣстѣ разсвѣта, такъ

какъ дождь все усиливался, и въ темнотѣ трудно было различать трещины.

Съ первымъ проблескомъ зари они снова пустились въ путь и въ пять часовъ утра дошли до своей палатки. Товарищи ихъ крѣпко спали. Можно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ усталые путники сняли съ себя мокрое платье и залѣзли въ свои теплые мѣшки!

Слѣдующіе дни путешественники посвятили отдыху, починкѣ своей обуви и необходимымъ приготовленіямъ къ предстоящему трудному пути.

Погода была сумрачная, сырая, и поэтому они не особенно спѣшили выступать; для нихъ выгоднѣе было дождаться морозовъ, чтобы не вязнуть въ мягкомъ снѣгу. Отчасти ради развлеченія, отчасти для пополненія своего провіанта, они стрѣляли морскихъ птицъ и все время питались ими. Кастрюлю замѣняла имъ пустая жестянка.

Къ 15 августа погода прояснилась, подмерзало, и рѣшено было пуститься въ путь. Лодки втащили дальше на берегъ, перевернули вверхъ дномъ, положили подъ нихъ немножко провизіи, весла, разныя мелочи и между прочимъ эскимосскій черепъ, найденный на одной изъ стоянокъ.

— Какіе-нибудь кочевые эскимосы, можетъ быть, найдутъ ихъ,—смѣялись норвежцы.—Интересно, что̀ они подумаютъ? Имъ и въ голову не придетъ, что обыкновенные люди могли оставить такія сокровища!

Нансенъ въ короткихъ словахъ изложилъ исторію ихъ путешествія до этого пункта, положилъ записку

въ пустую жестянку и тоже оставилъ ее подъ лодкой.

Такъ какъ днемъ солнце порядкомъ грѣло, и снѣгъ таялъ подъ его лучами, то рѣшено было идти лучше по ночамъ. Подъемъ былъ крутой, сани тяжелыя, и путешественники очень медленно подвигались впередъ. Среди ночи, когда наставала темнота, скрывавшая всѣ трещины и неровности пути, приходилось останавливаться часа на два, на три. Трещины попадались все чаще и чаще. Связаться веревками другъ съ другомъ путешественники не могли, такъ какъ каждый изъ нихъ тащилъ свои сани; но они привязали себя къ санямъ, чтобы такимъ образомъ обезопаситься отъ проваловъ. Если имъ случалось оступаться, проходя по узенькимъ ледянымъ мостикамъ черезъ бездонныя пропасти, сани задерживали ихъ и не давали имъ окончательно провалиться.

„Вообще, — спокойно замѣчаетъ Нансенъ, — мы проваливались довольно рѣдко, и то только до подмышекъ, такъ что, опираясь на свои посохи, выкарабкивались сами, не прибѣгая къ чужой помощи".

Особенно донималъ путниковъ дождь, мелкій, пронизывающій дождь, отъ котораго не спасали ихъ плащи, и который проникалъ во всѣ отверстія ихъ одежды. Имъ пришлось даже цѣлыхъ три дня провести въ палаткѣ, такъ какъ не было никакой возможности двигаться при сильномъ вѣтрѣ и подъ ливнемъ.

„Такъ какъ въ эти дни мы ничего не дѣлали и

очень много спали,—разсказываетъ Нансенъ,—то мы уменьшили вдвое ежедневную порцію пищи. Наши лапландцы сильно роптали, но принуждены были покориться".

Дождь оказалъ одну услугу путешественникамъ: онъ смылъ вновь выпавшій снѣгъ, и когда послѣ него подмерзло, сани стали легче скользить по льду. Трещины попадались все чаще и чаще; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ представляли цѣлую сѣть, черезъ которую не было возможности проникнуть, и имъ не разъ приходилось возвращаться назадъ и отыскивать новый путь.

Особенно мучилъ ихъ недостатокъ въ водѣ: они поднялись уже на высоту 3.000 ф. надъ поверхностью моря; ни ручейковъ, ни лужъ талой воды имъ уже давно не встрѣчалось; единственное, чѣмъ они могли утолять жажду, былъ снѣгъ.

Останавливаясь на ночлегъ, они оттаивали его на своей спиртовой кухнѣ, кипятили, заваривали чай и съ наслажденіемъ пили его. Но разводить огонь болѣе, чѣмъ одинъ разъ въ сутки, они не позволяли себѣ, такъ какъ ихъ запасъ спирта былъ очень невеликъ. Въ остальное время они добывали себѣ воду для питья такимъ образомъ: набивали снѣгомъ жестянки и прятали ихъ подъ одежду, иногда даже на голое тѣло, чтобы собственною теплотою растапливать снѣгъ. Иногда жажда до того мучила ихъ, что они не могли дождаться, пока снѣгъ окончательно растаетъ, и съ жадностью сосали каждую капельку воды.

Они поднимались все выше и выше. Подъемы были очень крутые; нерѣдко имъ приходилось запрягаться по-двое, по-трое въ однѣ сани и, втащивъ ихъ на крутизну, возвращаться за другими. Они давали себѣ очень мало времени для отдыха и все-таки уходили въ сутки на 4, на 5 миль, не больше. Веревка саней рѣзала имъ плечи, которыя горѣли какъ въ огнѣ; все тѣло ломило, ноги безпрестанно натыкались на острыя, крѣпкія льдинки.

— Надобно быть просто сумасшедшимъ, чтобы лѣзть на такія мученья! — вырвалось одинъ разъ у Христіансена, который вообще отличался большою выносливостью.

X.

Отправляясь въ экспедицію, путешественники взяли съ собою только самое необходимое и въ самомъ ограниченномъ количествѣ; между тѣмъ переноска багажа была такъ затруднительна, что они рѣшили оставить часть вещей. Надобно было только хорошенько обдумать, безъ чего имъ можно будетъ обойтись въ пути. Балто первый подалъ голосъ и предлагалъ бросить индѣйскія лыжи, такъ какъ это совершенно ненужная вещь.

— Вы послушайте, что̀ говоритъ Равна,—убѣждалъ онъ:—онъ старый лапландецъ, онъ вѣдь уже прожилъ сорокъ пять лѣтъ въ горахъ, и онъ говоритъ, что никогда не носилъ такой обуви. И я тоже говорю, а ужъ лучше насъ, лапландцевъ, никто не знаетъ снѣга.

— Очень много вы, лапландцы, о себѣ думаете,— смѣясь, замѣтилъ Нансенъ.—Помните, какъ вы увѣряли, что очки — это ни къ чему ненужная дрянь; а теперь увидѣли, какъ они полезны.

— Очки—другое дѣло,—спорилъ Балто,—а ужъ эти башмаки мы, конечно, никогда не надѣнемъ на ноги!

Нансенъ былъ другого мнѣнія: индѣйскія лыжи были безполезны на гладкомъ, скользкомъ льду; но онъ считалъ ихъ незамѣнимыми при мягкомъ, рыхломъ снѣгѣ. Рѣшено было оставить лыжи и пожертвовать непромокаемыми чехлами отъ спальныхъ мѣшковъ, такъ какъ путники дошли до такой высоты, на которой имъ нечего было бояться дождя. Бросить чехлы такъ, просто, было жаль,—рѣшили употребить ихъ вмѣсто топлива. Расположившись въ палаткѣ на ночлегъ, путники разрѣзали одно изъ покрывалъ на куски, положили эти куски на желѣзную лопату и зажгли, а сверху приспособили жестянку со снѣгомъ, игравшую роль котелка. Непромокаемая ткань отлично загорѣлась краснымъ пламенемъ и освѣтила стѣны палатки и 6 человѣческихъ фигуръ, любовавшихся давно невиданнымъ зрѣлищемъ весело горѣвшаго костра. Увы, удовольствіе ихъ оказалось непродолжительнымъ! Покрывало не только горѣло, но и сильно дымило, и черезъ нѣсколько минутъ вся палатка наполнилась смраднымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и щипалъ горло. Путники поспѣшили залѣзть въ свои мѣшки и закрыться съ головой.

На слѣдующее утро они сожгли второе покры-

вало, но на этотъ разъ поступили благоразумнѣе и развели огонь на открытомъ мѣстѣ; благодаря этому, они не только сварили себѣ овсяный супъ, но и растопили много снѣгу, такъ что могли цѣлый день не мучиться жаждой.

„Странный видъ представляли мы въ этотъ день при солнечномъ свѣтѣ, — пишетъ Нансенъ. — Наша кожа, довольно чисто обмытая вѣтромъ и дождемъ, совершенно преобразилась. На нѣкоторыхъ мѣстахъ слой сажи былъ такъ толстъ, что его можно было соскребать ножичкомъ. Всѣ морщинки и углубленія наполнились сажей, которая густыми слоями залегла на всѣхъ выдающихся частяхъ лица: на носу, на бровяхъ, на подбородкѣ; волосы наши стали совершенно черными; чистыми оставались только бѣлки глазъ и зубы, которые какъ-то зловѣще блестѣли среди общей черноты. Это насъ не особенно смущало, такъ какъ сажа сама по себѣ не противна. Люди обыкновенно моются, чтобы не казаться другимъ грязными; а мы не ожидали никого встрѣтить въ теченіе многихъ дней. Поэтому мы предоставили времени возстановить чистоту нашихъ лицъ, и дѣйствительно, мало-по-малу сажа сошла съ нихъ“... „Опрятные читатели,—продолжаетъ Нансенъ,—можетъ быть, назовутъ насъ свиньями, если я скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ мы сошли съ „Язона“, мы вообще ни разу не мылись. Въ оправданіе наше приведу, во-1-хъ, что когда мы находились внутри страны, у насъ было очень мало воды, а всякій человѣкъ, страдающій отъ жажды, конечно, скорѣй

выпьетъ свою небольшую порцію, чѣмъ употребитъ ее на умыванье; во-2-хъ, не очень пріятно мыться, когда пальцы коченѣютъ отъ холода, и мокрое лицо быстро обмерзаетъ; въ-3-хъ, днемъ солнце немилосердно жгло намъ кожу; его лучи палили не только сверху, но и снизу, отражаясь отъ гладкой ледяной поверхности; кожа лупилась, трескалась, дѣлались даже нарывы, а при этомъ всякая сырость очень вредна".

Вслѣдствіе недостатка въ водѣ, и приготовленіе пищи путешественниковъ не отличалось чистотой. Они совсѣмъ не мыли своей посуды и обыкновенно готовили въ одной и той же жестянкѣ и гороховый супъ, и овсянку, и шоколадъ. Пищу они разливали по чашкамъ и дѣлили на равныя порціи, а окончивъ ѣду, обыкновенно предоставляли Балто чистить жестянку, въ видѣ награды за то, что онъ помогалъ стряпать. Балто очень усердно исполнялъ это дѣло съ помощью пальцевъ и языка. Но такъ какъ жестянка была длинная и узкая, то ни пальцы, ни языкъ не хватали до дна ея, и на этомъ днѣ лежали въ полной неприкосновенности остатки мясного бульона, перемѣшанные съ остатками гороховаго супа съ кусочками шоколада и съ листьями спитого чая. Въ томъ мѣстѣ и въ томъ положеніи, въ какомъ находились путешественники, прихотничать не приходилось: они ѣли только для того, чтобы утолить голодъ, который часто давалъ себя чувствовать. Припасовъ у нихъ было взято столько, что при большой разсчетливости ихъ должно было хватить

до конца пути, если не встрѣтится на дорогѣ новыхъ задержекъ; но вполнѣ досыта они никогда не могли наѣсться. Главное, въ чемъ они чувствовали недостатокъ, были жирныя, маслянистыя вещества; всѣ ихъ консервы были сухіе, лишенные жирныхъ частицъ. Масло, взятое ими съ собой, они дѣлили такъ, что каждому доставалось по полфунту въ недѣлю, и каждый могъ съѣдать свою порцію, какъ и когда хотѣлъ. Обыкновенно они ѣли маленькими кусочками послѣ обѣда, и это составляло для нихъ величайшее лакомство. Но не всѣ они могли аккуратно распредѣлять свою долю на цѣлую недѣлю. Христіансенъ, напримѣръ, по большей части съѣдалъ все свое масло въ первый же день и мучился остальные шесть дней недѣли.

„Тяжелую жизнь приходилось намъ вести,—пишетъ Нансенъ,—но чудная красота ночного неба вознаграждала насъ за все. Когда сѣверное сіяніе освѣщало горизонтъ своимъ волшебнымъ блескомъ, мы забывали большую часть понесенныхъ трудовъ и лишеній. Когда всходила луна и медленно двигалась среди звѣзднаго неба, а лучи ея блестѣли на каждомъ ледяномъ холмикѣ и заливали всю мертвую, мерзлую пустыню потокомъ серебристаго свѣта, мы переносились въ какое-то дивное царство мира и красоты. Я убѣжденъ, что ночи, проведенныя нами на льду, оставили сильное, неизгладимое впечатлѣніе въ душахъ всѣхъ насъ“.

Скоро, однако, имъ пришлось отказаться отъ путешествія по ночамъ. Они достигли такой высоты,

на которой холодъ становился мучительнымъ. Днемъ солнце сильно грѣло, такъ что верхній слой снѣга слегка подтаивалъ; но какъ только оно садилось, наступалъ морозъ, который ночью доходилъ до 40 и болѣе градусовъ.

— Часто, когда мы раздѣвались, ложась спать,— разсказываетъ Нансенъ, — толстые носки и чулки, которые были у насъ надѣты, представляли одну крѣпкую, смерзшуюся массу.

Чтобы немного облегчить截 тасканье тяжелыхъ саней, Нансенъ вздумалъ придѣлать къ нимъ паруса и пользоваться помощью попутнаго вѣтра. Когда онъ разсказалъ свой проектъ товарищамъ, Равна съ самымъ удрученнымъ видомъ покачалъ головой, а Балто шумно высказалъ свое неодобреніе.

— Никогда въ жизни не видалъ я такихъ сумасшедшихъ людей!—горячился онъ.—Ѣздить на парусахъ по снѣгу! Надо же выдумать такую нелѣпость! Вы говорите, что лучше насъ правите лодкой; ну, пожалуй, и еще въ чемъ-нибудь вы знаете побольше нашего, но ужъ снѣгъ-то мы хорошо знаемъ, и знаемъ, что вы затѣяли прямо глупость!

Разглагольствованій Балто никто не слушалъ. Связали вмѣстѣ двое саней, потомъ остальныя трое, вмѣсто парусовъ употребили куски парусины, и дѣло пошло на ладъ: управлять санями было гораздо легче, чѣмъ тащить ихъ, и путникамъ удалось пройти вдвое больше, чѣмъ обыкновенно. И все-таки они слишкомъ медленно подвигались впередъ. Нансенъ предполагалъ сначала спуститься на западномъ берегу

около Христіансхаба, т.-е. пройти Гренландію не поперекъ, а наискось. Теперь онъ все больше и больше убѣждался, что въ виду поздняго времени года слѣдуетъ отказаться отъ этого плана и держать путь не на сѣверо-западъ, а прямо на западъ, къ селенію Готхабъ. Когда онъ сообщилъ свои соображенія товарищамъ, они съ большимъ удовольствіемъ приняли это измѣненіе плана, такъ какъ оно сокращало путь на нѣсколько десятковъ миль.

Послѣ двухъ-трехъ дней снѣжной метели поверхность покрылась толстымъ слоемъ рыхлаго снѣга, такъ что Нансенъ, Свердрупъ и Дитрихсенъ рѣшили попробовать индѣйскія лыжи. Первые опыты оказались неудачными, и они нѣсколько разъ падали, къ великому удовольствію Балто, который продолжалъ увѣрять, что никакой разумный человѣкъ не надѣнетъ на ноги такую нелѣпость; но мало-по-малу ловкіе норвежцы примѣнились къ новой обуви, и часа черезъ два они такъ легко шагали по глубокому снѣгу, что лапландцы стали съ любопытствомъ присматриваться къ ихъ лыжамъ, и Балто нѣсколько разъ спрашивалъ.

— А что, развѣ вамъ въ самомъ дѣлѣ удобно идти въ нихъ?

Дня черезъ два снѣгъ сталъ тверже, и тогда всѣ путники одинъ за другимъ надѣли свои норвежскія лыжи.

„Безъ ихъ помощи намъ ни за что бы не дойти до конца пути, — пишетъ Нансенъ: — мы навѣрно умерли бы дорогой отъ истощенія. Тащить

сани на лыжахъ было гораздо менѣе утомительно, чѣмъ безъ лыжъ, потому что съ ними мы не поднимали ноги, а скользили. Цѣлыхъ 19 дней съ ранняго утра до поздняго вечера мы были на лыжахъ и прошли пространство не менѣе 240 миль".

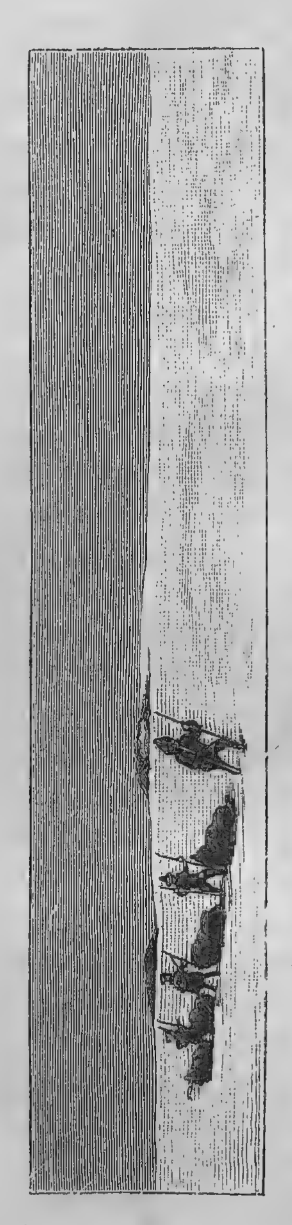
31 августа они въ послѣднiй разъ увидѣли кусочекъ земли, не покрытый льдомъ. Войдя на высокiй холмъ, они замѣтили утесъ, голая вершина котораго выставлялась изъ-подъ снѣга. Мало-по-малу и онъ исчезъ. На необозримой снѣжной равнинѣ ослѣпительно бѣлаго цвѣта они сами являлись единственными темными пятнами. День за днемъ подвигались они все дальше по ледяной пустынѣ; слегка волнистая почва продолжала постепенно подниматься;

каждый день начинался и кончался совершенно такъ же, какъ предыдущій, безъ всякаго разнообразія.

„Кто не испыталъ такого однообразія, тотъ съ трудомъ пойметъ насколько оно утомительно, — пишетъ Нансенъ.—Днемъ мы видѣли только солнце, снѣжную равнину и самихъ себя. Мы представляли маленькую, темную черточку, слабо нарисованную на безконечномъ бѣломъ пространствѣ. Ничто не измѣнялось на нашемъ горизонтѣ, глазу не на чемъ было остановиться; не было никакой точки, по которой мы могли бы направлять свой путь. Намъ приходилось безпрестанно прибѣгать къ указаніямъ компаса, наблюдать движеніе солнца и поглядывать назадъ на длинный слѣдъ, который караванъ нашъ оставлялъ на снѣгу. Мы до нѣкоторой степени знали, гдѣ находимся, и знали, что намъ еще долго придется переносить это однообразіе“.

Почти все время, пока они шли по внутреннему плато, небо стояло безоблачное, и солнце ярко свѣтило. Въ полдень оно сильно грѣло и, играя всѣми цвѣтами радуги на безконечной снѣжной равнинѣ, ослѣпляло глаза путниковъ. Имъ приходилось идти не иначе, какъ въ очкахъ, а лица закрывать вуалями; безъ этого кожа лупилась, являлись опухоли и нарывы. Зато вечера были хороши. Заходящее солнце окрашивало пурпуромъ и золотомъ легкія облачка; а когда яркій свѣтъ его лучей потухалъ, рядомъ съ нимъ появлялись ложныя солнца, соединенныя дугами радужныхъ цвѣтовъ. Почти каждый

вечеръ повторялось это явленіе, и путники не уставали любоваться имъ.

Дорога продолжала идти все въ гору, хотя крутыхъ подъемовъ уже не было. Съ этимъ вмѣстѣ возрасталъ и холодъ, особенно по ночамъ. Бороды и волоса путниковъ нерѣдко покрывались ледяными сосульками; усы ихъ замерзали до того, что они не могли раздвинуть губъ. Термометръ, положенный ночью подъ подушку, показывалъ утромъ около 40° мороза, и это въ палаткѣ, гдѣ спало 6 человѣкъ, и гдѣ вечеромъ варилось кушанье на спиртовой лампѣ! Какъ низко опускалась температура на открытомъ воздухѣ, они не могли знать, такъ какъ ихъ термометръ не показывалъ болѣе 40°. Дѣлать при такомъ холодѣ метеорологическія и другія наблюденія было крайне трудно: инструменты нельзя было держать въ перчаткахъ или рукавицахъ; приходилось дѣйствовать голыми руками и рисковать отморозить пальцы. Несмотря на это, всѣ научныя наблюденія производи-

лись безостановочно во все время пути и аккуратно записывались въ дневникъ.

Холодъ становился особенно чувствительнымъ, когда къ нему присоединялся вѣтеръ. Вотъ что̀ пишетъ Нансенъ отъ 4 сентября:

„Къ вечеру небо прояснилось, морозъ крѣпчалъ, прямо въ лицо намъ дулъ сильный вѣтеръ. Идти противъ вѣтра было страшно тяжело; мы постоянно рисковали отморозить себѣ что-нибудь. Сначала носъ у меня затвердѣлъ; но, къ счастью, я во̀-время замѣтилъ это, и мнѣ удалось оттереть его снѣгомъ. Я успокоился, какъ почувствовалъ рѣзкій холодъ подъ подбородкомъ, горло мое оцѣпенѣло и онѣмѣло. Я растеръ его, обвязалъ шею рукавицами да какими-то тряпками, и мнѣ стало лучше. Но послѣднее нападеніе мороза было самое худшее: вѣтеръ пробрался черезъ платье къ моему желудку и причинилъ мнѣ невыносимыя боли. Чтобы избавиться отъ нихъ, я привязалъ къ животу теплую войлочную шапку. Свердрупъ мучился такъ же, какъ я; что̀ испытывали остальные, мы не могли видѣть, такъ какъ они шли сзади насъ; но, несомнѣнно, ихъ положеніе было не лучше нашего".

На слѣдующій день вѣтеръ стихъ, но 6 сентября разразилась настоящая буря. Шелъ такой сильный снѣгъ, что на двадцать шаговъ ничего нельзя было разглядѣть, и Нансенъ съ Свердрупомъ, обыкновенно шедшіе впереди партіи, должны были нѣсколько разъ останавливаться и поджидать остальныхъ. Съ большимъ трудомъ удалось имъ укрѣпить палатку;

развести огонь и варить кушанье оказалось совершенно невозможно, такъ какъ снѣгъ проникалъ во всѣ щели и отверстія палатки. Путешественникамъ пришлось довольствоваться сухою пищею, которую они съѣли, уже лежа въ своихъ мѣшкахъ и укрывшись съ головой. Всю ночь бушевала буря. Одна изъ веревокъ, поддерживавшихъ палатку, лопнула, и вѣтеръ грозилъ унести всю палатку. Нансенъ уже началъ соображать, какъ имъ быть въ случаѣ такого несчастія.

— Ну, что-жъ,—рѣшилъ онъ съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ,—будемъ лежать въ мѣшкахъ,— пусть насъ засыпаетъ снѣгомъ!

Къ утру метель стихла, и Нансену, исполнявшему должность повара, удалось зажечь спиртовую лампу, сварить похлебку и заварить чай. Всѣ съ удовольствіемъ позавтракали, не вылѣзая изъ мѣшковъ. Послѣ этого Балто выползъ изъ палатки, входъ въ которую былъ заваленъ снѣгомъ; но черезъ минуту вернулся задыхаясь, весь покрытый снѣгомъ.

— Нельзя идти!—съ трудомъ проговорилъ онъ.

Нансенъ высунулъ голову за дверь и убѣдился, что онъ правъ: снѣгъ мело и крутило такъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія ничего нельзя было разглядѣть. Пришлось оставаться въ палаткѣ и постараться устроиться какъ можно лучше. Съ помощью лыжъ и мѣшковъ укрѣпили стѣны палатки, съ большимъ трудомъ откопали изъ-подъ снѣга сани и достали провизію, напились горячаго кофе, который

употреблялся ими изрѣдка, въ видѣ лакомства, и залѣзли въ мѣшки, такъ какъ сидѣть въ палаткѣ было слишкомъ холодно. Метель продолжалась, снѣгъ проникалъ внутрь палатки и наваливался на ея стѣны извнѣ.

— Что же, это недурно!—разсуждалъ Нансенъ:— черезъ снѣгъ ни морозъ, ни вѣтеръ не проберутся къ намъ!

— Но, пожалуй, мы и сами не выберемся изъ-подъ него!—замѣтилъ Дитрихсенъ.

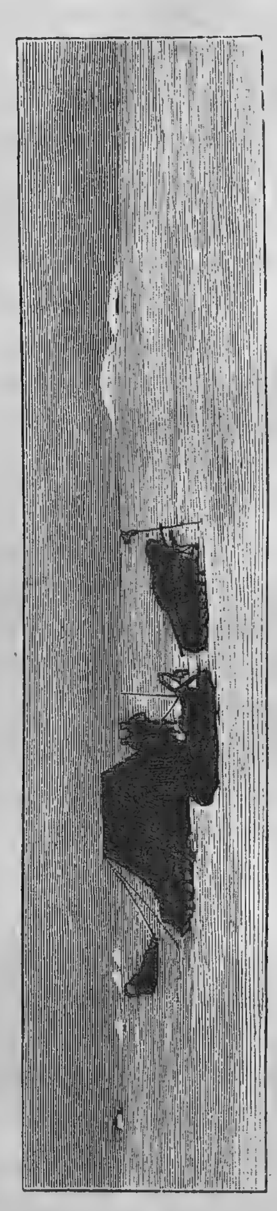
— Э, полноте! развѣ можетъ быть, чтобы шесть такихъ молодцовъ, какъ мы, не справились со снѣгомъ!—отвѣчалъ Нансенъ.

И норвежцы принялись весело разговаривать, увѣряя и другъ друга, и самихъ себя, что имъ превосходно лежать въ мѣшкахъ, прислушиваясь къ вою бури. Лапландцы не раздѣляли ихъ бодрости. Особенно Равна совсѣмъ упалъ духомъ.

— Я старый лапландецъ, я 45 лѣтъ жилъ среди снѣговъ, я знаю, что значитъ метель въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ горахъ,—жалобнымъ голосомъ причиталъ онъ:—никому изъ насъ не придется увидѣть конца бури!

Однако, грустныя предсказанія бѣднаго лапландца не оправдались, и на слѣдующій день путешественники могли двинуться дальше, хотя имъ пришлось очень долго освобождаться изъ-подъ снѣга: палатку замело до того, что виднѣлся только кончикъ ея, а сани трудно было и отыскать въ снѣгу.

Послѣ этого короткаго и мало пріятнаго перерыва

снова потянулись прежніе однообразные дни. Путники достигли высоты 7200 футъ, и передъ ними попрежнему разстилалась гладкая, слегка волнистая поверхность безконечнаго, безмолвнаго снѣжнаго поля. Каждое утро, просыпаясь, они чувствовали, что голова ихъ окружена льдомъ и инеемъ: это паръ отъ ихъ дыханія осѣлъ на оленьемъ мѣху мѣшка и замерзъ; всѣ стѣны палатки были покрыты длинными ледяными сосульками. Начиналось зажиганіе спиртовой кухни; это была непріятная операція, такъ какъ дотрогиваться до металла голыми руками при такой температурѣ было мучительно, а между тѣмъ слѣдовало все дѣлать очень аккуратно; нельзя было зажигать слишкомъ сильнаго огня,—это была лишняя трата спирта,—ни слишкомъ слабаго, такъ какъ тогда кушанье не могло бы свариться. Должность повара исполнялъ обыкновенно Нансенъ. Когда завтракъ былъ готовъ, онъ будилъ остальныхъ; они пили чай или шоколадъ, не вылѣзая изъ мѣшковъ, и затѣмъ поспѣшно

готовились къ выступленію: чистили полозья саней и лыжъ, упаковывали багажъ и одѣвались, какъ можно теплѣе. Когда все было готово, привязывали лыжи, впрягали себя въ сани и двигались въ путь. Нансенъ и Свердрупъ шли обыкновенно впереди, указывая дорогу. Въ теченіе дня останавливались раза три, причемъ только одинъ разъ позволяли себѣ разводить огонь и утолять жажду чаемъ, въ остальное же время довольствовались сухой пищей. Въ день проходили отъ 6 до 15 миль, смотря по состоянію снѣга, и часовъ въ 8—9 вечера разбивали палатку.

„Эти вечера въ палаткѣ,—говоритъ Нансенъ,—когда мы, тщательно отряхнувъ снѣгъ, сидѣли всѣ кружкомъ на своихъ мѣшкахъ съ платьемъ, были, несомнѣнно, самыми свѣтлыми моментами нашего существованія въ то время. И тяжелая дневная работа, и усталость, и смертельная стужа—все забывалось въ тѣ минуты, когда мы, сидя вокругъ своей печки, смотрѣли на слабые лучи свѣта, бросаемые лампой, и нетерпѣливо ждали ужина. Право, немногіе часы своей жизни я вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ! А когда супъ, похлебка или вообще наше кушанье было готово, когда каждый получалъ свою порцію, и мы зажигали огарокъ свѣчки, чтобы видѣть, что̀ ѣдимъ, тогда мы окончательно приходили въ веселое настроеніе, и я увѣренъ, всѣ мои товарищи думали такъ же, какъ и я, что на свѣтѣ стоитъ жить“.

XI.

Подходила половина сентября, и путешественники надѣялись скоро достигнуть западнаго берега. Подъемъ вверхъ прекратился, начинался спускъ, правда, очень отлогій, волнообразный, мало замѣтный простымъ глазомъ. По вычисленіямъ, которыя очень аккуратно дѣлалъ Дитрихсенъ, имъ оставалось до берега не болѣе 120 миль, хотя они все еще находились на высотѣ болѣе 8000 ф. надъ поверхностью моря.

— Завтра, навѣрно, увидимъ землю,—утѣшали они сами себя, ложась спать; но и завтра, и послѣзавтра передъ ними тянулась все та же необозримая снѣжная равнина безъ малѣйшихъ признаковъ какой-либо перемѣны.

Лицо Равны начало вытягиваться.

— Я старый лапландецъ, — заявилъ онъ наконецъ, — старый, глупый человѣкъ, но я увѣренъ, что мы никогда не доберемся до берега!

— Это правда, Равна, — совершенно серьезно отвѣчалъ Нансенъ: — вы старый, глупый человѣкъ.

— Что̀? это правда, что я глупый, старый? — переспросилъ Равна и разразился громкимъ смѣхомъ; повидимому, онъ принялъ подтвержденіе своихъ словъ за комплиментъ...

Въ другой разъ Балто спросилъ нетерпѣливо:

— Почему вы можете знать, сколько намъ осталось, и сколько всего миль отъ одного берега до другого, когда никто никогда здѣсь не ходилъ?

Ему трудно было объяснить, какимъ путемъ производятся вычисленія; но когда ему показали карту страны, онъ какъ будто началъ нѣсколько понимать, въ чемъ дѣло.

17 сентября вечеромъ термометръ не спустился до нуля,—признакъ, что путешественники уже далеко оставили за собой вершины плато. Въ этотъ день они были обрадованы появленіемъ птички, этого перваго вѣстника близости земли, не покрытой снѣгомъ. Почва замѣтно понижалась, вѣтеръ былъ попутный, и они рѣшили ускорить путь, опять привязавъ къ санямъ паруса. Нансенъ, Свердрупъ и Христіансенъ соединили вмѣстѣ свою пару саней, другая пара предоставлена была остальнымъ, пятыя сани имъ давно пришлось бросить на дорогѣ, такъ какъ онѣ оказались слишкомъ тяжелыми. Пока сани связывали и прикрѣпляли къ нимъ парусъ, онѣ увязли въ снѣгу и, несмотря на довольно сильный вѣтеръ, натягивавшій парусъ, не могли сдвинуться съ мѣста. Тогда путешественники впряглись въ нихъ и потащили ихъ. Сани сдвинулись, вѣтромъ ихъ погнало впередъ, еще минута—всѣ три возницы были опрокинуты и лежали на снѣгу. Они безъ труда поднялись и повторили ту же попытку во второй разъ,—результатъ оказался тотъ же. Тогда они рѣшили устроиться такимъ образомъ: Свердрупъ на своихъ лыжахъ долженъ былъ бѣжать передъ санями, держась за шестъ, прикрѣпленный къ санямъ на подобіе оглобли, а Нансенъ и Христіансенъ бѣжали тоже на лыжахъ, держась за сани сзади.

Христіансенъ бросилъ сани, находя, что безопаснѣе не прицѣпляться къ нимъ, и Нансенъ одинъ держался за нихъ.

„Наше судно, — пишетъ Нансенъ, — бѣжало по снѣжнымъ волнамъ и рытвинамъ такъ быстро, что духъ захватывало. Сани скрипѣли и, казалось, готовы были развалиться на куски, перелетая съ одного ухаба на другой. Мнѣ было очень трудно держаться за нихъ и бѣжать на лыжахъ. Почва стала вдругъ круто понижаться. Сани летѣли все быстрѣе и быстрѣе: казалось, онѣ едва касаются земли. Прямо передо мной торчалъ конецъ лыжи, которая была привязана къ санямъ, чтобы соединить ихъ вмѣстѣ. Я никакъ не могъ отодвинуть отъ себя этотъ конецъ, а между тѣмъ онъ постоянно задѣвалъ за мои лыжи. Долго боролся я съ этимъ злополучнымъ концомъ, между тѣмъ какъ Свердрупъ весело бѣжалъ впереди, воображая, что мы спокойно пристроились на задкѣ саней. Наше судно летѣло необыкновенно быстро; клубы снѣга поднимались вокругъ насъ и окружали насъ точно облакомъ, скрывая отъ насъ товарищей. Вдругъ топоръ, лежавшій наверху нашего багажа, отвязался и грозилъ свалиться. Я подвинулся впередъ и старался уложить его; но въ эту минуту торчавшій конецъ лыжи попалъ мнѣ подъ ноги, и я упалъ, безпомощно глядя на наше парусное судно, летѣвшее внизъ по наклонной плоскости и скрывавшееся за снѣжными клубами. Весьма непріятно было наблюдать, какъ быстро уменьшалось оно. Я чувствовалъ, что нахожусь въ очень глупомъ положеніи, лежа

такимъ образомъ на снѣгу; впрочемъ, я скоро оправился и бодро пустился впередъ по слѣдамъ саней, которыя уже скрылись изъ виду".

Скоро ему стали попадаться разныя вещи, которыя вывалились изъ саней, и этихъ вещей набралось такъ много, что онъ не могъ удержать ихъ въ рукахъ. Ему пришлось сѣсть на снѣгъ и терпѣливо ждать, когда подойдутъ остальные товарищи. Со вторыхъ саней вывалилось также не мало вещей; надо было возвращаться разыскивать ихъ, и прошло добрыхъ два часа, пока вся компанія снова соединилась. Свердрупъ разсказывалъ, что ему было очень легко и пріятно бѣжать впереди саней. Парусъ мѣшалъ ему видѣть, что дѣлается сзади; онъ былъ увѣренъ, что его товарищи спокойно сидятъ въ саняхъ, и удивлялся только, что не слышитъ ихъ голосовъ. Онъ сталъ окликать ихъ, заговаривать съ ними, но не получалъ отвѣта. Это молчаніе встревожило его; наконецъ, онъ повернулъ сани противъ вѣтра и обошелъ кругомъ, чтобы посмотрѣть, что̀ сдѣлалось съ его спутниками. Оба они исчезли безслѣдно: вдали, среди снѣжной равнины виднѣлась только какая-то небольшая черная точка—и ничего больше. Свердрупъ спустилъ парусъ, что̀ было дѣломъ нелегкимъ при сильномъ вѣтрѣ, и усѣлся ждать. Долго пришлось ему просидѣть такимъ образомъ, сильно волнуясь за судьбу товарищей, пока они наконецъ подошли къ нему.

Послѣ этого сани хорошенько связали, скрѣпили багажъ, закусили и снова отправились въ путь.

Хотя Свердрупъ находилъ роль возницы очень пріятною, но она представляла немалую опасность. Стоило человѣку не удержаться на ногахъ и упасть, — тяжело нагруженныя сани наѣхали бы на него и раздавили бы его. Рѣшено было, что этой опасности будутъ подвергаться всѣ поочередно; остальные держались за веревки, привязанныя къ задкамъ саней,

Спускъ съ горы.

и такимъ образомъ быстро неслись впередъ. Почва продолжала спускаться длинными террасами; сильный вѣтеръ подгонялъ сани. Подъ вечеръ вдругъ раздался голосъ Балто:

— Земля! Земля!

И дѣйствительно, сквозь снѣжную пыль слабо вырисовались къ западу очертанія темной гряды горъ. Можно себѣ представить, какъ обрадовались

наши путники! Та цѣль, къ которой они стремились, была, наконецъ, у нихъ въ виду.

Они повернули нѣсколько на сѣверъ и направились въ ту сторону, гдѣ виднѣлась земля. Впрочемъ, снѣгъ скоро скрылъ ее отъ ихъ глазъ. Вѣтеръ подгонялъ сани впередъ, и они быстро подвигались, ничего не различая, кромѣ снѣга и снѣга со всѣхъ сторонъ. Солнце сѣло, вечеръ былъ довольно теплый. Нансенъ управлялъ первыми санями. Онѣ неслись съ пригорка на пригорокъ, какъ вдругъ Нансенъ замѣтилъ что-то черное въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Онъ принялъ это сначала за простую яму въ снѣгу; но, пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, быстро повернулъ въ сторону и поставилъ сани противъ вѣтра; то, что онъ принималъ за яму, оказалось широкою пропастью, куда свободно могли провалиться и сани, и всѣ люди.

Послѣ этой первой трещины стали часто попадаться и другія. Свердрупъ снова запрягся въ сани, а Нансенъ съ шестомъ въ рукахъ шелъ на своихъ лыжахъ впереди, осматривая и ощупывая дорогу. Поздно ночью, изнеможенные усталостью до того, что не могли развести огонь и приготовить себѣ пищу, остановились путники на ночлегъ. Взошла луна, и при ея свѣтѣ они снова увидѣли ту же цѣпь горъ, теперь уже гордо поднимавшую къ небу свои вершины.

На слѣдующее утро, когда они выглянули изъ палатки, глазамъ ихъ открылась вся мѣстность къ югу отъ бухты Готхаба; это была гористая

страна, изрѣзанная глубокими долинами и темными ущельями.

„Мы сидѣли, смотрѣли на нее и радовались, точно дѣти,—пишетъ Нансенъ.—Мы всматривались въ причудливыя очертанія долинъ и напрасно искали глазами моря. Передъ нами разстилался красивый ландшафтъ, дикій и величественный, вродѣ западнаго берега Норвегіи. На вершинахъ сверкалъ свѣжевыпавшій снѣгъ, между горами чернѣли ущелья. За этими горами скрывались фіорды, которые мы пока видѣли только воображеніемъ. Дойти до Готхаба по этой странѣ казалось намъ пустякомъ".

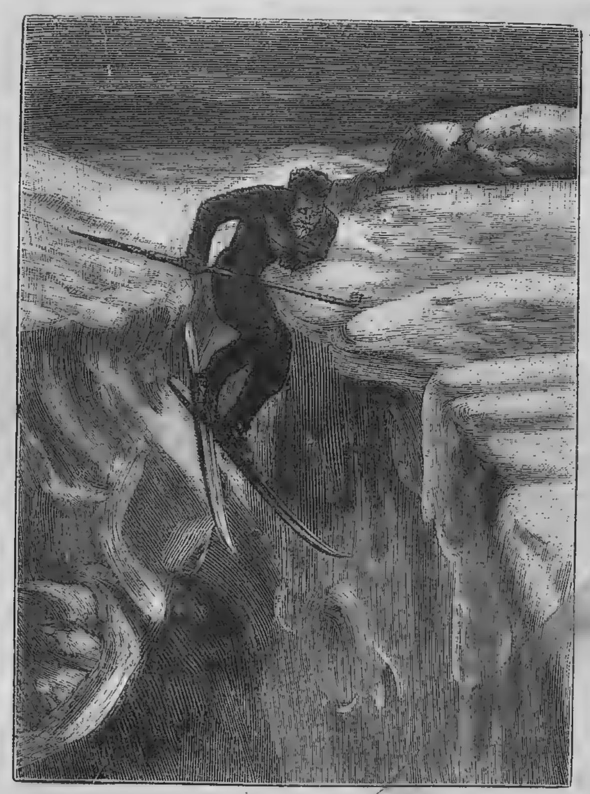
А между тѣмъ слѣдующіе дни пути были нисколько не легче предыдущихъ. Безпрестанно попадались трещины; вѣтеръ смелъ снѣгъ съ нѣкоторыхъ скатовъ, такъ что они были страшно скользки, и намелъ цѣлые сугробы въ другихъ мѣстахъ. Вечеромъ, на другой день послѣ того, какъ имъ открылась земля, они вдругъ напали на маленькое озерко воды. Послѣ цѣлаго мѣсяца жажды, которую они могли утолять лишь нѣсколькими глотками талаго снѣга, найти настоящую воду и пить ее, сколько угодно,—это было истинное наслажденіе.

„Мы припали къ озерку,—говоритъ Нансенъ,—и пили до того, что чувствовали, какъ желудки наши раздулись".

Они направили свой путь прямо къ бухтѣ Амералику. Почва была неровная, трещины попадались на каждомъ шагу и иногда представляли такую сплошную сѣть, черезъ которую невозможно было

пробраться. Приходилось возвращаться назадъ и искать обхода.

Обыкновенно Нансенъ и Свердрупъ бѣжали на своихъ лыжахъ впередъ развѣдывать дорогу, а

Нансенъ въ трещинѣ ледника.

остальные подвигались за ними, то привязывая къ санямъ паруса, то таща ихъ на себѣ.

Въ одинъ изъ этихъ дней, когда цѣль казалась близкою, почти достигнутою, Нансенъ едва не погибъ; онъ не замѣтилъ трещины, которая сверху была

прикрыта рыхлымъ снѣгомъ. Ноги его съ привязанными къ нимъ лыжами провалились, и онъ повисъ надъ бездною, удерживаясь локтями и хватаясь за шестъ, который успѣлъ положить поперекъ провала. Свердрупъ убѣжалъ впередъ, остальные товарищи были далеко позади,—никто не могъ подать ему помощи. Съ неимовѣрными усиліями удалось ему подняться на локтяхъ и достать ногой до выступа, на которомъ могла уставиться лыжа.

XII.

24 сентября путники достигли, наконецъ, твердой земли. Утромъ Нансенъ, отправившись впереди отряда, первый вбѣжалъ на откосъ, съ котораго открывался видъ на красивое горное озеро, покрытое слоемъ льда, и на ущелье, по которому бѣжала рѣчка, вытекавшая изъ озера. Вся партія собралась и съ восторгомъ привѣтствовала виднѣвшуюся землю. Спускъ съ откоса былъ очень крутъ; но всѣ были такъ радостно настроены, что не замѣчали трудностей и весело бѣжали впередъ со своими санями. Вскорѣ они очутились на замерзшемъ озерѣ, и „внутренній ледъ" остался позади нихъ. Перебѣжавъ озеро, ледъ котораго трещалъ подъ тяжестью саней, они очутились въ долинѣ, на берегу рѣчки.

„Словами нельзя описать тѣхъ чувствъ, которыя волновали насъ, — говоритъ Нансенъ, — когда мы снова ощутили подъ ногами землю и камни, того блаженства, съ какимъ мы ступали по мягкому ковру

вереска и вдыхали чудный запахъ травъ и мху. „Внутренній ледъ" лежалъ позади насъ; холодное, сѣрое ледяное поле спускалось къ озеру; передъ нами разстилалась плодородная земля. Насколько хваталъ глазъ, мы видѣли холмы и пригорки, покрытые зеленью. По этой землѣ лежалъ нашъ путь до самаго фіорда".

Мрачное лицо Равны сіяло радостью. Онъ, бѣдняга, давно уже отказался отъ всякой надежды ощущать подъ ногами твердую почву.

Пообѣдавъ и доставивъ себѣ удовольствіе полежать на мягкомъ верескѣ, путешественники уложили часть багажа въ сани, тщательно укрыли его брезентомъ и поставили въ укромномъ мѣстечкѣ подъ скалой. Остальныя наиболѣе необходимыя вещи они раздѣлили на шесть равныхъ частей, навьючили себѣ на спины и отправились внизъ по долинѣ. Хотя вьюки были тяжелые, а дорога каменистая, неровная, но они бодро шагали впередъ.

— Какъ здѣсь чудно пахнетъ!—нѣсколько разъ съ восторгомъ замѣчалъ Равна: — точно у насъ въ Финмаркенѣ на хорошихъ оленьихъ пастбищахъ!

Въ этотъ вечеръ, остановившись на ночлегъ, путешественники развели у входа въ палатку большой костеръ изъ сухого вереска и наслаждались яркимъ блескомъ огня, при свѣтѣ котораго весело поужинали.

Послѣ ужина тѣ изъ нихъ, которые курили, набили свои трубочки, за неимѣніемъ табаку, травою, и закурили ихъ; всѣ растянулись на землѣ вокругъ костра. Сознаніе, что цѣль достигнута, что „вну-

тренній ледъ“ пройденъ, наполняло сердца ихъ гордою радостью. Пламя костра поднималось къ небу, на которомъ играло сѣверное сіяніе; полный мѣсяцъ медленно выплывалъ изъ-за горы. Воздухъ былъ теплый, точно лѣтнею ночью. Свердрупъ увѣрялъ, что никогда въ жизни не видалъ такого чуднаго вечера, никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. И всѣ испытывали то же. Даже мрачный Равна разговорился.

— Мнѣ нравится западный берегъ,—толковалъ онъ.—Старому лапландцу хотѣлось бы пожить здѣсь: тутъ должно быть много оленей,—это мѣсто совсѣмъ какъ наши финмаркенскія горы.

Дѣйствительно, подвигаясь дальше на западъ, путники встрѣчали несомнѣнные слѣды оленей. Вскорѣ имъ стали попадаться разныя птицы, а въ кустахъ пробѣгали зайцы. Они занялись охотой и съ наслажденіемъ ѣли свѣжее мясо взамѣнъ тѣхъ сухихъ консервовъ, которыми принуждены были такъ долго питаться. Чѣмъ дальше на западъ они подвигались, тѣмъ растительность становилась богаче и разнообразнѣе. Берега рѣчекъ, вдоль которыхъ они шли, были покрыты кустами ольхи и ивы вышиной въ человѣческій ростъ. Ольха сохраняла еще зеленую листву, а листья ивы пожелтѣли и сморщились, вѣроятно, вслѣдствіе раннихъ ночныхъ морозовъ. Озера, встрѣчавшіяся имъ на пути, были покрыты болѣе или менѣе крѣпкой ледяной корой; но погода стояла днемъ теплая, даже жаркая, а ночью свѣжая, какъ у насъ въ сентябрѣ. Наконецъ, послѣ трех-

дневнаго пути, съ тяжелыми вьюками на спинѣ, путники съ вершины одного пригорка увидѣли синія воды бухты, неширокаго залива, глубоко врѣзавшагося въ землю. Въ этотъ заливъ впадала неглубокая рѣчка съ большими песчаными отмелями около устья. Слѣдуя по ея теченію, они подошли близко къ бухтѣ и нашли очень удобное мѣстечко для стоянки. Съ востока большая скала защищала ихъ отъ холоднаго вѣтра, дувшаго съ ледника; лужайка густо поросла верескомъ и мхомъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ находилось небольшое озеро.

Съ наслажденіемъ сбросили они съ себя тяжелую ношу и, растянувшись на мягкой землѣ, стали обсуждать, какъ продолжать путь. Готхабъ долженъ былъ лежать миляхъ въ 50 отъ того мѣста, гдѣ они находились, на сѣверной сторонѣ бухты, но добраться туда сухимъ путемъ было невозможно, такъ какъ береговая полоса, насколько они могли осмотрѣть ее съ горы, вся состояла изъ крутыхъ скалъ и нагроможденныхъ камней. Надобно было построить лодку и попробовать водяной путь.

О сооруженіи большой лодки, которая сдержала бы всѣхъ ихъ да еще и багажъ, нечего было думать: рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи. Нансенъ и Свердрупъ должны были одни отправиться въ маленькой лодочкѣ, и, пріѣхавъ въ Готхабъ, устроить переправу остальныхъ; а эти остальные брались перенести къ мѣсту стоянки багажъ, оставленный ими на пути, и ждать на этомъ мѣстѣ вѣстей изъ Готхаба.

Свердрупъ съ помощью Балто немедленно принялся мастерить лодку. Онъ сдѣлалъ остовъ ея изъ вѣтвей ивы, а подъ ними натянулъ парусину, прежде замѣнявшую полъ въ ихъ палаткѣ. Весла онъ устроилъ изъ бамбуковыхъ палокъ, къ которымъ крѣпко-на-крѣпко привязалъ вилообразные сучья деревьевъ съ парусиной, натянутой между вилами. Вся лодка имѣла около трехъ съ половиной аршинъ длины, до двухъ аршинъ ширины и вершковъ четырнадцать глубины.

Лапландцы съ Дитрихсеномъ и Христіансеномъ отправились за багажемъ, прежде чѣмъ постройка этого суденышка была окончена. Нансену и Свердрупу предстоялъ не малый трудъ спустить его на воду и провести по рѣчкѣ къ бухтѣ. Оказалось, что рѣчка была покрыта песчаными отмелями, такъ что въ концѣ концовъ не лодка везла путешественниковъ, а они сами должны были тащить ее, шагая по песчаному дну.

Цѣлый день они провозились такимъ образомъ, пока, наконецъ, спустили лодку въ воду залива. Лодка оказалась мало вмѣстительнымъ и довольно валкимъ суденышкомъ съ необыкновенно неудобными сидѣньями изъ бамбуковыхъ тросточекъ. Долго потомъ Нансенъ не могъ безъ содроганія вспомнить о томъ, какъ мучительно было сидѣть на этихъ тросточкахъ по нѣскольку часовъ подъ рядъ. Кромѣ того, вода пробивалась сквозь парусинное дно лодки, и ее постоянно приходилось вычерпывать большой ложкой, за неимѣніемъ болѣе подходящаго черпака.

Несмотря на это, друзья весело плыли къ устью залива, утѣшаясь тѣмъ, что снова видятъ передъ собой открытое море, и скоро, очень скоро вернутся въ общество людей. Около прибрежныхъ скалъ летало множество чаекъ, и у путешественниковъ текли слюнки при видѣ этой дичи. Долго не удавалось имъ застрѣлить ни одной птицы. Но когда Нансенъ попалъ, наконецъ, въ одну изъ чаекъ и она упала, къ ней слетѣлась цѣлая стая другихъ: чайки очень любопытныя птицы,—имъ, вѣроятно, хотѣлось изслѣдовать, почему упала ихъ подруга; но это изслѣдованіе стоило жизни многимъ изъ нихъ, и путешественники сдѣлали значительный запасъ свѣжаго мяса.

„Трудно описать словами,—разсказываетъ Нансенъ,—наслажденіе двухъ дикарей, которые сидѣли въ этотъ вечеръ на сѣверномъ берегу фіорда Амералика, запускали руки въ горшокъ съ варившимся мясомъ, вытаскивали оттуда птицу и отправляли ее по кусочкамъ въ свои голодные желудки. Огонь нашего костра казался почти блѣднымъ при свѣтѣ чуднаго сѣвернаго сіянія. Все небо было объято пламенемъ съ южной и сѣверной стороны; волны свѣта то надвигались, то снова отступали; вдругъ по небу проносился словно какой-то вихрь, гнавшій передъ собой пламя прямо къ зениту,—тамъ вспыхивалъ настоящій пожаръ, который почти ослѣплялъ глаза зрителя. Затѣмъ буря какъ бы прекращалась, свѣтъ медленно погасалъ; оставалось лишь нѣсколько неясно очерченныхъ огненныхъ пятенъ, которыя

плавали по небу, усѣянному звѣздами. А тамъ, подъ нами, лежали холодныя, безстрастныя волны фіорда, темнаго и глубокаго, опоясаннаго стѣною крутыхъ скалъ и грозныхъ горъ".

Слѣдующій день имъ почти весь пришлось отдыхать, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ, и они не рѣшились бороться съ бурнымъ моремъ въ своей утлой лодочкѣ.

1 октября погода прояснилась. Съ ранняго утра они усердно работали веслами, а послѣ полудня устроили себѣ такой обѣдъ, о которомъ долго потомъ не могли вспомнить безъ смѣха. Въ томъ мѣстѣ берега, къ которому они пристали, было очень много ягоды водяники. Поѣвъ вареныхъ чаекъ и гороховаго супа на бульонѣ изъ тѣхъ же птицъ, они набросились на ягоды съ жадностью людей, не видавшихъ много недѣль никакой свѣжей растительной пищи.

„Сначала, — разсказываетъ Нансенъ, — мы ѣли ягоды стоя; потомъ, когда устали стоять, мы ѣли ихъ сидя; наконецъ, когда и эта поза показалась намъ утомительной, мы разлеглись и продолжали ихъ ѣсть лежа. Пока мы обѣдали, поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, и намъ невозможно было продолжать путь. Поэтому ничего больше не оставалось, какъ лежать и ѣсть ягоды. Подъ конецъ намъ стало уже лѣнь срывать ихъ руками, мы поворачивали головы и срывали ихъ губами, пока не уснули. Мы проспали до вечера, а когда проснулись, большія, черныя, сочныя ягоды висѣли около самыхъ нашихъ ртовъ, такъ что мы опять стали ѣсть ихъ, пока

снова не уснули. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ такое обжорство прошло намъ даромъ, какъ оба мы не заболѣли разстройствомъ желудка. На самомъ же дѣлѣ мы чувствовали себя прекрасно, и въ часъ ночи, когда вѣтеръ спалъ, съ усиленной энергіей взялись за весла. Мы плыли вдоль совершенно темныхъ береговъ. Вода сіяла фосфорическимъ блескомъ, такимъ яркимъ, какой рѣдко встрѣчается даже въ тропическихъ моряхъ. Лопасти нашихъ веселъ свѣтились точно расплавленное серебро, и прикосновеніе ихъ къ темной водѣ оставляло за собой слѣдъ—длинную, блестящую полосу, тянувшуюся за нашей лодкой".

XIII.

3 октября, огибая небольшой полуостровъ, на южной сторонѣ котораго долженъ былъ находиться Готхабъ, они вдругъ услышали человѣческіе голоса. Это были голоса женщинъ и дѣтей, которыя перекликались и что-то кричали другъ другу. Путешественники не могли разобрать словъ и, несмотря на всѣ старанія, никого не видѣли. Впослѣдствіи они узнали, что это были туземцы, собиравшіе ягоды на горѣ, къ востоку отъ Готхаба. Они замѣтили путешественниковъ и кричали другъ другу, что видятъ двухъ людей, ѣдущихъ на половинѣ лодки, что это должно быть какое-то колдовство. Такой лодки никто никогда не видывалъ, и на нее страшно смотрѣть.

Нѣсколько дальше путешественники встрѣтили

двухъ эскимосовъ, сидѣвшихъ въ своихъ кайякахъ и занятыхъ рыбною ловлею, а еще дальше передъ ними открылось цѣлое селеніе, состоявшее изъ эскимосскихъ хижинъ, среди которыхъ возвышалось какое-то длинное зданіе съ башней. Они повернули къ берегу, и въ ту же минуту цѣлая толпа эскимосовъ прибѣжала туда же. Эскимосы кричали, громко разговаривали, суетливо переходили съ мѣста на мѣсто и жестикулировали такъ же странно, какъ жители восточнаго берега. Они вообще мало отличались отъ этихъ послѣднихъ: такіе же малорослые, некрасивые, такіе же веселые и добродушные. Они помогли путешественникамъ пристать къ берегу, привязать и разгрузить лодку и при этомъ все время болтали и смѣялись, указывая другъ другу на странныхъ чужеземцевъ. Эти чужеземцы стояли надъ своими вещами въ довольно затруднительномъ положеніи: они не понимали ни слова изъ того, что̀ болтали туземцы, и не знали, куда имъ направиться.

— А, вонъ, наконецъ, европеецъ!—вскричалъ Свердрупъ, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ, одѣтый по-европейски, и, несомнѣнно, не туземецъ.

— Говорите вы по-англійски? Вы англичане?—обратился онъ къ пріѣзжимъ, любезно раскланявшись съ ними.

Узнавъ, что это не англичане, а норвежцы, и услышавъ фамилію Нансена, онъ вскричалъ:

— О, въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ поздравить васъ! Вы получили степень доктора.

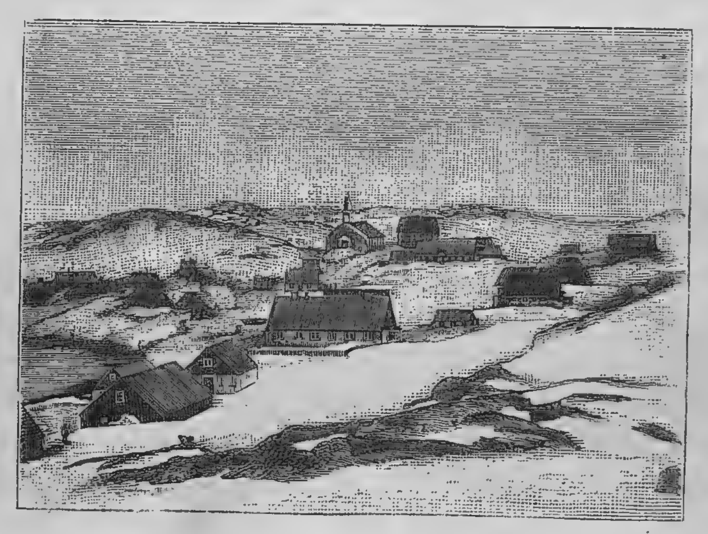
Нансенъ былъ пораженъ и едва удержался отъ смѣха. Онъ получилъ степень доктора до своего отъѣзда изъ Европы, послѣ того онъ такъ много пережилъ и переиспыталъ, что это казалось ему какимъ-то отдаленнымъ, полузабытымъ событіемъ, и вдругъ первыя европейскія слова, какія онъ услышалъ, переѣзавъ всю Гренландію,—поздравленіе со степенью доктора.

Молодой человѣкъ, по имени Бауманъ, оказался очень любезнымъ датчаниномъ, служащимъ въ Гренландіи и занимающимъ мѣсто помощника губернатора датской колоніи Готхабъ. Онъ объяснилъ, что губернаторъ въ отъѣздѣ, что селеніе, которое они видятъ передъ собою, не Готхабъ, а Гернгутъ, одна изъ станцій, основанныхъ въ Гренландіи германскими миссіонерами. Вскорѣ къ нимъ подошелъ самъ миссіонеръ, г. Фогель, и зазвалъ ихъ къ себѣ.

Онъ жилъ въ единственномъ большомъ домѣ поселка, въ длинномъ зданіи съ башней, въ которомъ помѣщалась и церковь. Миссіонеръ и жена его встрѣтили путешественниковъ съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ жизни сначала на суднѣ тюленепромышленниковъ, потомъ въ палаткѣ и подъ открытымъ небомъ, Нансену и Свердрупу было какъ-то странно очутиться снова въ обстановкѣ цивилизованныхъ людей. Комната, въ которой ихъ принималъ миссіонеръ, отличалась полнѣйшей простотой, но имъ она представилась въ высшей степени роскошною. Сидѣть на стулѣ, за столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, употреблять

ножъ и вилку, пить вино, курить сигары — все это было для нихъ такъ непривычно и такъ пріятно.

Пока они обѣдали, изъ Готхаба пришелъ священникъ и докторъ. Извѣстіе о появленіи иностранцевъ уже дошло до нихъ, и они спѣшили привѣтствовать гостей. Путешественникамъ пришлось от-

Готхабъ.

вѣтить на безчисленные вопросы о томъ, какъ они попали въ Гернгутъ, гдѣ они оставили товарищей и т. п. Послѣ этого священникъ и докторъ проводили ихъ пѣшкомъ въ Готхабъ, до котораго было всего нѣсколько верстъ.

Готхабъ оказался небольшимъ селеніемъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ эскимосскихъ хижинъ, среди которыхъ возвышалась церковь и четыре-пять домовъ европейцевъ. На улицѣ толпился народъ, вы-

шедшій посмотрѣть на таинственныхъ чужеземцевъ, пріѣхавшихъ съ востока на половинѣ лодки. Едва они подошли къ первымъ домамъ, какъ раздался ружейный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій и т. д. Это былъ привѣтственный салютъ со стороны туземцевъ. У каждаго дома стояла кучка женщинъ и дѣтей, встрѣчавшихъ и провожавшихъ пріѣзжихъ добродушными, веселыми улыбками и слегка удивленными взглядами. Въ серединѣ селенія путешественниковъ встрѣтили четыре дамы, представительницы Европы въ колоніи. Странно было видѣть ихъ модныя платья рядомъ съ кожаными куртками и панталонами гренландскихъ красавицъ. Когда путешественники дошли до дома губернатора, ружейные выстрѣлы прекратились, и стрѣлки привѣтствовали ихъ громкими криками. Жена губернатора пригласила ихъ къ себѣ на обѣдъ; а передъ обѣдомъ г. Бауманъ провелъ ихъ въ свою комнату, гдѣ они могли придать себѣ болѣе приличный видъ. Здѣсь они имѣли давно неиспытанное удовольствіе хорошенько вымыться и надѣть чистое бѣлье.

Къ обѣду собралась вся небольшая европейская колонія. Всѣ мужчины и дамы были одѣты очень нарядно, всѣ старались строго соблюдать правила европейскихъ приличій.

Теперь у Нансена явились двѣ заботы: во-1-хъ, узнать, будетъ ли имъ возможно въ скоромъ времени вернуться на родину; во-2-хъ, найти средство доставить въ Готхабъ товарищей, оставленныхъ на пути. Относительно переправы домой ему сказали,

что послѣднее европейское судно ушло изъ Готхаба два мѣсяца тому назадъ, и больше никакихъ сообщеній ни съ Европой, ни съ Америкой до весны не предвидится. Миль за 300 отъ Готхаба у берега стояло, правда, торговое судно „Фоксъ", но оно должно было уйти въ половинѣ октября. Нансенъ немедленно написалъ письмо капитану „Фокса", убѣдительно прося его заѣхать въ Готхабъ; но переслать куда слѣдуетъ это письмо было не легко. Сношенія между прибрежными селеніями производятся обыкновенно не иначе, какъ моремъ; а между тѣмъ стояла бурная погода, и море сильно волновалось. Только на слѣдующій день выискался смѣльчакъ-эскимосъ, взявшійся на своемъ кайякѣ доставить письмо до ближайшаго селенія, откуда другой эскимосъ долженъ былъ везти его дальше.

Къ товарищамъ Нансенъ послалъ сначала двухъ кайякеровъ съ письмами и провизіей, а потомъ, уже дней черезъ пять, когда погода стихла, большую, крѣпкую лодку съ опытными гребцами. Этими гребцами были женщины, по обычаю эскимосовъ: мужчины считаютъ для себя унизительнымъ плавать иначе, какъ въ кайякахъ.

Гостепріимные обыватели Готхаба постарались какъ можно удобнѣе помѣстить пріѣзжихъ: Свердрупу нашлась квартира въ домѣ мѣстнаго плотника и кораблестроителя, а Нансену Бауманъ уступилъ свою собственную комнату. О пищи имъ тоже не приходилось заботиться, такъ какъ всѣ евро-

пейцы наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ и завтракать, и обѣдать, и ужинать.

Среди эскимосовъ, отличающихся вообще пылкимъ воображеніемъ, ходили самые фантастическіе слухи о приключеніяхъ путешественниковъ внутри страны. Разсказывали, что они встрѣтили тамъ племя великановъ, которые ростомъ вдвое больше обыкновенныхъ людей, и другое племя крошечныхъ карликовъ, живущихъ въ пещерахъ скалъ вдоль фіордовъ. Говорили, что они обладаютъ нѣкоторыми сверхъестественными силами, и что ихъ переходъ черезъ внутренній ледъ свершился не безъ помощи колдовства. Какъ только Нансенъ или Свердрупъ появлялись на улицѣ, ихъ тотчасъ же окружала толпа любопытныхъ. Особенное вниманіе обращали на Нансена вслѣдствіе его высокаго роста. Свердрупа туземцы прозвали „Акортокъ", что̀ значитъ: „Тотъ, кто управляетъ судномъ", а Нансена—„Ангисорсуанъ", т.-е. „Большой человѣкъ" и еще „Умитормютъ налагакъ" — „Предводитель длиннобородыхъ людей".

Кайякеры, ѣздившіе съ письмами къ Дитрихсену, вернувшись въ Готхабъ, подробно описывали свою встрѣчу съ чужестранцами.

— Тамъ,—разсказывали они,—два человѣка изъ длиннобородаго племени и два похожіе на насъ, только очень странно одѣтые.

И эскимосы ждали прибытія этихъ незнакомцевъ почти съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ Нансенъ и Свердрупъ.

Наконецъ, 12 октября по селенію разнеслась вѣсть, что изъ Амераликфіорда идетъ большая лодка. Множество кайяковъ тотчасъ же выѣхало встрѣчать ее, и Нансенъ съ Свердрупомъ, выйдя на берегъ, скоро увидѣли медленно приближавшуюся лодку, за которой длиннымъ хвостомъ тянулись кайяки. Вся европейская колонія и цѣлая толпа эскимосовъ вышли навстрѣчу прибывшимъ и привѣтствовали ихъ самымъ радушнымъ образомъ. На лапландцевъ гренландцы смотрѣли съ особеннымъ вниманіемъ; они сначала приняли ихъ за женщинъ; длинныя куртки показались имъ похожими на кофты европейскихъ дамъ; а панталоны изъ оленьей шкуры носятъ обыкновенно эскимосскія женщины. Балто принималъ всѣ оказываемыя ему любезности, какъ нѣчто должное. Онъ очень много болталъ, разсказывалъ всѣмъ и каждому свои приключенія и вскорѣ сталъ въ самыя дружественныя отношенія къ туземцамъ. Равна, по своему обыкновенію, молчалъ. Онъ подошелъ къ Нансену, кивнулъ ему головой и протянулъ руку; маленькіе глазки его блестѣли отъ радости и самодовольствія.

Когда вся партія собралась, ей прежде всего надобно было подумать о квартирѣ. Губернаторъ гостепріимно предложилъ въ своемъ домѣ помѣщеніе для Нансена, Свердрупа и Дитрихсена, остальнымъ тремъ предоставлено было нежилое зданіе, такъ называемый „старый докторскій домъ“, гдѣ они могли свободно устроиться, сами хозяйничать, и сами себѣ готовить кушанье.

Пріѣзжіе долго продолжали возбуждать интересъ гренландцевъ. Въ „домъ доктора“ безпрестанно являлись посѣтители; тамъ шли разговоры съ ранняго утра до поздней ночи, и иногда затѣвалась карточная игра.

Балто разыгрывалъ роль любезнаго хозяина. Онъ говорилъ съ почтительно слушавшими его гренландцами то на ломаномъ норвежскомъ языкѣ, съ примѣсью датскихъ словъ, то на какомъ-то невозможномъ эскимосскомъ. Свои рѣчи онъ сопровождалъ такими выразительными жестами, что его понимали. Онъ то разсказывалъ о путешествіи черезъ внутренній ледъ: толковалъ о томъ, какъ норвежцы умудрились найти дорогу среди страшной снѣжной пустыни, какія лишенія приходилось переносить, когда даже не было кофе, а трубку табаку позволялось выкуривать только по воскресеньямъ; то описывалъ страшныя опасности плаванья среди ледяныхъ глыбъ, когда „норвежцы ѣли сырое мясо, а они, лапландцы, чуть не струсили“. Но особенно нравились гренландцамъ разсказы Балто о жизни лапландцевъ, о томъ, какъ „мы, лапландцы, ѣздимъ на оленяхъ“ и „какіе одежды и сапоги шьемъ мы, лапландцы“.

Христіансенъ, отъ природы молчаливый, охотно стушевывался и предоставлялъ первую роль Балто, но въ карточной игрѣ онъ также принималъ участіе. Равнѣ всѣ эти гости сильно надоѣдали.

— Мнѣ непріятно, что весь этотъ народъ ходитъ къ намъ,—жаловался онъ Нансену.

Когда комната была наполнена табачнымъ ды-

момъ и шумомъ голосовъ болтающихъ и играющихъ въ карты гренландцевъ, Равна или молча сидѣлъ въ углу, или уходилъ къ кому-нибудь изъ эскимосовъ. Его вездѣ принимали очень радушно. Онъ садился на скамью, сидѣлъ нѣсколько часовъ подъ рядъ, не говоря ни слова, и затѣмъ уходилъ. Никто не могъ понять, какое удовольствіе находилъ онъ въ этихъ посѣщеніяхъ, и почему эскимосы принимали ихъ за особенную честь себѣ.

Въ первое воскресенье по пріѣздѣ путешественниковъ въ Готхабѣ устроились танцы въ мѣстномъ клубѣ, т.-е. въ мастерской бочара. Всѣ путешественники, за исключеніемъ Равны, присутствовали при этомъ и пришли въ восторгъ отъ того оживленія, той естественной граціи, съ какими пляшутъ эскимосы. У нихъ нѣтъ своихъ національныхъ танцевъ: они танцуютъ польку, вальсъ и разные національные танцы, завезенные къ нимъ китоловами изъ Англіи и Америки, но они танцуютъ ихъ по-своему, съ самымъ заразительнымъ одушевленіемъ. Нансенъ и его товарищи не могли равнодушно смотрѣть на это веселье и захотѣли сами принять въ немъ участіе. Эскимоски очень обрадовались этому и тотчасъ же увлекли ихъ въ свой веселый хороводъ.

Всѣ они считали за большую честь танцовать съ европейцами, но, несмотря на это, немилосердно осмѣивали всякое ихъ неловкое движеніе или ошибку въ танцахъ.

„Долго спустя, — разсказываетъ Нансенъ, — мы, проходя по селенью, встрѣчали молоденькихъ насмѣш-

ницъ, которыя на потѣху собравшейся публикѣ представляли, какъ мы танцуемъ, представляли настолько вѣрно, что мы безъ труда узнавали самихъ себя. У этихъ гренландцевъ удивительная способность подмѣчать во всемъ смѣшную сторону.

Норвежцы оказались способными учениками и скоро стали танцовать такъ хорошо, что заставили умолкнуть насмѣшницъ. Особенно отличались Нансенъ и Дитрихсенъ. Балто, напротивъ, былъ совершенно неспособенъ къ танцамъ. У лапландцевъ вообще не существуетъ никакой пляски. Равна до конца не соглашался даже ходить на танцовальныя собранія. Балто очень охотно посѣщалъ ихъ, но не могъ научиться ни одному па, ни одной фигурѣ. Онъ скакалъ и брыкался, а гренландцы помирали со смѣху, глядя на него. Это, впрочемъ, нимало не смущало его; онъ очень скоро взялъ на себя роль распорядителя праздника: командовалъ какой начинать танецъ, гдѣ кому становиться, и былъ вполнѣ доволенъ какъ самъ собой, такъ и окружающими.

Вообще путешественники проводили время въ Готхабѣ очень пріятно: и датчане, и эскимосы наперерывъ старались развлекать и угощать ихъ; они съ интересомъ присматривались къ жизни неизвѣстнаго имъ до тѣхъ поръ народа, и вполнѣ отдыхали отъ всѣхъ трудностей, перенесенныхъ въ пути.

Къ послѣднимъ числамъ октября вернулись кайякеры, посланные къ капитану „Фокса", и привезли письмо, въ которомъ капитанъ сообщалъ, что заѣздъ въ Готхабъ въ такое позднее время года слишкомъ

опасенъ, и онъ не можетъ рисковать жизнью пассажировъ, находящихся на его суднѣ. Приходилось помириться съ мыслью зазимовать въ Гренландіи. Нансенъ и Свердрупъ были довольны хоть тѣмъ, что капитанъ „Фокса“ взялся отвезти ихъ письма въ Европу, что родные получатъ отъ нихъ вѣсти и успокоятся. Письма эти были доставлены въ Норвегію въ ноябрѣ, и тотчасъ же во всѣхъ газетахъ стали появляться извѣстія о благополучномъ окончаніи экспедиціи, которую до тѣхъ поръ многіе считали безуміемъ. Нансенъ и его товарищи прославлялись какъ герои: въ иллюстрированныхъ журналахъ появлялись ихъ портреты, о нихъ писали цѣлыя статьи; а они, не подозрѣвая ничего подобнаго, мирно проводили время среди эскимосовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свыкаясь съ этимъ добродушнымъ, веселымъ народомъ. Они скоро научились говорить по-эскимосски и могли перевести „поэму“, которую сочинилъ по случаю ихъ пріѣзда мѣстный поэтъ, и которая была напечатана въ Гренландской газетѣ. Вотъ эта „поэма“:

„Шестеро человѣкъ пустились въ путь изъ Норвегіи; четверо были норвежцы, двое были лапландцы; они ѣхали на норвежскомъ кораблѣ, они высадились на восточномъ берегу и понесли на себѣ всѣ свои пожитки.

„Они пошли черезъ внутренній ледъ и много бѣдъ перенесли на пути; у нихъ былъ небольшой запасъ пищи и всего одна смѣна платья; скоро кончился весь ихъ кофе, а затѣмъ и табакъ; но все же

они перешли черезъ внутренній ледъ и достигли западнаго берега.

„Двое изъ нихъ пріѣхали въ Готхабъ изъ Аме-

Эскимосы изъ Готхаба.
Женщина. Мужчина.

раликфіорда; была у нихъ лодка удивительно страннаго вида. Четверо остались на пути. Мы узнали,

что среди нихъ были лапландцы, и намъ сильно хотѣлось увидѣть ихъ.

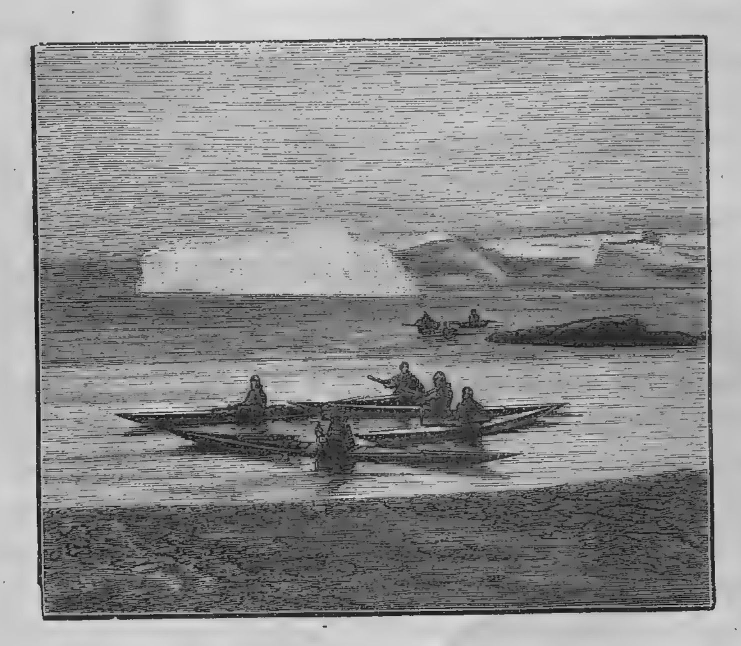
„Наконецъ они пріѣхали: и лапландцы, и двое другихъ. Мы, какъ всегда, вышли на берегъ встрѣчать ихъ. Одинъ изъ лапландцевъ немного прихрамывалъ; онъ былъ маленькаго роста и носилъ высокую остроконечную шляпу“.

„У другого, у высокаго лапландца, шапка была четыреугольная: у него были надѣты панталоны и шуба. Онъ былъ очень добръ и очень разговорчивъ,—вотъ почему всѣ маленькіе гренландцы скоро полюбили его“.

XIV.

Эскимосы Готхаба и окрестныхъ селеній живутъ исключительно рыбной ловлей и охотой на морскихъ птицъ. Заниматься земледѣліемъ они не могутъ, такъ какъ ни одно хлѣбное растеніе не дозрѣваетъ въ ихъ суровомъ климатѣ: самое большее, если имъ удастся вырастить въ огородѣ немного капусты, моркови да гороху. Главнымъ кормильцемъ ихъ является море, и они съ раннихъ лѣтъ пріучаются удивительно ловко ѣздить въ своихъ кайякахъ. Эскимосскіе кайяки возбуждали особенный интересъ европейцевъ. Нансенъ не могъ успокоиться, пока не пріобрѣлъ себѣ такую же лодку. Это очень длинное и очень узкое одновесельное суденышко, съ узкимъ носомъ и узкой кормой, въ которомъ помѣщается обыкновенно всего одинъ человѣкъ. Нуженъ большой навыкъ, чтобы, сидя въ немъ, не потерять равновѣсія,

— Когда я, наконецъ, просунулъ ноги сквозь узкое отверстіе и усѣлся, гдѣ слѣдовало, меня столкнули въ воду,—разсказываетъ Нансенъ,—и я сразу почувствовалъ, что нахожусь въ опасномъ положеніи. Моя лодочка наклонялась то на одну сторону, то на другую, и каждую минуту грозила перекувырнуться. Мнѣ казалось, что я никогда не научусь управлять

ею, и я съ завистью смотрѣлъ на эскимосовъ, которые свободно скользили по водѣ въ такихъ же суденышкахъ и сидѣли въ нихъ совершенно спокойно, точно на полу своего дома.

Нансенъ очень скоро пріобрѣлъ необходимый навыкъ и сдѣлался весьма недурнымъ „кайякеромъ". Его примѣру послѣдовалъ Свердрупъ, и Балто не

захотѣлъ отстать отъ нихъ. Напрасно и Нансенъ, и Свердрупъ представляли ему, что это дѣло не легкое и опасное: онъ увѣрялъ, что отлично умѣетъ управлять лапландскими санками, запряженными оленями, и кайякъ ему нисколько не страшенъ. Подвезли кайякъ Свердрупа; по обыкновенію собралась цѣлая масса зрителей—эскимосовъ. Нансенъ въ своемъ кайякѣ держался около берега, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь. Балто усѣлся въ кайякъ какъ можно удобнѣе и завернулся въ свою большую шубу. Онъ имѣлъ совершенно спокойный видъ и, очевидно, намѣревался показать присутствующимъ, какъ можетъ быть ловокъ лапландецъ, если только захочетъ. Усѣвшись, онъ схватилъ весло обѣими руками и смѣло далъ знать, чтобы его столкнули. Но едва лодка коснулась воды, самоувѣренность его начала пропадать. Впрочемъ, онъ еще крѣпился и даже помогалъ сталкивать лодку. Но когда она очутилась въ водѣ, и лодка начала качаться со стороны въ сторону, храбрость окончательно оставила его; лицо его выражало ужасъ: онъ дѣлалъ какія-то неопредѣленныя движенія весломъ въ воздухѣ, хотѣлъ произнести какое-то проклятіе, но запнулся на первомъ слогѣ; еще секунда—и лодка перевернулась вверхъ дномъ. Балто исчезъ, и только большая четыреугольная шляпа его виднѣлась на поверхности воды. Нансенъ поспѣшилъ подъѣхать; но, къ счастью, тутъ было такъ мелко, что Балто руками могъ упереться въ дно, и такъ близко отъ берега, что зрители безъ труда вытащили на

землю и кайякъ, и злополучнаго кайякера. Присутствовавшіе, въ особенности дѣвушки, встрѣтили Балто громкимъ смѣхомъ. Онъ вылѣзъ изъ лодки и стоялъ на берегу, растопыривъ руки и ноги; а вода ручьями текла съ его широкихъ одеждъ.

— Я, кажется, промокъ! — проговорилъ онъ, растерянно оглядываясь по сторонамъ, и затѣмъ прибавилъ съ полнымъ убѣжденіемъ. — И я долженъ сказать, что эти кайяки, просто дьявольскія штуки!

Послѣ этого Балто долго не рѣшался сѣсть въ кайякъ. Онъ повторилъ свой опытъ болѣе скромно и съ бо̀льшимъ успѣхомъ уже послѣ того, какъ и Дитрихсенъ и Христіансенъ обзавелись кайяками и научились весьма недурно управлять ими. Къ концу зимы всѣ путешественники, кромѣ Равны, могли уже выѣзжать вмѣстѣ съ туземцами на охоту за морскими птицами.

Эскимосы западнаго берега сохранили множество языческихъ понятій, обычаевъ и вѣрованій, но они все-таки христіане, и миссіонеры, живущіе среди нихъ, заботятся о томъ, чтобы они почитали христіанскіе праздники. Приготовленія къ празднованію Рождества начинаются обыкновенно въ Готхабѣ за нѣсколько мѣсяцевъ. Женщины завалены работой: имъ приходится шить новыя платья для себя, для мужей и для дѣтей; вся одежда семьи, не исключая сапогъ, — дѣло ихъ рукъ. Особенно щеголяютъ молодыя дѣвушки; богатыя семьи заранѣе выписываютъ изъ Копенгагена шелковыя матеріи, и дѣвушки готовятъ себѣ изъ нихъ костюмы, стараясь перещеголять

другъ друга пестротой отдѣлки. Мужчины-эскимосы заботятся о томъ, чтобы наготовить къ празднику побольше всякой провизіи для угощенія гостей. Богатые не жалѣютъ для этого своихъ сбереженій, бѣдные продаютъ разныя необходимыя въ хозяйствѣ вещи, чтобы только не отстать отъ другихъ. Главное, всякій старается припасти побольше кофе — любимаго напитка гренландцевъ.

Губернаторъ колоніи устраивалъ у себя въ домѣ елку. За неимѣніемъ подходящаго дерева навязали вѣтви гренландскаго можжевельника на большой деревянный колъ, игравшій роль ствола. Жена его, съ помощью Свердрупа и Дитрихсена, клеила корзиночки и пакеты изъ цвѣтной бумаги. Въ сочельникъ елку убрали. Въ два часа производился въ церкви экзаменъ дѣтей по Закону Божію, и эскимосы съ большимъ интересомъ присутствовали при этомъ. По окончаніи экзамена губернаторъ сдѣлалъ каждому изъ учениковъ по маленькому подарку. Они отнесли подарки домой и затѣмъ вернулись въ квартиру губернатора на елку. Тамъ собралась цѣлая толпа ребятишекъ всѣхъ возрастовъ; малютокъ, которыя еще не могли ходить сами, приводили или приносили матери. Дѣтей угощали и одѣляли разными бездѣлушками и гостинцами; они отъ души веселились, а еще больше радовались ихъ матери.

Вечеромъ въ церкви было торжественное богослуженіе, за которымъ хоръ туземцевъ пѣлъ нѣмецкіе гимны, переведенные на эскимосскій языкъ.

Ночь на Рождество жители Готхаба проводили

почти безъ сна. Молодые люди ходили по улицамъ, останавливались у каждаго дома и славили Христа. Хозяева зазывали ихъ къ себѣ и угощали. Вездѣ были приготовлены разныя закуски, вино, кофе. Балто ухитрился въ эту ночь выпить 25 большихъ чашекъ кофе и кромѣ того изрядно закусилъ.

Въ первый день праздника всѣ эскимосы и эскимоски Готхаба считаютъ своимъ долгомъ сдѣлать визиты европейцамъ, живущимъ въ колоніи. Они пожимаютъ каждому руку и желаютъ веселаго праздника. Приличіе требуетъ отвѣтить на это пожеланіе однимъ словомъ: „итлидло", т.-е. „и вамъ того же". Затѣмъ туземные аристократы: церковнослужитель, типографъ, служащіе въ управленіи и тюленепромышленники были приглашены вмѣстѣ съ женами къ губернатору, который угощалъ ихъ шоколадомъ, кофе и печеньемъ. Они пришли въ своихъ самыхъ нарядныхъ костюмахъ, поздоровались съ хозяиномъ и хозяйкой и затѣмъ скромно усѣлись около стѣнъ. Только выпивъ чашки по двѣ шоколаду или кофе, они стали немного развязнѣе и начали разговаривать другъ съ другомъ и съ европейцами. Посидѣвъ часа два, они всѣ сразу поднялись съ мѣста, распрощались съ хозяевами и отправились въ другой домъ, гдѣ ихъ опять ждало угощеніе.

На третій день праздника губернаторъ устроилъ въ свободныхъ комнатахъ больницы большой обѣдъ для служащихъ въ управленіи и для тюленепромышленниковъ. Гости пришли со своими тарелками, ложками и кружками. Имъ подавали гороховый супъ,

копченое мясо, соленую оленину и компотъ изъ яблоковъ, кромѣ того, вино, пуншъ, кофе и сигары. Чего обѣдающій не могъ доѣсть изъ своей порціи, то онъ пряталъ и несъ послѣ обѣда женѣ и дѣтямъ, а иногда жены являлись сами, чтобы тутъ же получить свою долю.

Танцовальные вечера назначались нѣсколько разъ во время праздниковъ; но очень многіе кавалеры, наугощавшись въ теченіе дня въ разныхъ домахъ, къ вечеру не совсѣмъ твердо стояли на ногахъ и не могли принимать участіе въ танцахъ.

Послѣ Рождества Нансенъ сталъ ѣздить въ селенія, сосѣднія съ Готхабомъ. Онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ Сардлокѣ, въ хижинѣ эскимоса, почти совершенно занесенной снѣгомъ; спалъ въ одной комнатѣ съ хозяевами, ѣлъ то же, что̀ они, привыкъ находить вкусъ въ такихъ лакомствахъ, какъ китовый жиръ, сырая мороженая рыба, мороженыя ягоды водяники съ прогорклымъ китовымъ жиромъ и т. под. Онъ вмѣстѣ съ эскимосами ѣздилъ на охоту за морскими птицами и на рыбную ловлю. Особенно увлекала его ловля громадной рыбы изъ породы палтусовъ, такъ какъ эта ловля была сопряжена съ большою опасностью. Рыбу ловятъ съ кайяка на уду, лесой которой служитъ канатъ въ нѣсколько сотъ футовъ длины. При малѣйшей неосторожности ловца сильная рыба можетъ перевернуть лодку и увлечь за собой кайякера на дно моря. При томъ, прежде чѣмъ рыба хватитъ приманку, приходится иногда ждать нѣсколько часовъ,

сидя неподвижно въ лодкѣ при 30—40 градусномъ морозѣ.

— Я и не замѣтилъ, какъ одинъ разъ отморозилъ себѣ при этомъ обѣ щеки,—спокойно замѣчаетъ Нансенъ.

Въ другомъ селеніи, въ Кангекѣ, его восхищало удивительное искусство кайякеровъ, которымъ не страшно было самое бурное море, и которые смѣло бросались на своихъ суденышкахъ въ средину разъяренныхъ волнъ. Вездѣ эскимосы встрѣчали его съ самою искреннею привѣтливостью, и онъ чувствовалъ себя превосходно въ ихъ обществѣ.

— Ихъ незлобивый, безпечный характеръ,—говоритъ онъ,—ихъ скромное довольство жизнью, какъ она есть, ихъ доброта дѣлаютъ ихъ въ высшей степени привлекательными; при нихъ невольно стихаютъ всякіе мятежные порывы, всякое недовольство судьбою.

Несмотря на то, что путешественники чувствовали себя очень хорошо въ Готхабѣ, съ наступленіемъ весны они стали нетерпѣливо ждать появленія судна, которое должно было отвезти ихъ на родину.

15 апрѣля земля около Готхаба была еще покрыта снѣгомъ, дулъ холодный вѣтеръ, и они рѣшили, что въ такую погоду корабль не придетъ, какъ вдругъ весь поселокъ огласился криками:

— Уміарсуитъ! Уміарсуитъ! (Корабль, корабль!).

Дѣйствительно, въ водахъ залива виднѣлось судно, быстро приближавшееся къ берегу. Путешественники

вскочили въ свои кайяки и отправились навстрѣчу ему. Это былъ датскій корабль „Hvidbjörnen“ (Бѣлый Медвѣдь) подъ командой лейтенанта Гарде. Когда путешественники подъѣхали къ нему, онъ салютовалъ имъ выстрѣломъ изъ пушки и поднялъ норвежскій флагъ.

Сборы въ обратный путь были непродолжительны; тѣмъ болѣе, что „Бѣлый Медвѣдь“ долженъ былъ заѣхать еще въ нѣсколько портовъ Гренландіи и не могъ долго стоять въ Готхабѣ.

Не безъ грусти разстались путешественники съ мѣстечкомъ, въ которомъ они пріятно провели всю зиму. Ихъ эскимосскіе друзья выказывали неподдѣльное сожалѣніе, прощаясь съ ними. Одинъ изъ этихъ друзей, въ домѣ котораго Нансенъ часто бывалъ, съ грустью сказалъ ему:

— Вотъ ты опять уѣзжаешь въ тотъ великій міръ, откуда пріѣхалъ къ намъ; ты встрѣтишь тамъ много людей и много новаго и, можетъ быть, скоро забудешь насъ. А мы никогда не забудемъ тебя!

21 мая „Бѣлый Медвѣдь“, послѣ вполнѣ благополучнаго плаванія, бросилъ якорь на рейдѣ Копенгагена. Прошелъ слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Нансенъ на пути въ Гренландію завернулъ въ Копенгагенъ для послѣднихъ приготовленій къ эспедиціи. Тогда на него смотрѣли, какъ на смѣльчака, задумавшаго рискованное, почти безнадежное предпріятіе; теперь его привѣтствовали какъ отважнаго путешественника, пользующагося всемірною

извѣстностью, героя, достигшаго разъ намѣченной цѣли.

Въ честь его произносили рѣчи, давали обѣды и ужины; всѣ считали за честь увидѣть его, пожать ему руку, поговорить съ нимъ. Его задержали въ Копенгагенѣ на цѣлую недѣлю, и только 30 мая добрался онъ, наконецъ, до родины.

Въѣздъ экспедиціи въ фіордъ Христіаніи былъ настоящимъ тріумфальнымъ въѣздомъ. Погода стояла чудная, деревья только-что одѣлись молодой листвой, отовсюду сыпались цвѣты, раздавалась музыка, вездѣ развѣвались флаги. Впереди плыло нѣсколько военныхъ судовъ, какъ почетный конвой, затѣмъ пароходъ „Мельхіоръ" съ членами экспедиціи, а вокругъ и сзади него цѣлая флотилія миноносокъ, парусныхъ судовъ, лодокъ и лодочекъ.

Нансенъ стоялъ вмѣстѣ съ прочими членами экспедиціи у борта парохода, въ той самой сѣрой одеждѣ, въ которой совершилъ свое знаменитое путешествіе. Онъ былъ сильно взволнованъ; всѣ его товарищи тоже; даже Равна не могъ остаться равнодушнымъ. Когда они подъѣзжали къ пристани, и глазамъ ихъ открылась набережная и старый крѣпостной валъ, сплошь усѣянный зрителями, Дитрихсенъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А что, Равна, вѣдь пріятно видѣть такую толпу людей?

— Да, пріятно, очень пріятно!—отвѣчалъ лапландецъ:—но было бы еще пріятнѣе, если бы это были олени!

XV.

Публика привѣтствовала Нансена, какъ отважнаго путешественника, какъ человѣка, не отступившаго ни передъ какими трудностями для достиженія разъ намѣченной цѣли; люди науки видѣли въ немъ добросовѣстнаго ученаго, изслѣдованія котораго бросали новый свѣтъ на страну, скрывавшуюся отъ глазъ любопытныхъ за недоступной ледяной оградой. До Нансена сдѣлано было нѣсколько попытокъ проникнуть внутрь Гренландіи.

Благодаря изслѣдованіямъ отважныхъ мореплавателей послѣдняго двадцатилѣтія, извѣстно было, что это громадный островъ, самый большой изъ острововъ на земномъ шарѣ, вдвое больше Швеціи и Норвегіи, взятыхъ вмѣстѣ. Длина его отъ мыса Фарвэль на югѣ до сѣверной оконечности захватываетъ 23° сѣверной широты, т.-е. имѣетъ около 2.500 верстъ, ширина его значительно меньше, около 1.300 верстъ въ самомъ широкомъ пунктѣ. Дикая, скалистая береговая полоса окаймляетъ островъ со всѣхъ сторонъ, то съуживаясь, то расширяясь, но нигдѣ не достигая 200 верстъ въ ширину. Что̀ лежитъ за этой полосой—долго оставалось тайной. Воображеніе туземцевъ-эскимосовъ населяло внутренность страны разными фантастическими чудовищами, и они не осмѣливались проникать въ нее.

Первый европеецъ, которому удалось взойти на внутреннее ледяное пространство Гренландіи, былъ

датскій купецъ, Ларсъ Делагеръ, жившій въ колоніи Фредериксхабъ, на южномъ берегу. Въ сентябрѣ 1752 г. онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ эскимосовъ, поднялся на высокую окраину плато и влѣзъ на высокую, торчавшую изъ льда скалу, чтобы оттуда взглянуть на внутреннее пространство Гренландіи. Глазамъ его представилось ровное снѣжно-ледяное поле, и онъ не рѣшился вступить на него, во-1-хъ, за неимѣніемъ достаточнаго провіанта, главнымъ же образомъ вслѣдствіе нестерпимаго холода.

Послѣ этого прошло сто лѣтъ, прежде чѣмъ повторена была попытка добраться до внутреннихъ областей острова. Въ 1860 г. американскій путешественникъ Гейсъ съ пятью товарищами взобрался на плато и прошелъ по нему нѣсколько десятковъ верстъ, но принужденъ былъ вернуться вслѣдствіе сильной снѣжной бури. Въ 1878 г. Іенсенъ съ тремя спутниками совершилъ двѣ экскурсіи внутрь страны.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ знаменитый изслѣдователь сѣвера Норденшельдъ. Онъ два раза пытался проникнуть внутрь Гренландіи: первый разъ, въ 1870 г., ему удалось пройти только на 50 верстъ отъ границы плато; но во второй разъ, въ 1873 г., онъ прошелъ около 120 верстъ, а сопровождавшіе его лапландцы пробѣжали на лыжахъ еще верстъ сто. Со всѣхъ сторонъ передъ ними открывалось ледяное поле, покрытое тонкимъ, рыхлымъ снѣгомъ, и Норденшельдъ не рѣшился углубиться дальше въ это невѣдомое пространство, тѣмъ болѣе, что по-

стоянно приходилось подниматься въ гору, и люди были крайне утомлены. Почти такое же пространство прошелъ въ 1886 г. и американскій путешественникъ Пири. Честь первому пройти Гренландію, насквозь отъ восточнаго берега къ западному, принадлежитъ Нансену. Благодаря этому путешествію, было окончательно уничтожено предположеніе, раздѣлявшееся до тѣхъ поръ весьма многими, что внутри Гренландіи, среди снѣжныхъ пустынь, существуетъ нѣсколько оазисовъ, покрытыхъ зеленью. Наблюденіями Нансена установлено, что надъ всѣмъ островомъ, за исключеніемъ узкой береговой полосы, лежитъ толстый ледяной покровъ, представляющій какъ бы выпуклый щитъ, понижающійся по мѣрѣ приближенія къ берегамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ щитъ этотъ спускается къ береговой полосѣ громадными ледниками, которые иногда доходятъ до самаго моря и хотя медленно, но постоянно сползаютъ внизъ. Поверхность материковаго льда всюду снѣжная, а не ледяная; этотъ слой снѣга Нансенъ и его товарищи всюду могли пробить своими шестами; шесты уходили въ него до конца, т.-е. на 5 аршинъ, и не доставали до ледяной коры. Лѣтомъ, среди дня, верхніе слои снѣга слегка подтаиваютъ, но затѣмъ снова замерзаютъ ночью. Уменьшается ли ледяная кора вслѣдствіе сползанія ледниковъ въ море или, напротивъ, утолщается, вслѣдствіе падающаго на нее снѣга и дождя, Нансенъ не могъ съ достовѣрностью сказать, но онъ сообщилъ множество фактовъ, касающихся самаго построенія мате-

риковаго льда, его движенія, толщины, таянія, особенностей краевой полосы, образованія ледяныхъ горъ, полярныхъ теченій и плавучихъ льдовъ вдоль береговъ Гренландіи, относительно климата и температуры этой страны.

Ученые всей Европы обратили вниманіе на его изслѣдованія и спѣшили выразить ему свое уваженіе. Немедленно по возвращеніи онъ получилъ почетное званіе куратора (попечителя) университета Христіаніи; Шведское Общество Антропологіи и Географіи наградило его медалью „Вега", которую до него получили только пять человѣкъ, все знаменитые путешественники; Лондонское Королевское Географическое Общество прислало ему медаль „Викторіи", которая тоже дается только за особенно выдающіяся ученыя заслуги; Христіанійское Общество Наукъ и Парижскій университетъ избрали его своимъ членомъ; шведское и датское правительства прислали ему ордена.

Ни эти знаки отличія, ни всеобщее вниманіе, обращенное на него, нисколько не измѣнили Нансена. Онъ остался такимъ же простымъ, неприхотливымъ, неутомимо дѣятельнымъ человѣкомъ, какимъ былъ раньше. Работы у него сразу явилось множество. Онъ читалъ лекціи и сообщенія о Гренландской экспедиціи въ разныхъ городахъ Норвегіи, Швеціи, Даніи и Англіи; онъ приводилъ въ порядокъ и приготовлялъ къ печати свои замѣтки объ этой экспедиціи, писалъ о ней цѣлыя книги; кромѣ того, продолжалъ свои занятія въ Бергенскомъ музеѣ.

Среди этихъ научныхъ работъ онъ находилъ время посѣщать общество, возобновлять старыя знакомства, заводить новыя, и въ одну осеннюю ночь 1889 г. удивилъ свою старшую замужнюю сестру, явившись къ ней въ два часа и объявивъ, что онъ женится.

Невѣста Нансена, Ева Сарсъ, была младшей дочерью извѣстнаго норвежскаго естествоиспытателя, профессора Сарса; очень умная, веселая, хорошо образованная дѣвушка, она отличалась музыкальнымъ талантомъ. Мужъ ея старшей сестры, извѣстный пѣвецъ и учитель музыки, Ламмерсъ, положилъ начало ея музыкальному образованію, которое она затѣмъ продолжала въ Берлинѣ. Она обладала такимъ сильнымъ и пріятнымъ голосомъ, что могла бы съ успѣхомъ пѣть въ оперѣ; но сцена не манила ее. Возвратившись на родину, она стала давать уроки пѣнія и рѣшилась выступать передъ публикой только въ благотворительныхъ концертахъ. Ева Сарсъ была не только пѣвицей, но и искуснымъ лыжебѣжцемъ. Вѣроятно, это послѣднее качество особенно и плѣнило Нансена. Послѣ свадьбы она сопровождала мужа и въ его зимнихъ экскурсіяхъ по горамъ Норвегіи, и въ его лѣтнихъ катаньяхъ на лодкѣ; по своей смѣлости и неутомимости она была вполнѣ подходящимъ ему товарищемъ.

„Она никогда не устаетъ! — съ восторгомъ разсказывалъ о ней Нансенъ друзьямъ. — Только разъ въ жизни видѣлъ я ее утомленной, и она всегда сердится, когда я вспоминаю объ этомъ. Это было въ 1891 г., въ первый день новаго года. Мы съ

ней рѣшили, ради праздника, подняться на лыжахъ на Нора Фьельдъ (гора въ 5.000 ф. высоты). Въ три часа солнце сѣло, а мы еще не достигли вершины. Но жена ни за что не хотѣла вернуться на-

Нансенъ и его жена.

задъ. Уже стемнѣло, а мы все продолжали подниматься. Подъемъ былъ такой крутой, а снѣгъ такой твердый, что лыжи не могли держаться на немъ; мнѣ пришлось снять лыжи и концами ихъ пробивать во льду ступеньки. Два часа проработалъ я такимъ образомъ, пока мы, наконецъ, достигли вер-

шины. Стало совсѣмъ темно, дулъ рѣзкій вѣтеръ, когда въ 10 часовъ мы добрались до хижины на противоположномъ склонѣ горы. Тутъ какая-то старушка угостила насъ молокомъ и пригласила отдохнуть; но жена объявила, что нисколько не устала и можетъ пройти еще часъ до того домика, гдѣ мы предполагали ночевать.

„Мы отправились дальше; было такъ страшно темно, что концы нашихъ лыжъ нѣсколько разъ задѣвали за стволы деревьевъ, и мы падали; намъ приходилось безпрестанно перекликаться, чтобы не отстать другъ отъ друга. Наконецъ, уже за полночь, мы добрались до маленькаго домика и, войдя въ ворота, я пошелъ разыскивать хозяевъ и хлопотать о ночлегѣ. Возвращаюсь, вхожу въ комнату— и что же? Жена очутилась тамъ раньше меня: она сидитъ на стулѣ и спитъ. Да какъ спитъ! Самымъ крѣпкимъ сномъ! Мы пробовали будить ее,—нѣтъ, не просыпается! Такъ мы и оставили ее".

Такая женщина была самой настоящей подругой для предпріимчиваго, неустрашимаго Нансена! Оба они не любили городской жизни, и вскорѣ послѣ свадьбы Нансенъ придумалъ выстроить себѣ свой собственный домикъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Христіаніи. Этотъ домикъ, названный по имени Гренландскаго поселка, такъ гостепріимно пріютившаго путешественниковъ, Готхабъ, лежитъ на небольшомъ мысѣ, вдающемся въ Христіансфіордъ. Передъ нимъ лужайка съ большими деревьями, сзади него лѣсъ, кругомъ никакого жилья, а изъ оконъ

открывается широкій видъ на море. Нансенъ самъ слѣдилъ за постройкою этого домика, самъ дѣлалъ рисунки разныхъ украшеній его въ древне-норвежскомъ стилѣ. Онъ съ такой любовью устраивалъ его, точно намѣревался прожить въ немъ безвыѣздно всю жизнь счастливымъ семьяниномъ. На самомъ дѣлѣ это было не такъ.

При первомъ знакомствѣ съ арктическими льдами на „Викингѣ“ у него уже зародилась мечта о путешествіи къ сѣверному полюсу. Во время Гренландской экспедиціи мечта эта принимала все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Шагая со Свердрупомъ по материковому льду, онъ подробно развивалъ ему свой планъ и увлекъ его до того, что Свердрупъ тогда же обѣщалъ непремѣнно ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Сватаясь за Еву Сарсъ, онъ поставилъ условіемъ, что ни одинъ изъ нихъ ни въ чемъ не долженъ стѣснять другого. Сдѣлавшись его женой, она будетъ продолжать давать уроки, пѣть въ концертахъ, заниматься своимъ любимымъ искусствомъ.

— А я,—сказалъ Нансенъ,—я поѣду къ сѣверному полюсу!

— Какъ это вы не отговорили мужа отъ такого опаснаго предпріятія?—спрашивали у нея впослѣдствіи.

— Развѣ это возможно было?—отвѣчала она.—Вѣдь это была его давнишняя мечта! Я знала, что онъ не будетъ счастливъ, пока не достигнетъ своей цѣли!

СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА.

СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА.

I.

Сѣверный Ледовитый океанъ съ давнихъ поръ привлекалъ смѣлыхъ мореплавателей. Начиная съ X вѣка, норвежскіе удальцы неутомимо боролись съ полярными льдами; они открыли Исландію, пробились сквозь льдины къ берегамъ Гренландіи и населили ее. Китоловы и тюленепромышленники, ради собственныхъ практическихъ цѣлей, изслѣдовали сѣверныя моря и проложили пути ученымъ путешественникамъ, которые отправлялись въ страны вѣчныхъ льдовъ исключительно изъ любознательности, изъ стремленія расширить область человѣческихъ знаній. Негостепріимно встрѣчалъ Сѣверъ непрошенныхъ гостей: необозримыя ледяныя поля заграждали ихъ путь; громадныя льдины съ шумомъ и трескомъ надвигались на ихъ суда; мертвящій холодъ уничтожалъ всякую жизнь вокругъ нихъ; полярная ночь окутывала ихъ тьмою; корабли затирало льдами; люди гибли отъ холода, голода и болѣзней. Но это

не останавливало смѣльчаковъ, и на смѣну павшихъ жертвъ постоянно являлись новые борцы.

Изслѣдованія Ледовитаго океана велись съ двухъ сторонъ: съ запада, у сѣверныхъ береговъ Америки, и съ востока, у береговъ Сибири. На западѣ Байлотъ и Баффинъ открыли Баффиновъ заливъ въ концѣ XVI-го вѣка; а нѣсколько лѣтъ спустя Гудзонъ открылъ проливъ, названный его именемъ; но только во второй половинѣ нашего столѣтія изслѣдованъ былъ архипелагъ, окружающій съ сѣвера материкъ Америки, и найденъ такъ назыв. „Сѣверо-западный проходъ", т.-е. рядъ проливовъ, соединяющихъ Атлантическій океанъ съ Ледовитымъ. Съ другой стороны, въ XVI вѣкѣ открыта была Новая Земля. Въ концѣ XVII-го вѣка Берингъ первый проѣхалъ по проливу, названному его именемъ и соединяющему Сѣверный океанъ съ Восточнымъ; а Челюскинъ достигъ самаго сѣвернаго пункта азіатскаго материка, мыса Челюскина. Въ 1873-мъ году экспедиція, снаряженная австрійскимъ правительствомъ на военномъ кораблѣ *Тегетгофъ*, открыла Землю Франца-Іосифа; а 5 лѣтъ спустя знаменитый шведскій мореплаватель Норденшельдъ обошелъ вдоль всего сѣвернаго берега Сибири и черезъ Беринговъ проливъ спустился въ Тихій океанъ, установивъ такимъ образомъ сообщеніе черезъ Сѣверо-восточный проходъ.

Сѣверный полюсъ съ неудержимой силой манилъ къ себѣ отважныхъ изслѣдователей. Съ начала нынѣшняго столѣтія изъ разныхъ пунктовъ предпри-

нимались экспедиціи для открытія его. Правительства не щадили средствъ на эти экспедиціи, частныя лица жертвовали на нихъ громадныя суммы; десятки и сотни людей гибли мучительною смертью вдали отъ родины, среди вѣчныхъ льдовъ и мрака арктической ночи; а цѣль все еще оставалась далеко впереди. Въ 1875 г. капитанъ Нэрсъ добрался на своемъ суднѣ *Алертъ* до 82°24′, гдѣ и остановился на зимовку; а весной одинъ изъ спутниковъ Нэрса, Маркэмъ добрался по льду до 83°20′ сѣверной широты. Наконецъ лейтенантъ Локвудъ, участникъ несчастной экспедиціи Грили, большинство членовъ которой погибло во время зимовки на сѣверѣ Гренландіи, въ 1884 г. водрузилъ звѣздное знамя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ на широтѣ 83°24′.

Это былъ самый сѣверный пунктъ, до котораго касалась нога человѣка, когда въ началѣ 1890 г. Фритіофъ Нансенъ прочелъ въ Норвежскомъ Географическомъ Обществѣ свой планъ новой полярной экспедиціи. Планъ этотъ поразилъ всѣхъ своею смѣлостью и оригинальностью. Сдѣлавъ обзоръ предшествовавшихъ полярныхъ экспедицій, Нансенъ указалъ въ нихъ одинъ общій недостатокъ: всѣ онѣ стремились пробиться черезъ льды, что̀ совершенно невозможно даже при современныхъ усовершенствованныхъ машинахъ; всѣ онѣ боролись съ силами природы, вмѣсто того, чтобы пользоваться ими. Та сила природы, которую онъ намѣревался употребить въ свою пользу, было морское теченіе. По его

убѣжденію, существовало постоянное и довольно сильное теченіе, которое отъ Берингова пролива и Восточно-Сибирскихъ острововъ направлялось къ полюсу, а оттуда сворачивало къ югу или юго-западу, проходило между Шпицбергеномъ и Гренландіей, огибало южную оконечность ея и сворачивало въ Дэвисовъ проливъ.

Вотъ какіе факты привели его къ этому убѣжденію. Въ 1881 г. пароходъ *Жаннета*, отправившійся къ сѣверному полюсу, былъ затертъ льдами около Земли Врангеля; два года подвигался онъ со льдами на с.-з. и погибъ къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Три года спустя нѣсколько вещей съ этого парохода принесло на плавучихъ льдинахъ къ южному берегу Гренландіи. Въ Гренландіи же найденъ на берегу метательный снарядъ, употребляемый эскимосами Аляски у береговъ Берингова пролива. Кромѣ того, безлѣсная Гренландія продовольствуется исключительно тѣмъ лѣсомъ, который море прибиваетъ къ берегамъ ея; а весь этотъ лѣсъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ сибирскимъ породамъ. Во время своихъ плаваній по Датскому проливу между Исландіей и Гренландіей Нансенъ нѣсколько разъ замѣчалъ на плавучихъ льдинахъ густой слой ила. Онъ собиралъ этотъ илъ и, по тщательномъ изслѣдованіи, оказалось, что онъ происходитъ изъ сибирскихъ рѣкъ. Пользуясь этимъ-то теченіемъ, Нансенъ и надѣялся достигнуть полюса или, по крайней мѣрѣ, близкихъ къ нему областей.

Онъ предполагалъ выстроить небольшихъ раз-

мѣровъ, но очень крѣпкое судно, которое могло бы противостоять напору льда, было бы снабжено сильною машиною и могло бы ходить въ то же время и подъ парусами. На такомъ суднѣ Нансенъ думалъ начать путешествіе отъ Берингова пролива или отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, стараясь подняться, насколько возможно дальше, на сѣверъ. Судно, по всей вѣроятности, попадетъ въ то теченіе, которое несло *Жаннету*, и застрянетъ во льдахъ. Тогда надобно укрѣпить его среди наиболѣе подходящихъ для этой цѣли льдинъ и предоставить имъ увлекать его дальше. Теченіе понесетъ его сначала на сѣвѣръ, къ полюсу, затѣмъ на югъ, къ Гренландіи или Шпицбергену. Тамъ судно встрѣтитъ открытое море и будетъ имѣть возможность вернуться домой. Если судно погибнетъ подъ напоромъ льдинъ, люди перенесутъ багажъ и провіантъ на крѣпкую льдину, раскинутъ на ней теплую палатку и предоставятъ льдинѣ нести себя. Когда она вынесетъ ихъ въ открытое море, они пересядутъ въ лодки и уже въ нихъ будутъ продолжать путь. Вся экспедиція должна занять два года; но на всякій случай слѣдуетъ запастись провіантомъ на 5 лѣтъ. Нансенъ допускалъ, что теченіе, уносившее *Жаннету*, идетъ, можетъ быть, не прямо черезъ полюсъ, а наискось, между полюсомъ и Землей Франца-Іосифа; но это нимало ве смущало его.

— Мы вовсе не имѣемъ въ виду,—говорилъ онъ, — отыскать непремѣнно ту математическую точку, которая образуетъ сѣверную оконечность зем-

ной оси, такъ какъ достиженіе этой точки само по себѣ не представляетъ большой важности; цѣль наша заключается преимущественно въ изслѣдованіи великой, неизвѣстной части земного шара, окружающей полюсъ. Такія изслѣдованія будутъ имѣть огромное научное значеніе, все равно, пройдетъ ли нашъ путь черезъ математическій полюсъ земного шара или на нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

Послѣ этого Нансенъ прочелъ свой планъ экспедиціи, еще болѣе подробно выработанный и снабженный еще бо̀льшимъ количествомъ научныхъ данныхъ, въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ. Оригинальность его проекта и та слава, которою онъ уже пользовался за свой отважный переходъ черезъ Гренландію, собрала на засѣданія Общества многихъ знаменитыхъ путешественниковъ и изслѣдователей арктическихъ морей. Нансенъ, по обыкновенію, говорилъ просто, ясно, увлекательно; его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, но когда онъ кончилъ, противъ него поднялась цѣлая буря возраженій. Опытные моряки, посѣдѣвшіе въ борьбѣ со льдинами и волнами, находили, что молодой мореплаватель слишкомъ легко глядитъ на предстоящія ему препятствія и опасности.

— Выслушанный нами докладъ по справедливости можно назвать самымъ фантастическимъ, самымъ сказочнымъ изъ всѣхъ когда-либо представлявшихся на обсужденіе нашего Общества,—говорилъ старый адмиралъ М. Клинтокъ. Этотъ адмиралъ находилъ, что если даже существуетъ то по-

лярное теченіе, о которомъ говоритъ Нансенъ, и если судно попадетъ въ него, оно непремѣнно будетъ раздавлено льдами. Другой адмиралъ вовсе отрицалъ существованіе полярнаго теченія; третій находилъ, что было бы крайне опасно пускаться въ путь отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Дѣлали возраженія противъ формы судна, проектируемаго Нансеномъ: говорили, что невозможно построить судно, способное выдержать напоръ льдовъ, что экипажъ не можетъ жить въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ среди ледяной пустыни и не погибнуть отъ холода, болѣзней, всевозможныхъ лишеній. Особенно же возражали противъ того, что Нансенъ хочетъ предоставить себя на произволъ теченія и нисколько не заботится обезопасить себѣ отступленіе на случай, если его расчеты окажутся ошибочными.

Нансенъ горячо возражалъ на всѣ эти замѣчанія и предостереженія. Онъ былъ вполнѣ готовъ принимать всякія практическія указанія, но ни на іоту не отступилъ отъ своего плана.

— Адмиралъ Нэрсъ находитъ,—въ заключеніе сказалъ онъ,—что каждая арктическая экспедиція должна обезпечить себѣ надежный путь отступленія; а я держусь какъ разъ противоположнаго мнѣнія. Гренландская экспедиція доказала, что возможно добиться успѣха и не заботясь объ отступленіи. Мы тогда сожгли за собой всѣ корабли и все-таки прошли черезъ Гренландію. Надѣюсь, что счастье не покинетъ насъ и на этотъ разъ, когда мы сломаемъ за собою всѣ мосты.

Нансенъ прочелъ нѣсколько рефератовъ о задуманномъ имъ путешествіи въ Ледовитый океанъ въ различныхъ городахъ Европы и всюду находилъ внимательныхъ слушателей; на ряду съ суровыми критиками, считавшими планъ его неудобоисполнимымъ, являлись восторженные поклонники, заражавшіеся его вѣрою въ успѣхъ предпріятія.

Норвежскій парламентъ (*стортингъ*), по предложенію короля, рѣшилъ выдать ему на его экспедицію 200.000 кронъ (крона около 50 коп.); частныя лица открыли подписку и собрали остальную необходимую сумму, всего 447.340 кронъ. Изъ разныхъ государствъ Европы, изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, даже изъ Австраліи приходили къ Нансену письма отъ лицъ, желавшихъ принять участіе въ экспедиціи.

Но онъ рѣшилъ взять съ собой всего 12 человѣкъ и, понятно, отдалъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ. Все это были люди, извѣстные ему своимъ мужествомъ и выносливостью, большая часть — опытные, привычные моряки. Первымъ изъ нихъ являлся Отто Свердрупъ, много лѣтъ плававшій въ качествѣ капитана, товарищъ Нансена по Гренландской экспедиціи, давнишній повѣренный его задушевной мечты. Никому не довѣрилъ бы Нансенъ такъ охотно командованіе своимъ судномъ, какъ именно ему. Слѣдующими членами экспедиціи были: 1) Сигурдъ Скоттъ-Гансенъ, первый лейтенантъ норвежскаго флота, 2) Генрихъ Греве Блессингъ, врачъ и ботаникъ, 3) Теодоръ Клаудіусъ Якобсенъ, штурманъ, съ 15 лѣтъ плававшій по морю, 4) Антонъ

Амундсенъ, машинистъ, 25 лѣтъ служившій во флотѣ, 5) Адольфъ Юэль, 15 лѣтъ бывшій шкиперомъ на разныхъ судахъ, 6) Ларсъ Петерсенъ, ученый кузнецъ и машинистъ, нѣсколько лѣтъ служившій въ норвежскомъ флотѣ, 7) Фридрихъ Хіальмаръ Іогансенъ, лейтенантъ резерва, согласился исполнять должность кочегара, чтобы только принять участіе въ экспедиціи, 8) Педеръ Леонардъ Гендриксенъ, 14 лѣтъ ходившій на судахъ въ Ледовитомъ океанѣ какъ гарпунщикъ и шкиперъ, 9) Бернгардъ Нордаль, съ раннихъ лѣтъ служилъ на разныхъ корабляхъ, кромѣ того работалъ по проведенію электрическаго освѣщенія, 10) Иваръ Отто Иргенсъ Могштадъ, былъ раньше лѣсничимъ, затѣмъ надзирателемъ въ пріютѣ душевно-больныхъ, искусный охотникъ, хорошій механикъ, 11) Берntъ Бентсенъ, много лѣтъ плавалъ штурманомъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Для осуществленія плана Нансена прежде всего нужно было построить судно, которое способно было бы противостоять свирѣпому натиску ледяныхъ глыбъ. Ему посчастливилось найти опытнаго судостроителя, Калина Арчера, который отлично понялъ, что̀ нужно Нансену, и съ полнымъ знаніемъ дѣла отнесся къ своей задачѣ. Нансенъ помогалъ ему своими указаніями и рисунками, и они вмѣстѣ построили корабль, не отличавшійся красотой и быстроходностью, но въ высшей степени прочный, устойчивый, приспособленный не къ тому, чтобы прорываться сквозь льдины, а къ тому, чтобы выдержать напоръ льда. Бока судна были сильно покаты и

такъ округлены, что льдины не могли надавливать на нихъ, а должны были подходить подъ киль и приподнимать судно. Длина его по верхней палубѣ была около 20 саж., ширина около 6 саж., высота около $2^1/_2$. Большая часть корпуса его была сдѣлана изъ крѣпкаго итальянскаго дуба и американской сосны. Обшивка была тоже дубовая, тройная, такъ что стѣнки его имѣли больше аршина толщины; носъ и корма покрыты были желѣзною бронею. Жилыя помѣщенія были устроены на нижней палубѣ. Въ серединѣ общая каюта-салонъ, служившая столовой, по бокамъ 6 каютъ-спаленъ. Всѣ стѣны были обиты просмоленымъ войлокомъ, слоемъ пробки, обшивкой изъ еловаго дерева, еще толстымъ слоемъ войлока, затѣмъ линолеумомъ, не пропускавшимъ сырости, и, наконецъ, дощатой обшивкой. Потолокъ салона и каютъ состоялъ изъ подобныхъ же слоевъ и имѣлъ около $^1/_2$ аршина толщины. Полъ былъ устроенъ такимъ образомъ: на доски положенъ слой пробокъ, затѣмъ толстыя деревянныя доски и линолеумъ. Палубное окно было защищено отъ холода тройными рамами; въ спальняхъ оконъ не было. Передъ салономъ находилась кухня, и по обѣимъ сторонамъ ея устроенъ былъ ходъ на верхнюю палубу. Для защиты отъ холода на каждой изъ лѣстницъ по сторонамъ кухни устроены были по четыре маленькія, толстыя двери изъ нѣсколькихъ слоевъ дерева и войлока. Наверху, надъ кухней, помѣщалась еще одна небольшая рабочая каюта. Все судно освѣщалось электричествомъ.

Лодокъ на суднѣ было восемь. Двѣ очень большія, въ которыхъ, въ случаѣ гибели судна, могъ бы плыть весь экипажъ; четыре поменьше, того сорта, который употребляется тюленепромышленниками; одинъ маленькій челнокъ и одинъ ботъ съ керосиновымъ двигателемъ.

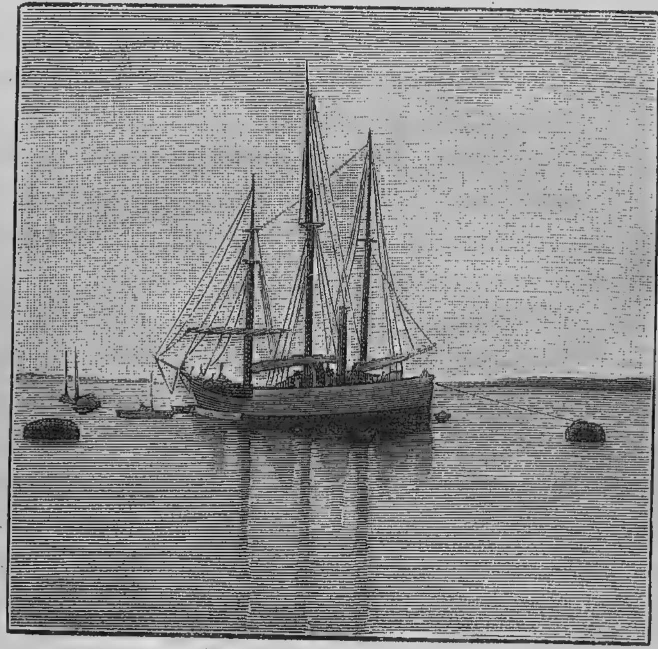
Въ концѣ 1892 г. судно было спущено на воду. Изъ Христіаніи собралось множество приглашенныхъ присутствовать при этомъ торжествѣ. Утро было холодное, туманное. Гости, приглашенные на торжество, собрались на промысловомъ суднѣ, стоявшемъ въ гавани. На берегу, обращенный кормою къ морю, стоялъ новый, широкій корабль, выкрашенный внизу черной, а повыше бѣлой краской. На палубѣ его возвышались три флагштока: на двухъ уже развѣвались флаги, на третьемъ долженъ былъ подняться флагъ съ именемъ корабля. Тысячи людей собрались вокругъ верфи [1]) Арчера и вскарабкались на окружающія ее скалы. На подмостки, устроенныя около носа корабля, поднялся Нансенъ съ женою. Она подошла къ носу корабля, сильнымъ ударомъ разбила о него бутылку съ шампанскимъ и произнесла громкимъ, яснымъ голосомъ:

Фрамъ (Впередъ) имя ему!

Въ ту же минуту на пустомъ флагштокѣ взвился красный флагъ съ именемъ корабля; быстро обрубили канаты и подпорки; тяжелое судно начало скользить по наклону сначала медленно, затѣмъ все

[1]) Сооруженіе для постройки и починки судовъ.

быстрѣе, коснулось кормою воды и стало садиться все глубже и глубже. Одну минуту всѣхъ охватилъ страхъ, какъ бы оно не пошло ко дну или не сѣло на мель. Но какъ только носъ судна коснулся воды, оно выпрямилось, корма поднялась, и корабль плавно

Фрамъ.

двинулся впередъ. Съ берега раздались салюты орудій и дружное „ура". Фритіофъ Нансенъ продолжалъ стоять на подмосткахъ рядомъ съ женой; а корабль спокойно, увѣренно несся по серебристымъ волнамъ моря.

Приготовленія къ экспедиціи продолжались. *Фрамъ* нагружали запасами, расчитанными на пять лѣтъ

плаванія: каменный уголь, керосинъ и минеральное масло для топлива, масса всевозможныхъ пищевыхъ консервовъ, хлѣба, морскихъ сухарей, муки, крупы, масла, чая, сахару, кофе, табаку и пр., приборы для производства научныхъ наблюденій, инструменты для всевозможныхъ работъ, какія предполагалось производить на кораблѣ, приспособленія для ловли животныхъ и собиранія растеній, запасныя доски и бревна и проч. и проч., все это въ теченіе зимы и весны свозилось на судно и размѣщалось на немъ. Каюты меблировали не роскошно, но удобно; по стѣнамъ развѣсили картины, устроили очень недурную библіотеку изъ книгъ, присланныхъ разными книгопродавцами, и изъ собственныхъ книгъ членовъ экспедиціи.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 24 іюня. Утро было пасмурное, хмурое, шелъ мелкій дождь. *Фрамъ* стоялъ на якорѣ въ гавани Христіаніи, готовый къ отплытію. Почти всѣ члены экспедиціи собрались на немъ съ ранняго утра. Маленькіе пароходики и лодки, проѣзжая мимо него, салютовали ему; пассажиры съ нихъ махали зонтиками и шляпами въ знакъ прощанія.

Въ 11 часовъ назначенъ былъ отъѣздъ. Корабль окружила цѣлая флотилія всевозможныхъ лодокъ, ботовъ, гичекъ, яхтъ и пароходовъ; всѣ эти суда были разукрашены цвѣтами и вѣтвями серебристаго тополя. На набережной собралось нѣсколько тысячъ зрителей. Все было готово къ отплытію, не было только Нансена; онъ прощался съ роднымъ домомъ,

съ любимою женою, съ крошкою-дочерью и, очевидно, не легко ему было оторваться отъ нихъ, быть можетъ, на вѣчную разлуку!

„Одиноко прошелъ я въ послѣдній разъ черезъ садъ на набережную, около которой уже стоялъ маленькій паровой ботъ *Фрама*,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—За мной оставалось все, что мнѣ было дорого въ жизни. А что ждало меня впереди?..

Домъ Нансена.

И сколько пройдетъ лѣтъ, прежде чѣмъ я снова увижу все это? Чего бы ни далъ я въ эту минуту, чтобы имѣть возможность вернуться! Наверху въ окнѣ сидѣла Лифъ, моя дочурка, и хлопала въ ладоши. Счастливое дитя! она не подозрѣваетъ, какъ удивительно сложна и измѣнчива жизнь!"

Стрѣлой пронесся маленькій пароходикъ къ гавани, и Нансенъ перешелъ на *Фрамъ*. Онъ былъ такъ страшно блѣденъ и взволнованъ, что друзья,

собравшіеся на кораблѣ проводить его, нѣсколько минутъ не рѣшались заговаривать съ нимъ.

Подняли якорь, и тяжело нагруженное судно медленно двинулось вдоль бухты. На набережной толпа народа махала шляпами и платками; нѣсколько яхтъ и паровыхъ катеровъ провожали судно. *Фраму* пришлось проѣхать мимо того мыса, на которомъ стоялъ домъ Нансена.

„Въ подзорную трубу я замѣтилъ бѣлую фигуру, чуть-чуть выдѣлявшуюся на скалѣ подъ елкой,— говоритъ Нансенъ.—Это была самая тяжелая минута во всемъ моемъ путешествіи“.

II.

Медленно разсѣкая волны, двинулся *Фрамъ* вдоль берега Норвегіи; ему пришлось зайти въ нѣсколько портовъ, гдѣ грузъ его былъ увеличенъ еще разными необходимыми вещами, и выдержать довольно сильный штормъ, такъ что только 21 іюля, почти черезъ мѣсяцъ по отплытіи, экспедиція сказала последнее прости родинѣ. Отъ порта Варде *Фрамъ* пошелъ на сѣверо-востокъ, къ Новой Землѣ. Сильный туманъ помѣшалъ пристать къ острову и поохотиться на немъ, какъ расчитывалъ Нансенъ; пришлось направить судно на юго-востокъ, къ Югорскому проливу. Туманъ все не разсѣивался, „этотъ безконечно тягучій туманъ Ледовитаго моря“, какъ его называетъ Нансенъ.

Когда онъ опускаетъ свою завѣсу и скры-

ваетъ отъ глазъ синеву небесъ и синеву моря, и когда изо дня въ день ничего не видишь кругомъ, кромѣ сѣраго, мокраго тумана, тогда приходится напрягать всѣ душевныя силы, чтобы противодѣйствовать его давящимъ, холоднымъ объятіямъ. Туманъ и только туманъ, куда бы мы ни обращали взгляды! Туманъ садится на такелажъ и капаетъ съ него на палубу. Онъ ложится на наши платья и насквозь пронизываетъ ихъ сыростью. Онъ ложится на душу и умъ, и все кажется сырымъ въ этомъ сыромъ туманѣ.

На другой день къ этому присоединились еще значительныя массы льда, среди которыхъ *Фраму* приходилось лавировать, и только 30 іюля путешественники вдали увидѣли островъ Вайгачъ, а затѣмъ и низкій берегъ материка. Здѣсь Нансену надобно было остановиться. Приготовляясь къ экспедиціи, онъ рѣшилъ, что не худо на всякій случай запастись эскимосскими собаками.

Въ концѣ 1892 г. С.-Петербургская Академія Наукъ снарядила экспедицію на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана, подъ начальствомъ барона Толя. Нансенъ обратился къ барону съ просьбою закупить для него хорошихъ ѣздовыхъ собакъ и помѣстить ихъ въ какомъ-нибудь прибрежномъ пунктѣ Сибири. Посовѣтовавшись съ опытными людьми, баронъ Толь нашелъ, что такимъ пунктомъ всего удобнѣе избрать мѣстечко Хабарово на Югорскомъ Шарѣ, такъ какъ мимо него *Фраму* во всякомъ случаѣ придется пройти. Онъ по-

ручилъ закупку и доставку собакъ Тронтгейму, много путешествовавшему по Сибири и отъ души сочувствовавшему предпріятію Нансена. Тронтгеймъ еще зимой закупилъ собакъ въ Березовѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ *Фрамъ*.

Замѣтивъ на морѣ пароходъ, онъ взялъ самоѣдскую лодку и отправился на встрѣчу ему. Когда онъ подъѣхалъ къ пароходу и назвалъ свое имя, его тотчасъ же приняли на палубу, и къ нему подошелъ высокій, энергичный на видъ человѣкъ въ замасленной рабочей курткѣ. Тронтгеймъ подумалъ, что это одинъ изъ матросовъ, и очень удивился, узнавъ, что это самъ Нансенъ. Нансенъ принялъ его любезно, разспросилъ о состояніи льда въ Карскомъ морѣ и тотчасъ же отправился вмѣстѣ съ нимъ на берегъ осматривать собакъ.

Хабарово—село на берегу пролива; въ немъ немного постоянныхъ жителей, но туда обыкновенно пріѣзжаютъ русскіе купцы, ведущіе торговлю съ туземцами, и прикочевываютъ самоѣды для промѣна звѣриныхъ шкуръ и мѣховъ на водку и разные жизненные припасы. *Фраму* пришлось простоять около Хабарова нѣсколько дней, поджидая норвежскую шкуну *Уранію*, которая должна была подвезти запасъ угля. Нансенъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать экскурсію на своемъ паровомъ катерѣ и лично ознакомиться съ положеніемъ льда въ проливѣ. При этомъ онъ не упустилъ случая поохотиться и пособирать минералы на берегу.

„Мы пристали, — разсказываетъ онъ, — къ ма-

ленькой бухтѣ, вытащили лодку на берегъ, а сами отправились съ ружьями за плечами внутрь страны къ холмамъ, которые раньше запримѣтили. По равнинѣ разстилался темнозеленый коверъ изъ мха и травы, переплетенной удивительно красивыми цвѣтами. Во время долгой, холодной сибирской зимы огромныя массы снѣга накопляются на поверхности тундръ. Солнце еще не успѣетъ справиться съ ними, какъ уже сквозь рыхлый слой снѣга пробивается множество маленькихъ сѣверныхъ цвѣтковъ, стыдливо открывающихъ свои чашечки подъ лучами лѣтняго солнца, которое заливаетъ яркимъ свѣтомъ равнину. Большіе цвѣты камнелома, бѣловато-желтый полевой макъ виднѣются цѣлыми блестящими группами; тамъ и сямъ выглядываютъ голубыя незабудки и бѣлые цвѣточки морошки. На нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстахъ растетъ какая-то пушистая трава, образующая пуховый коверъ; на другихъ возвышаются рощицы синихъ колокольчиковъ, тихо качающихся на своихъ тонкихъ стебелькахъ. Все это невидные цвѣточки, нѣкоторые поднимаются всего на одинъ-два дюйма отъ земли, но тѣмъ милѣе кажутся они, и въ такой обстановкѣ красота ихъ особенно привлекательна. Здѣсь, гдѣ глазъ напрасно ищетъ на поверхности безконечной равнины чего-нибудь, на чемъ онъ могъ бы отдохнуть, застѣнчиво выглядывающія чашечки цвѣтовъ улыбаются ему и приковываютъ его къ себѣ“.

Собаки, закупленныя Тронтгеймомъ, оказались здоровыми, сильными животными; онѣ были на при-

вязи въ огороженномъ пространствѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села и производили раздирающій уши гамъ. Нѣкоторыя собаки были настоящія сибирскія, съ длинною, ослѣпительно-бѣлою шерстью, стоячими ушами и острымъ рыломъ, другія черныя или пятнистыя. Всѣ онѣ съ жадностью глотали сырую рыбу и при этомъ страшно дрались.

Рѣшено было попробовать, какъ онѣ ходятъ въ упряжи. Тронтгеймъ выбралъ десять собакъ и запрягъ ихъ въ самоѣдскія сани, которыя въ этой мѣстности служатъ и лѣтнимъ экипажемъ. Собачья упряжь очень проста: толстая веревка или ремень обвязывается вокругъ спины и живота животнаго и прикрѣпляется сверху бечевкой къ ошейнику. Вожжи подвязываются подъ животомъ и проходятъ между ногъ животнаго. Вотъ какъ описываетъ Нансенъ свое первое катанье на собакахъ:

„Едва мы были готовы, и я успѣлъ сѣсть въ сани, какъ наша свора увидѣла какую-то несчастную пришлую собаку, подошедшую слишкомъ близко, и тотчасъ же бросилась на нее, забывая о саняхъ, въ которыхъ находилась моя драгоцѣнная особа. Произошла адская сумятица. Всѣ десять собакъ бросились на одну, точно волки, стараясь растерзать ее. Кровь лилась, и провинившаяся отчаянно визжала въ то время, какъ прибѣжавшій со всѣхъ ногъ Тронтгеймъ колотилъ своею длинною палкою направо и налѣво. Самоѣды и русскіе сбѣжались съ криками со всѣхъ сторонъ; а я сидѣлъ въ саняхъ, какъ зритель, онѣмѣвъ отъ ужаса. Прошло не мало вре-

мени, прежде чѣмъ я сообразилъ, что и для меня найдется дѣло. Тогда я съ дикимъ крикомъ бросился на нѣкоторыхъ главныхъ забіякъ, схватилъ ихъ за шиворотъ и такимъ образомъ далъ грѣшницѣ возможность спастись бѣгствомъ. Наша упряжка совершенно запуталась во время битвы, и пришлось долго возиться, чтобы привести ее снова въ порядокъ. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Тронтгеймъ ударилъ кнутомъ, крикнулъ: „Пррр! пррр!"— и мы бѣшено помчались черезъ траву, глину и камни пока, наконецъ, намъ не стала угрожать опасность, попасть въ воду, въ устье рѣчки. Тогда я уперся ногами въ землю, чтобы задержать бѣгъ собакъ, но онѣ поволокли меня за собой. Съ большими усиліями удалось мнѣ и Тронтгейму остановить собакъ, какъ разъ у самой воды, хотя наши крики „засъ, засъ!" (стой, стой) раздавались по всему Хабарову. Наконецъ, мы повернули собакъ въ другую сторону, и онѣ пустились бѣжать такъ скоро, что мнѣ приходилось заботиться объ одномъ, какъ бы усидѣть въ саняхъ. Это было удивительное катанье, и мы прониклись уваженіемъ къ силѣ собакъ, увидѣвъ съ какою легкостью онѣ везли двухъ человѣкъ по этой, мало сказать, скверной дорогѣ. Довольные вернулись мы на судно, узнавъ на опытѣ, что ѣзда на собакахъ требуетъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, порядочнаго терпѣнія".

Между тѣмъ на *Фрамѣ* шла дѣятельная работа: чистка котловъ, исправленіе трубъ, починка катера съ керосиновымъ двигателемъ, машина котораго сло-

малась во время рекогносцировочной поѣздки Нансена, перегрузка угля изъ трюма въ кочегарную. Эти работы исполнялись всѣми членами экспедиціи безъ различія между простымъ матросомъ и капитаномъ; и Нансенъ, и докторъ принимали равное участіе въ общемъ трудѣ.

„Я навсегда уронилъ свою репутацію въ глазахъ русскихъ и самоѣдовъ этой области,—шутливо замѣчаетъ по этому поводу Нансенъ. — Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали на корабль и видѣли меня въ рубашкѣ, работающаго изо всѣхъ силъ, въ потѣ лица, выпачканнаго машиннымъ масломъ и разною другою грязью. Они послѣ говорили Тронтгейму, что невозможно, чтобъ я былъ важнымъ господиномъ, когда я тружусь на суднѣ, какъ простой работникъ, и выгляжу, какъ бродяга. Тронтгеймъ, къ сожалѣнію, ничего не могъ привести въ мое оправданіе, такъ какъ трудно спорить противъ очевидности“.

Уранія все не приходила, и Нансенъ рѣшилъ двинуться въ путь, не ожидая ея, такъ какъ запасовъ угля было на пароходѣ и безъ того достаточно, а вѣтеръ дулъ благопріятный. 3-го августа перевезли собакъ на пароходъ и привязали ихъ на палубѣ; члены экспедиціи распрощались съ Тронтгеймомъ и норвежцемъ Христофорсеномъ, провожавшимъ ихъ до этого пункта, и послали свои послѣднія письма къ роднымъ и знакомымъ. Въ 12 часовъ ночи *Фрамъ* далъ отходный свистокъ и направился къ выходу въ открытое море. Нансенъ ѣхалъ впереди на паро-

Скоттъ-Гансенъ. Блессингъ.
Могштадъ. Якобсенъ. Юэль.
Амундсенъ. Іогансенъ. Нордаль.
Гендриксенъ. Петерсенъ.

УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦІИ.

вой шлюпкѣ, чтобы дѣлать промѣрку глубины и вывести пароходъ изъ пролива. Туманъ часто былъ такъ густъ, что съ *Фрама* не различали шлюпки, а съ шлюпки не видѣли *Фрама*. Машина шлюпки дѣйствовала плохо, и шлюпка нѣсколько разъ останавливалась. Нансенъ сталъ смазывать машину масломъ; но въ это время шлюпку подняло волной, масло разлилось и загорѣлось. Въ одинъ моментъ вся кормовая палуба, на которой и раньше пролито было не мало масла, превратилась въ сплошной огонь. Платье Нансена тоже загорѣлось. Онъ побѣжалъ на носъ, чтобы потушить его, а въ это время загорѣлось ведро, до краевъ наполненное масломъ. Нансенъ схватилъ его и вылилъ горящее масло въ море, причемъ, конечно, сильно обжегъ себѣ руки. Послѣ этого онъ сталъ заливать водою палубу, и ему удалось погасить огонь, прежде чѣмъ онъ успѣлъ причинить большой вредъ судну.

Въ 4 часа утра *Фрамъ* вступилъ въ Карское море и направился къ полуострову Ялмалу. Въ морѣ было много льда, но вблизи береговъ находился открытый проходъ, по которому *Фрамъ* довольно свободно подвигался сначала на юго-востокъ, затѣмъ на сѣверъ. Берегъ Ялмала плоскій и низменный; охотникамъ удалось подстрѣлить на немъ нѣсколько бекасовъ и утокъ; но кромѣ этого никакихъ ни птицъ, ни звѣрей въ этой печальной пустынѣ они не видѣли. На пескѣ замѣтны были слѣды оленей, вѣроятно, ручныхъ, принадлежащихъ прикочевывающимъ сюда самоѣдамъ.

Пока *Фрамъ*, задержанный густымъ туманомъ, стоялъ около береговъ полуострова, къ нему подъѣхали на лодкѣ два статныхъ самоѣда. Они старались знаками объяснить, что кочуютъ недалеко отъ этого мѣста гдѣ-то на сѣверѣ. Ихъ радушно угостили, одарили, и они уѣхали вполнѣ довольные. Это были послѣдніе люди, съ которыми видѣлся экипажъ *Фрама*.

У сѣвернаго берега Ялмала полоса льда нѣсколько отодвинулась, и пароходъ могъ взять курсъ прямо на сѣверъ. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Передъ носомъ парохода снова появилась ледяная стѣна; приходилось подвигаться на востокъ, лавируя между нею и берегами разныхъ небольшихъ островов, разсѣянныхъ въ этой части моря. Нѣкоторые изъ этихъ островов были отмѣчены на картахъ прежнихъ путешественниковъ, но большинство являлось для экспедиціи настоящимъ сюрпризомъ. Одинъ изъ островов названъ былъ островомъ Свердрупа, такъ какъ Свердрупъ первый замѣтилъ его, высматривая моржей на льдинахъ; группа изъ семи небольшихъ островов получила названіе островов Скоттъ-Гансена; одинъ островъ Нансенъ назвалъ въ честь президента Англійскаго Географическаго Общества, Мэркюма, другой—въ честь норвежскаго профессора Мона, и проч. Большинство этихъ островов были очень низки и имѣли круглую форму, но нѣкоторые представляли скалистые берега, изрѣзанные фіордами. Ни одна изъ картъ, составленныхъ изслѣдователями, ранѣе посѣщавшими эти

страны, не могла служить для нихъ указаніемъ; всѣ оказывались невѣрными. Да и не удивительно: туманъ, тотъ „тягучій туманъ Ледовитаго океана“, на который раньше жаловался Нансенъ, почти все время заволакивалъ небо и спускался густою пеленою на всю окрестность. Изрѣдка прорывались сквозь него лучи солнца, изрѣдка можно было съ вахтенной бочки [1]) окинуть глазомъ широкій горизонтъ. Противный вѣтеръ, не разъ переходившій въ настоящій штормъ, задерживалъ движеніе судна, и оно медленно подвигалось впередъ; не мало искусства требовалось, чтобы безопасно лавировать между полосой льда и разными островами, нерѣдко окруженными отмелями.

Единственнымъ утѣшеніемъ среди этого труднаго и скучнаго плаванья являлась для членовъ экспедиціи охота. Нансенъ, какъ страстный охотникъ, не упускалъ случая пополнить свѣжимъ мясомъ запасы провизіи, имѣвшіеся на *Фрамѣ*. Проѣзжая къ югу отъ Кьельманскихъ острововъ, открытыхъ Норденшельдомъ, они замѣтили группу мелкихъ острововъ, не отмѣченныхъ на его картѣ, и на одномъ изъ нихъ вахтенный увидѣлъ цѣлое стадо оленей. Тотчасъ рѣшено было бросить якорь и подъѣхать къ берегу на лодкахъ. На островѣ, дѣйствительно, оказалось не одно, а нѣсколько стадъ оленей; но они были крайне пугливы и при малѣйшемъ шорохѣ быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, охотники выслѣдили одно стадо, мирно пасшееся

[1]) Клѣтка, привѣшиваемая наверху самой высокой мачты. Въ этой клѣткѣ сидитъ часовой, или вахтенный.

по равнинѣ, и рѣшили, образовавъ длинную цѣпь стрѣлковъ, осторожно подвигаться впередъ, чтобы окружить его.

„Море лежало передо мной прекрасное и спокойное,—описываетъ Нансенъ.—На горизонтѣ солнце только что скрылось въ волнахъ. Небо зардѣлось, и я невольно пріостановился: среди такого великолѣпія человѣкъ продолжаетъ свое разбойничье преслѣдованіе звѣрей!“

Но, несмотря на это разсужденіе, страсть охотника овладѣла имъ. Отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, шла неглубокая рытвина, по которой можно было незамѣтно подкрасться къ оленямъ. Онъ спустился въ нее и поползъ по ней сначала на четвереинькахъ, а когда она стала еще мельче, прямо на животѣ. Дно рытвины состояло изъ мокрой глины, вода просачивалась сквозь одежду его, онъ былъ весь залѣпленъ грязью; но не это смущало его, а то, что по мѣрѣ приближенія его олени все больше удалялись; приходилось ползти все дальше и дальше, а между тѣмъ сумерки быстро сгущались. Наконецъ, онъ подползъ къ оленямъ настолько близко, что могъ дать выстрѣлъ: опять бѣда! темнота помѣшала ему прицѣлиться, онъ промахнулся, и олени отбѣжали въ сторону. Опять приходилось ползти на животѣ, теперь ужъ прямо по дну ручейка, встрѣтившагося на пути. Изъ цѣпи стрѣлковъ раздался выстрѣлъ, но онъ тоже не задѣлъ оленей, и они благополучно спаслись бѣгствомъ. Товарищи скоро ушли къ лодкамъ, но Свердрупъ остался съ Нан-

сеномъ, и они всю ночь вдвоемъ выслѣживали и преслѣдовали оленей, съ трудомъ превозмогая усталость и сонливость. Только къ утру удалось имъ наконецъ застрѣлить двухъ оленей. Въ это время къ нимъ подошли Іогансенъ и Гендриксенъ, которымъ между тѣмъ удалось подстрѣлить медвѣдя. Надобно было доставить добычу на пароходъ и скорѣй двигаться дальше, пока погода была хороша. Свердрупъ поспѣшилъ на *Фрамъ* готовить его къ отплытію, а Нансенъ съ Гендриксеномъ и Іогансеномъ остались, чтобы перевезти убитыхъ звѣрей. Оказалось, что это было почти труднѣе, чѣмъ поймать ихъ. Когда они съ тяжелыми шкурами и кусками мяса на плечахъ подошли къ своей лодкѣ, начался приливъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и бурунъ. Лодка лежала на боку и была наполнена водой. Всѣ пожитки охотниковъ, ихъ ружья, хлѣбъ, взятый ими съ собой,—все было въ водѣ. Не мало труда стоило повернуть лодку, вылить изъ нея воду и втащить въ нее мясо и шкуры; но грести противъ вѣтра и теченія было еще тяжелѣе. Они гребли такъ, „что пальцы чуть не лопались у насъ“,—говоритъ Нансенъ,—и едва подвигались на нѣсколько шаговъ. Казалось, *Фрамъ* стоитъ совсѣмъ близко, а между тѣмъ они едва добрались до него.

Фрамъ продолжалъ то подъ парами, то подъ парусами двигаться на сѣверо-востокъ, при чемъ ему безпрестанно надо было обходить острова и льдины, на которыхъ лежали цѣлыя стада тюленей. Зима быстро надвигалась. Около Таймырова острова

Нансенъ со Свердрупомъ сошли на берегъ, чтобы поискать оленей. Земля была покрыта гладкимъ толстымъ слоемъ снѣга, по которому легче было бы пробираться на лыжахъ, чѣмъ пѣшкомъ. Перелетныя птицы почти всѣ уже улетѣли, незамѣтно было слѣда ни одного животнаго. Грустно было видѣть, какъ миновало короткое сѣверное лѣто.

9 сентября ледъ къ сѣверу отъ материка сдѣлался рыхлѣе, такъ что *Фрамъ* подъ парами и парусами могъ пробиться черезъ него и пойти быстрымъ ходомъ по открытой водѣ. Къ вечеру онъ дошелъ до самой сѣверной оконечности материка и утромъ миновалъ, наконецъ, мысъ Челюскинъ.

„Я сидѣлъ вечеромъ на палубѣ — разсказываетъ Нансенъ—и смотрѣлъ на сѣверъ. Страна была плоская и пустынная. Солнце давно уже закатилось въ море, и вечернее небо озарилось золотистымъ сіяніемъ. Какъ было пустынно и тихо надъ водой! На небѣ виднѣлась одна только звѣзда; она стояла какъ разъ надъ мысомъ Челюскинымъ и ярко, но какъ-то грустно блестѣла на блѣдныхъ небесахъ. Она какъ будто слѣдовала за нами. Я не могъ не смотрѣть на нее,—она странно притягивала мои взоры и успокаивала меня. Не была ли это *моя* звѣзда, очи родины, слѣдящія за нами и улыбающіяся мнѣ теперь?.. Къ утру мы достигли пункта, считающагося самымъ сѣвернымъ мысомъ. Мы поплыли къ землѣ, подняли флаги и употребили три патрона для салюта, далеко разнесшагося въ морѣ. Въ этотъ самый моментъ взошло солнце“.

Вечеромъ на *Фрамѣ* былъ праздникъ въ честь мыса Челюскина. Въ ярко освѣщенномъ салонѣ подали фрукты и сигары; Нансенъ провозгласилъ тостъ: „За здоровье присутствующихъ и Челюскина!“ Затѣмъ занимались музыкой и веселыми разговорами.

III.

Отъ мыса Челюскина Нансенъ рѣшилъ идти прямо къ Ново-Сибирскимъ островамъ; но ему опять-таки пришлось держаться около берега, такъ какъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него шла широкая полоса крѣпкаго стараго льда, черезъ который *Фрамъ* не могъ пробиться. Между этой полосой и материкомъ былъ довольно широкій проходъ, по которому судно двигалось безпрепятственно. На льду часто попадались моржи, и путешественники не упускали случая поохотиться за ними.

„Около шести часовъ, — записываетъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ,—меня разбудилъ Гендриксенъ извѣстіемъ, что на льдинѣ у самаго судна лежитъ множество моржей. Я вскочилъ и въ одну минуту былъ уже одѣтъ. Стояло чудное утро, прекрасная, тихая погода. Можно было издали разслышать сопѣніе моржей. Звѣри лежали вмѣстѣ на льдинѣ; за ними блестѣли на солнцѣ голубыя горы. Гарпуны были наточены еще раньше, ружья и патроны готовы; Гендриксенъ, Юэль и я отправились. Дулъ слабый южный вѣтеръ, и мы стали грести къ сѣверу, чтобы обойти звѣрей и подплыть къ нимъ съ под-

вѣтренной стороны. По временамъ животное, стоявшее на стражѣ, поднимало голову, но, кажется, не видѣло насъ, и мы плыли дальше. Скоро мы подошли такъ близко, что должны были грести очень осторожно. Юэль сидѣлъ на рулѣ, Гендриксенъ стоялъ впереди наготовѣ, съ гарпуномъ въ рукахъ, а я позади него съ ружьемъ. Какъ только сторожевое животное поднимало голову, мы переставали грести и оставались неподвижными, а затѣмъ, когда голова животнаго опускалась, снова принимались за весла и двигались впередъ. Звѣри лежали очень плотно другъ къ другу, на маленькой льдинѣ, старые и малые, въ одной кучѣ. Тутъ были настоящіе мясные колоссы. Изрѣдка какая-нибудь самка помахивала хвостомъ и затѣмъ снова успокаивалась, лежа на спинѣ или на боку. Мы подвигались все осторожнѣе; я держалъ ружье наготовѣ, а Гендриксенъ крѣпко сжималъ рукоятку гарпуна. Въ тотъ самый моментъ, какъ лодка коснулась льдины, гарпунъ засвисталъ въ воздухѣ, но попалъ слишкомъ высоко и отскочилъ отъ упругой кожи звѣря. Все общество зашевелилось. Десять - двѣнадцать отвратительныхъ головъ сразу обратились въ нашу сторону; горы мяса поворачивались съ удивительною быстротой; моржи, съ поднятыми головами и глухимъ ревомъ, переваливаясь, подошли къ краю льдины, у которой мы находились. Я прицѣлился и выстрѣлилъ въ одну изъ самыхъ большихъ головъ. Звѣрь зашатался и упалъ впередъ, въ воду. Затѣмъ и второму звѣрю была послана пуля въ голову; онъ также свалился,

но еще нѣкоторое время продолжалъ, хотя съ трудомъ, барахтаться въ водѣ. Тогда все общество бросилось въ воду, такъ что брызги разлетѣлись во всѣ стороны. Все это произошло въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Скоро звѣри снова показались вокругъ лодки. Головы, одна другой отвратительнѣе, высовывались изъ воды; дѣтеныши были тутъ же. Звѣри стоймя стояли въ водѣ, ревѣли и шумѣли такъ, что воздухъ дрожалъ; бросались изъ стороны въ сторону, кричали и оглашали пространство новымъ ревомъ. Они кружились и исчезали въ водѣ со страшнымъ шумомъ, а затѣмъ снова появлялись на поверхности. Вода пѣнилась и точно кипѣла кругомъ на большомъ пространствѣ, какъ будто безмолвнымъ до сихъ поръ ледянымъ міромъ внезапно овладѣлъ припадокъ бѣшенства. Каждую минуту можно было опасаться, что клыкъ одного или нѣсколькихъ моржей прорѣжетъ лодку или подниметъ ее и подброситъ на воздухъ".

Къ счастью, ничего подобнаго не случилось, и охотники благополучно вернулись на *Фрамъ* съ богатой добычей.

15 сентября полоса льдинъ, загораживавшая до сихъ поръ входъ въ открытое море, оказалась менѣе сплошной; ледъ, составлявшій ее, былъ болѣе рыхлъ, и *Фраму* удалось пробиться сквозь него. Три дня шелъ онъ безъ всякой задержки на сѣверо востокъ; льда нигдѣ не было видно, погода стояла довольно теплая.

18-го числа Нансенъ писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Наступаетъ рѣшительная минута. Въ 12 час. 15 мин. мы беремъ курсъ на сѣверо-западъ. Теперь должно опредѣлиться, вѣрна ли моя теорія, т.-е. найдёмъ ли мы нѣсколько сѣвернѣе отсюда теченіе, направляющееся дальше къ сѣверу. До сихъ поръ все шло лучше, чѣмъ я ожидалъ. Мы находимся подъ 75°30′ сѣверной широты, и къ сѣверу, и къ западу отъ насъ открытая вода и темное небо. Странное чувство испытываешь, плывя темною ночью въ неизвѣданныя страны, по волнующемуся морю, по которому еще никогда не носилось ни одно судно, ни одна лодка“.

Слѣдующіе два дня путешествіе шло такъ же благополучно. То теченіе, о которомъ мечталъ Нансенъ, и попутный вѣтеръ быстро гнали *Фрамъ* на сѣверо-сѣверо-западъ; льда нигдѣ не было видно. У экипажа явились самыя радужныя надежды.

— Дома, въ Норвегіи, и не подозрѣваютъ, что мы идемъ въ открытомъ морѣ прямо къ полюсу! — съ восторгомъ говорилъ Гендриксенъ.

Свердрупъ вспоминалъ, что читалъ гдѣ-то объ открытомъ полярномъ морѣ, окружающемъ полюсъ, и увѣрялъ, что существованіе такого моря вполнѣ правдоподобно.

Разочарованіе настало слишкомъ скоро. 20 сентября день былъ туманный. Нансенъ сидѣлъ у себя въ каютѣ и, разсматривая карту, соображалъ удастся ли имъ такъ же благополучно дойти до 78° широты, какъ вдругъ судно неожиданно повернуло въ сторону. Онъ бросился на палубу. Передъ нимъ, про-

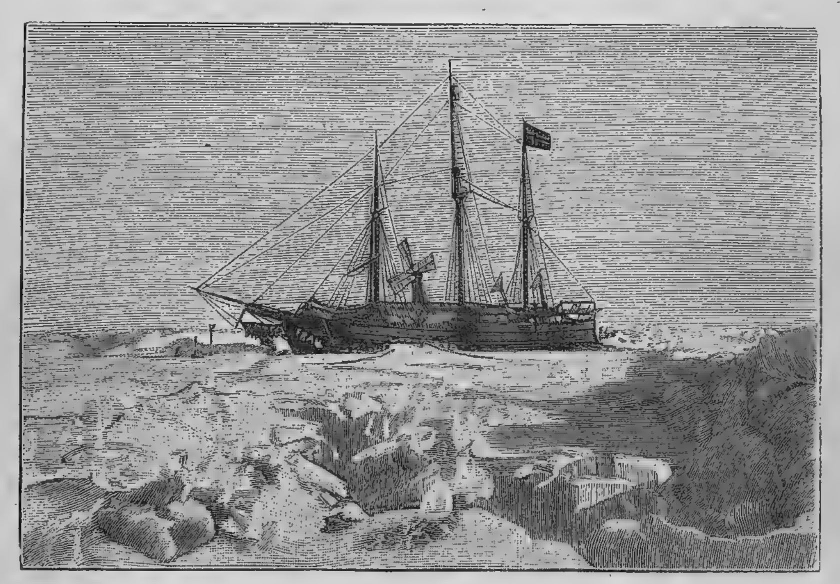
свѣчивая сквозь туманъ, лежало широкое, сплошное ледяное поле. Пришлось повернуть на западъ и плыть вдоль окраины льдовъ. 21-го числа цѣлый день лежалъ густой туманъ, скрывавшій отъ глазъ всю окрестность. 22-го туманъ разсѣялся, выглянуло солнце, и при его свѣтѣ путешественники увидѣли, что и на сѣверъ и на западъ отъ нихъ тянется сплошной ледъ; на югѣ тоже виднѣлся ледъ, а вокругъ судна плавали отдѣльныя ледяныя глыбы.

Прежніе арктическіе путешественники всегда считали необходимымъ держаться вблизи какого-нибудь берега. Но для Нансена этого было не нужно; такъ какъ онъ хотѣлъ попасть въ среду плавучихъ льдовъ и двигаться вмѣстѣ съ ними, то для него было важно зимовать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ море было глубоко, и гдѣ ничто не задерживало движенія льдовъ. На такомъ именно пунктѣ находился *Фрамъ*, и потому рѣшено было прикрѣпить судно къ большой крѣпкой льдинѣ, спустить паруса, остановить машину и ждать, что пошлетъ судьба.

Между тѣмъ льдины, плававшія сначала около судна отдѣльными глыбами, стали соединяться; между ними появился слой рыхлаго снѣга, который крѣпчалъ съ каждымъ днемъ. Скоро сплошной ледъ окружилъ со всѣхъ сторонъ *Фрамъ*, и сдѣлалось вполнѣ очевидно, что судну не освободиться отъ него. Полярная зима наступала: солнце съ каждымъ днемъ стояло все ниже и ниже надъ горизонтомъ, по ночамъ морозы доходили до 25°.

Экипажъ началъ готовиться къ зимней стоянкѣ.

Руль подняли наверхъ, чтобы его не раздавило напоромъ льда, вычистили котлы, убрали уголь, разобрали по частямъ машину, вычистили ее и смазали масломъ. Надъ этимъ больше всѣхъ трудился Амундсенъ; онъ возился съ машиной, точно съ ребенкомъ,

Фрамъ, затертый льдами.

съ утра до поздней ночи просиживалъ онъ около нея, ухаживая за ней. Когда другіе подсмѣивались надъ нимъ, онъ полуворчливо говорилъ:

„Болтайте себѣ, что̀ хотите, — мнѣ все равно; а лучше нашей машины нѣтъ на свѣтѣ, и намъ было бы стыдно и грѣшно не заботиться о ней!“

Всѣ прочія арктическія экспедиціи, которымъ приходилось проводить долгую зимнюю ночь закованными среди льдовъ, страдали, кромѣ голода, холода

и болѣзней, отъ невыносимой скуки; вслѣдствіе этой скуки являлись ссоры, взаимныя обвиненія, общее недовольство. Ничего подобнаго нельзя было ожидать на *Фрамѣ:* здѣсь у каждаго было свое дѣло, то, къ которому онъ былъ наиболѣе способенъ; нѣкоторыя же работы отправлялись сообща, причемъ никто не гнушался никакимъ трудомъ, и Нансенъ, Свердрупъ, Блессингъ таскали уголь изъ трюма въ кочегарню такъ же усердно, какъ Петерсенъ и Гендриксенъ. На суднѣ устроили разныя мастерскія: столярную, механическую, кузнечную; а когда оказался недостатокъ въ канатахъ, то на льду завели большую канатную мастерскую. Затѣмъ приступили къ постановкѣ вѣтряной мельницы, которая должна была приводить въ движеніе машину, доставлявшую электрическій свѣтъ. Мельница была помѣщена на верхней палубѣ, около большого люка, и устройство ея заняло нѣсколько недѣль времени; а когда она, наконецъ, была готова, приходилось опять-таки не мало возиться съ нею, управлять ею, ставить ее по вѣтру и т. п. Если вѣтеръ усиливался, кому-нибудь надобно было влѣзать наверхъ и спускать ея крылья, что при зимнихъ холодахъ было далеко не пріятное занятіе.

Въ кузницѣ работалъ Ларсъ Петерсенъ, который занимался и жестяными работами. Амундсену безпрестанно приходилось изготовлять то тотъ, то другой инструментъ; Могштадъ взялъ на себя главную заботу о собакахъ, кромѣ того, онъ провѣрялъ и чистилъ термометры и часы; Юэль былъ поваромъ; научныя наблюденія дѣлали Нансенъ, Скоттъ-Ган-

сенъ и Іогансенъ. Особенный интересъ возбуждали астрономическія наблюденія, посредствомъ которыхъ Скоттъ-Гансенъ опредѣлялъ, на какой широтѣ находится судно. Во время этихъ наблюденій большая часть экипажа толпилась въ его каютѣ: всякому хотѣлось поскорѣй узнать, какъ далеко подвинулось судно со своими льдинами, и въ какую сторону увлекаетъ его теченіе. Если оказывалось, что оно хотя медленно, но движется на сѣверъ, всѣ радовались и мечтали о томъ, какъ далеко могутъ они уйти въ теченіе зимы; при всякомъ поворотѣ на югъ — лица вытягивались.

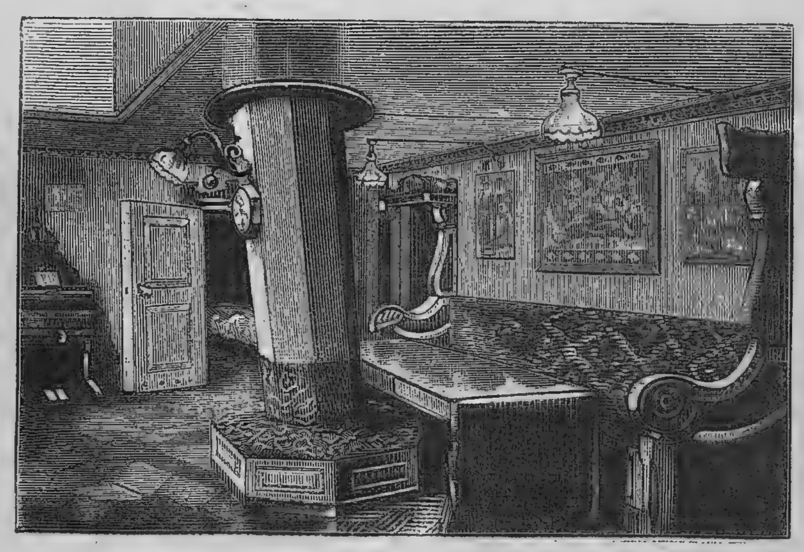
Всего меньше работы по своей спеціальности находилъ докторъ, такъ какъ на *Фрамѣ* всѣ пользовались отличнымъ здоровьемъ. Со скуки онъ принялся лѣчить собакъ, а людей только взвѣшивалъ разъ въ мѣсяцъ, да дѣлалъ наблюденія надъ ихъ кровью; эти наблюденія также очень занимали всѣхъ: всякому хотѣлось знать, не ослабѣлъ ли его организмъ, не грозитъ ли ему скорбутъ, мучительная болѣзнь, которой до сихъ поръ не избѣгла ни одна изъ полярныхъ экспедицій.

Время проходило на *Фрамѣ* довольно однообразно: въ восемь часовъ всѣ вставали и завтракали; завтракъ состоялъ изъ чаю, кофе или шоколада, къ которымъ подавали сухари, сыръ, консервы ветчины, солонины, баранины и т. под., а въ видѣ десерта овсяный хлѣбъ съ желе или мармеладомъ. Три раза въ недѣлю былъ свѣжеиспеченный хлѣбъ, иногда какіе-нибудь пироги. Послѣ завтрака члены

экспедиціи, взявшіе на себя заботу о собакахъ, несли имъ кормъ, состоявшій изъ половины трески для каждой собаки и изъ собачьихъ пироговъ. Остальные занимались каждый своей работой. Всѣ поочередно дежурили въ кухнѣ, помогая повару. Нѣкоторые ходили на льдины погулять на свѣжемъ воздухѣ и въ то же время изслѣдовать состояніе льда. Въ часъ всѣ собирались къ обѣду, за которымъ подавалось три кушанья: супъ, мясо или рыба и десертъ. Къ мясу подавался обыкновенно картофель или какая-нибудь зелень. Послѣ обѣда курильщики отправлялись въ кухню, такъ какъ табакъ въ каютахъ допускался только въ торжественныхъ случаяхъ. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго отдыха всѣ снова принимались за работы. Въ шесть часовъ дневной трудъ считался поконченнымъ, и подавался ужинъ. Ужинъ былъ приблизительно такой же, какъ завтракъ, но въ видѣ напитка за ужиномъ подавался чай. Курить опять ходили въ кухню, а въ салонѣ проводили время за чтеніемъ книгъ, которыми *Фрамъ* былъ достаточно снабженъ. Часу въ 9-мъ появлялись карты или затѣвалась какая-нибудь другая игра, которая иногда затягивалась до полуночи. Кто-нибудь игралъ на гармоніумѣ, или Іогансенъ приносилъ свою гармонику и наигрывалъ на ней разныя пьески. Около 12 часовъ всѣ отправлялись по своимъ койкамъ, исключая вахтеннаго. Каждый обязанъ былъ простоять часъ на вахтѣ. Вахтенный долженъ былъ производить метеорологическія наблюденія, высматривать медвѣдей и вести

дневникъ всего, что̀ случалось во время его дежурства.

29-го сентября однообразіе жизни было прервано праздникомъ: это былъ день рожденія доктора Блессинга, и кромѣ того, въ этотъ день наблюденія показали, что *Фрамъ* находится на 79° сѣверной

Салонъ на Фрамѣ.

широты. Въ честь этихъ двухъ событій къ обѣду приготовлено было лишнее кушанье, за обѣдомъ играла музыка, послѣ обѣда подавался кофе и десертъ, за ужиномъ было земляничное мороженое и грогъ изъ лимоннаго сока со спиртомъ. Провозглашали тосты за новорожденнаго и за 79° широты, высказывали пожеланія, чтобы этотъ первый градусъ, пройденный *Фрамомъ* съ помощью льдовъ, былъ первымъ изъ числа многихъ другихъ.

Съ самаго отъѣзда изъ Хабарова собаки оставались привязанными на палубѣ парохода и вели очень печальное существованіе. Во время шторма волны окачивали ихъ и бросали изъ стороны въ сторону: онѣ страдали морской болѣзнью, чуть не задыхались въ своихъ ошейникахъ и должны были, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную погоду, лежать на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго движенія, кромѣ бѣганья взадъ и впередъ, насколько позволяла цѣпь. Когда *Фрамъ* окончательно засѣлъ во льду, рѣшено было спустить собакъ съ судна. Онѣ просто обезумѣли отъ радости: бѣгали взадъ и впередъ, съ громкимъ лаемъ прыгали по льду, барахтались въ снѣгу. Льдина, недавно казавшаяся такой пустынной и уединенной, вдругъ ожила, наполнилась гамомъ, визгомъ, лаемъ. Рѣшено было перевести собакъ съ судна и поселить ихъ на льдинѣ; но такъ какъ онѣ могли замерзнуть, оставаясь безъ движенія, то ихъ по временамъ спускали съ цѣпи и предоставляли имъ свободно бѣгать. Это было для нихъ величайшею радостью; но, къ сожалѣнію, онѣ плохо пользовались свободой. Одичалыя животныя безпрестанно затѣвали другъ съ другомъ ожесточенныя драки, при чемъ иногда всѣ набрасывались на одну. Одну собаку загрызли до смерти, другая спаслась только тѣмъ, что, вся искусанная, прибѣжала на судно подъ защиту людей.

Большая льдина, къ которой былъ прикрѣпленъ *Фрамъ*, имѣла какъ разъ противъ середины судна выступъ, которымъ она могла бы сильно давить

судно въ случаѣ, если бы ледъ сталъ сдвигаться. Поэтому рѣшено было попробовать передвинуть судно немного назадъ. Работа была нелегкая. Приходилось помощью топоровъ, ледоколовъ и острогъ, употребляемыхъ для охоты на моржей, пробивать толстый слой льда и черезъ образовавшійся каналъ шагъ за шагомъ проводить судно. Зато послѣ этого *Фрамъ* занялъ вполнѣ удобное положеніе. Съ лѣвой стороны его находилась большая льдина, на которой устроенъ былъ собачій лагерь; эта льдина была обращена къ судну низкимъ краемъ и не представляла никакой опасности; съ правой стороны была тоже плоская, невысокая льдина; съ обѣихъ сторонъ между судномъ и льдинами находился гладкій слой вновь образовавшагося льда. Такой же точно слой образовался подъ дномъ *Фрама*, такъ что онъ стоялъ точно на хорошей подстилкѣ.

Дня черезъ два послѣ окончанія работъ по перестановкѣ судна экипажъ сидѣлъ послѣ обѣда въ каютѣ и мирно бесѣдовалъ, какъ вдругъ раздался оглушительный грохотъ, и все судно задрожало. Всѣ выбѣжали на палубу. Оказалось, что ледъ пришелъ въ движеніе, и грохотъ происходилъ отъ того, что громадныя льдины надвигались одна на другую и съ трескомъ разваливались. Новообразованный ледъ, окружавшій *Фрамъ*, сдвигался и направлялся подъ судно, приподнимая его иногда на нѣсколько футовъ, и затѣмъ съ трескомъ разламывался подъ нимъ. Нансенъ и его спутники не безъ тревоги ожидали, какъ выдержитъ ихъ судно этотъ первый

натискъ врага, противъ котораго ихъ предостерегали всѣ путешественники, испытавшіе его сокрушительную силу. Напоръ льда возобновлялся съ новою яростью въ теченіе нѣсколькихъ дней. Обыкновенно сначала слышался легкій трескъ и какъ будто стонъ, постепенно усиливающійся; раздавался громкій, жалобный вой, потомъ грохотъ и, наконецъ, какое-то ворчанье, послѣ котораго судно начинало подниматься. Шумъ все усиливался, судно дрожало, шаталось и поднималось то скачками, то медленно, постепенно. Но *Фрамъ* не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ. Ледъ разламывался о бока его, и распавшіяся льдины кучами продвигались подъ его корпусъ, затѣмъ мало-по-малу шумъ затихалъ, судно опускалось въ прежнее положеніе, и опять наступала тишина.

Черезъ два-три дня ледъ нагромоздился вокругъ *Фрама* въ видѣ длинныхъ стѣнъ и высокихъ холмовъ. Собачья льдина выдержала страшный напоръ. Около нея поднялась цѣлая ледяная гора, которая обрушилась на нее. Льдомъ засыпало сани и доски, стоявшія на льдинѣ, а также якорь, удерживавшій корму. Собаки подвергались опасности, и пришлось ночью перевести ихъ на судно. Льдина, къ которой былъ прикрѣпленъ *Фрамъ*, треснула, и судно пришлось нѣсколько продвинуть назадъ. Напоръ льда начинался около четырехъ, пяти или шести часовъ утра и возобновлялся въ тѣ же часы вечера; послѣ него вокругъ корабля являлись большія пространства открытой воды. Такъ продолжалось дней 8—9.

Затѣмъ все снова успокоилось, только на льду появились въ разныхъ направленіяхъ новыя трещины, которыя, впрочемъ, скоро затянулись вновь образовавшимся льдомъ. Черезъ нѣсколько дней напоръ снова повторился и повторялся много разъ въ теченіе зимы. Мало-по-малу обитатели *Фрама* такъ привыкли къ этому, такъ твердо вѣрили въ прочность своего судна, что, слыша приближающійся шумъ и трескъ льдинъ, продолжали спокойно сидѣть въ каютѣ, не прерывая ни своихъ работъ, ни разговоровъ.

IV.

29 сентября экипажъ *Фрама* праздновалъ прохожденіе 79° сѣверной широты и съ самыми радужными надеждами смотрѣлъ на будущее. Предсказанія Нансена сбывались: льдины несли судно на сѣверозападъ и должны были донести его до полюса или до какой-либо ближайшей области. Но скоро наступило разочарованіе: съ октября мѣсяца началъ дуть сѣверный вѣтеръ,—движеніе льдинъ приняло направленіе обратное прежнему, и 16 октября *Фрамъ* оказался на 78°5′ широты, т.-е. меньше, чѣмъ въ три недѣли онъ почти на цѣлый градусъ ушелъ назадъ!

23-го октября сдѣланы были новыя наблюденія, показавшія, что судно снова хотя медленно, но двигается къ сѣверу. Вѣтеръ дулъ благопріятный. Всѣ лица прояснились Между тѣмъ солнце почти не поднималось надъ горизонтомъ, и 26 октября

въ полдень показалась только половина его диска надъ краемъ льдовъ; отъ него исходилъ какой-то матовый, красноватый свѣтъ и никакого тепла. Настала страшная полярная ночь, которая наводила такое уныніе на всѣ прежнія арктическія экспедиціи. На *Фрамѣ* не было и слѣда унынія; корабль, несомнѣнно, двигался на сѣверъ; вѣтряная мельница была готова; электрическая машина дѣйствовала отлично, и, взамѣнъ солнечнаго свѣта, вся внутренность судна освѣтилась яркими электрическими лампами. При свѣтѣ этихъ лампъ отпразднованъ былъ 26 октября день рожденія *Фрама*, тотъ день, когда онъ былъ спущенъ на воду и получилъ свое имя. Ради праздника устроена была стрѣльба въ цѣль на призы, вкусный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, съ тостами за здоровье *Фрама*, которому всѣ отъ души желали многихъ лѣтъ; послѣ ужина поданъ былъ земляничный и лимонный пуншъ и послѣдовала торжественная раздача призовъ за стрѣльбу. Призы были шуточные, и раздача ихъ вызвала разныя остроумныя шутки. Наиболѣе отличившійся получилъ деревянный крестъ ордена „Фрамъ", который долженъ былъ носиться на шеѣ на бѣлой полотняной тесьмѣ. Наименѣе отличившемуся досталось зеркало, въ которомъ онъ могъ любоваться на физіономію неудачника.

Ледяная пустыня, среди которой стоялъ *Фрамъ*, не была вполнѣ необитаема: нѣсколько разъ лисицы подбѣгали такъ близко къ судну, что ихъ можно было убивать прямо съ палубы; медвѣди безпрестанно

рыскали въ окрестностяхъ, рылись въ кучахъ отбросовъ съ судна и нападали на собакъ.

Скоттъ Гансенъ устраивалъ палатку для своихъ метеорологическихъ наблюденій на льду, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ судна. Блессингъ и Іогансенъ помогали ему. Въ то время, какъ они были усердно заняты этимъ дѣломъ, вдругъ показался медвѣдь недалеко отъ нихъ, около носа судна.

— Тише! Не шевелитесь, чтобы не испугать его!—сказалъ Гансенъ.

— Да, да!—Они притаилсь и стали смотрѣть на медвѣдя.

— Не попробовать ли мнѣ пройти на судно и сказать имъ о медвѣдѣ?—предложилъ Блессингъ.

— Что же, это хорошо! пройдите!—согласился Гансенъ.

Блессингъ выбѣжалъ изъ палатки на цыпочкахъ, чтобы не встревожить звѣря. Между тѣмъ медвѣдь осмотрѣлся, обнюхалъ воздухъ, и чутье показало ему, куда идти: онъ замѣтилъ Блессинга, пробиравшагося на судно, и пустился за нимъ слѣдомъ. Блессингъ остановился въ нерѣшимости, но затѣмъ сообразилъ, что въ такую минуту лучше быть втроемъ, чѣмъ одному, и потому пустился со всѣхъ ногъ бѣжать назадъ къ другимъ, въ палатку. Медвѣдь слѣдовалъ за нимъ скорымъ шагомъ.

Гансенъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости, которою, какъ онъ вычиталъ гдѣ-то въ книгѣ, можно прогнать медвѣдя. Онъ выпрямился во весь ростъ, сталъ размахивать руками и кричать изо всѣхъ силъ,

въ чемъ ему помогалъ и Іогансенъ. Но медвѣдь отнесся совершенно равнодушно къ этому маневру и продолжалъ приближаться. Положеніе становилось опаснымъ. Гансенъ вооружился дубинкой для скалыванія льда, Іогансенъ взялъ топоръ, Блессингу ничего не досталось. Затѣмъ они всѣ трое бросились бѣжать къ судну съ громкими криками:

— Медвѣдь! медвѣдь!

Медвѣдь подошелъ къ палаткѣ, внимательно обнюхалъ все, что тамъ находилось и, убѣдившись, что все это вещи не съѣдобныя, быстро направился къ судну по слѣдамъ бѣжавшихъ людей. Въ эту минуту Нансенъ услышалъ крикъ вахтеннаго, схватилъ ружье и выбѣжалъ на ледъ. Неожиданное появленіе его заставило медвѣдя остановиться. Нансенъ приблизился къ нему на разстояніе выстрѣла; медвѣдь повернулъ немного голову, и мѣткая пуля въ затылокъ уложила его на мѣстѣ.

Послѣ этого члены экспедиціи не рѣшались спускаться на ледъ безъ оружія.

Нѣсколько дней спустя двое большихъ медвѣдей подбирались къ собакамъ, привязаннымъ на льду. Собаки подняли страшный лай и вой; съ корабля ихъ услышали. Скоттъ-Гансенъ и съ нимъ еще три человѣка бросились къ собачьему лагерю, убили одного хищника и тяжело ранили другого. Двѣ собаки при этомъ исчезли: неизвѣстно было, убѣжали ли онѣ съ испугу, какъ только почуяли медвѣдей, или были съѣдены.

Даже когда собаки бывали привязаны на палубѣ,

медвѣди не боялись подбираться къ нимъ. Къ счастью, люди были недалеко, и всегда находился кто-нибудь, кому удавалось или уложить на мѣстѣ хищника, или прогнать его. Но одно нападеніе медвѣдей окончилось трагически для собачьей стаи и едва не стоило жизни человѣку. Какъ-то вечеромъ, когда весь экипажъ *Фрама* сидѣлъ послѣ ужина въ каютѣ и развлекался карточной игрой, собаки, привязанныя на палубѣ, вдругъ подняли страшный шумъ. Могштадъ пошелъ посмотрѣть, что̀ случилось, и, вернувшись, разсказалъ, что всѣ собаки, которыя могли достать до борта судна, вспрыгнули на него и лаютъ по направленію къ сѣверу.

— Навѣрное, онѣ чуютъ какого-нибудь звѣря,— закончилъ онъ,—но кругомъ такъ темно, что ничего нельзя разглядѣть.

Нансенъ думалъ-было выпустить нѣсколькихъ собакъ и отправиться съ ними по льду къ сѣверу; но было слишкомъ темно, такъ что невозможно было разглядѣть звѣря.

Ночью собаки продолжали волноваться, и Нансенъ изъ своей каюты слышалъ какой-то странный звукъ, точно по палубѣ таскали ящики. Утромъ Педеръ Гендриксенъ и Могштадъ пошли покормить собакъ и перевести ихъ на ледъ. При этомъ они замѣтили, что трехъ собакъ не хватаетъ. Педеръ взялъ фонарь, чтобы хорошенько осмотрѣть, нѣтъ ли слѣдовъ животныхъ. Онъ замѣтилъ на льду нѣсколько капель крови, а затѣмъ несомнѣнные слѣды медвѣдя. Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Могштадомъ въ ту сторону,

куда направлялись слѣды; собаки бѣжали впереди нихъ. Они отошли недалеко отъ судна, какъ вдругъ огромный звѣрь, окруженный собаками, бросился въ ихъ сторону. Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, они быстро повернули и побѣжали назадъ къ судну. Могштадъ былъ въ парусинныхъ башмакахъ и прибѣжалъ раньше. Гендриксенъ не могъ бѣжать слишкомъ скоро въ своихъ деревянныхъ башмакахъ,—въ испугѣ онъ запнулся за льдину и упалъ; онъ быстро вскочилъ и, когда уже подбѣжалъ къ судну, вдругъ замѣтилъ, что кто-то двигается прямо на него справа. Онъ подумалъ-было, что это собака; но звѣрь бросился на него и укусилъ его въ бокъ. У Гендриксена не было съ собой ни ружья, ни ножа; но онъ не потерялъ присутствія духа и фонаремъ ударилъ медвѣдя по головѣ съ такою силою, что фонарь разлетѣлся въ дребезги. Ошеломленный медвѣдь приподнялся и тотчасъ же набросился на бѣжавшую мимо собаку; а Гендриксенъ бросился со всѣхъ ногъ на корабль, вбѣжалъ въ каюту и задыхающимся голосомъ прокричалъ:

— Ружье! ружье! Медвѣдь укусилъ!

Нансенъ тотчасъ же схватилъ ружье и вмѣстѣ съ Гендриксеномъ бросился на палубу. У лѣвой стороны судна слышался лай собакъ и голоса людей. Медвѣдь лежалъ у самаго судна и рвалъ собаку, а прочія собаки окружили его съ громкимъ лаемъ. Возлѣ нихъ стоялъ Якобсенъ и никакъ не могъ вырвать пыжъ, который нечаянно всунулъ въ дуло.

— Стрѣляйте! стрѣляйте! у меня ружье не дѣйствуетъ!—кричалъ Якобсенъ.

Нансенъ сталъ быстро заряжать свое ружье, но никакъ не могъ вытащить пакли изъ дула; Могштадъ махалъ своимъ незаряженнымъ ружьемъ; Скоттъ-Гансенъ пробовалъ достать патроны черезъ щель въ двери рубки, которую нельзя было отворить, такъ какъ въ дверяхъ лежала собака. Къ счастью, прибѣжалъ Іогансенъ и пустилъ въ медвѣдя нѣсколько зарядовъ, такъ что тотъ бросилъ собаку. Нансену удалось тоже зарядить свое ружье и, для большей безопасности, онъ пустилъ еще пулю въ голову медвѣдю. Пока медвѣдь шевелился, собаки съ громкимъ лаемъ тѣснились къ нему; но когда онъ упалъ мертвый, онѣ боязливо отпрянули. Онѣ, должно быть, думали, что это новая хитрость ихъ врага.

Пока сдирали шкуру съ убитаго медвѣдя, Нансенъ пошелъ искать пропавшихъ собакъ. Его сопровождала собачья стая, и, почуявъ слѣдъ, направлявшійся на сѣверъ, повернула туда. Чѣмъ дальше, тѣмъ боязливѣе подвигались онѣ впередъ; нѣкоторыя стали даже отставать, но потомъ какъ будто устыдились своей трусости и тихонько поплелись за хозяиномъ. Приходилось идти по нагроможденнымъ грудамъ льда и иногда пробираться положительно на четверенькахъ. Но вотъ что-то зачернѣло на льду. Нансенъ подошелъ ближе и увидѣлъ сначала одну собаку, а потомъ и другую. У одной была отъѣдена голова, отъ другой остались только однѣ кости. Дальше между льдинами виднѣлись

слѣды медвѣжьихъ лапъ, и лежала еще одна загрызенная собака.

Медвѣдь, очевидно, взобрался на судно, оттолкнулъ стоявшій тутъ ящикъ, схватилъ ближайшую собаку и утащилъ ее. Утоливъ свой первый голодъ, онъ вернулся за новой добычей. Если бы во-время не подоспѣли люди, онъ могъ бы такимъ образомъ перетаскать еще нѣсколько собакъ.

— Вотъ увидите, что сегодня у Квикъ будутъ щенки!—заявилъ Юэль, слыша, какъ Нансенъ и другіе горевали о погибшихъ собакахъ.—У насъ на суднѣ все такъ: послѣ непріятности всегда бываетъ радость.

Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ, когда вся компанія сидѣла послѣ ужина въ каютѣ, Могштадъ объявилъ, что у Квикъ родились щенки.

„Квикъ“ была гренландская собака, которую подарилъ Нансену одинъ изъ его знакомыхъ путешественниковъ, и которая сопровождала экспедицію съ самаго отъѣзда изъ Европы. Она принесла сразу 13 щенковъ. Оставить всѣхъ было невозможно, такъ какъ она не могла бы выкормить всѣхъ, поэтому пять штукъ убили, а восемь оставили. Щенкамъ устроили постель въ каютѣ, въ ящикѣ, обложенномъ мѣхомъ, чтобы они не страдали отъ холода, и Квикъ оказалась очень заботливою матерью: она почти не отходила отъ своихъ дѣтей, и можно было надѣяться, что она хорошо выкормитъ ихъ.

Нансенъ и его спутники часто предпринимали прогулки по льду во всѣ стороны, иногда пѣшкомъ,

иногда на лыжахъ. Нансену вздумалось прокатиться въ саняхъ на собакахъ. Онъ запрягъ шесть собакъ въ самоѣдскія санки, усѣлся въ нихъ и закричалъ: „Прррръ! прррръ!“ Собаки быстро помчались по льду; но вотъ имъ встрѣтилась большая льдина, которую надобно было объѣхать. Только-что Нансенъ хотѣлъ повернуть ихъ въ сторону, какъ онѣ повернули назадъ и во весь духъ помчали къ судну; тамъ онѣ стали бѣгать отъ одной кучи отбросовъ къ другой, и не было никакой возможности отогнать ихъ оттуда. Если Нансенъ отгонялъ ихъ отъ лѣвой стороны судна и кнутомъ заставлялъ идти на ледъ, онѣ тотчасъ же поворачивали и обѣгали кругомъ кормы на правую сторону и наоборотъ. Напрасно онъ дергалъ вожжи, кричалъ, бранился; напрасно онъ вылѣзъ изъ саней и попробовалъ удержать ихъ; собаки рванули, и онъ полетѣлъ вверхъ ногами на ледъ. Онѣ остановились, добѣжавъ до глыбы льда, а затѣмъ снова вернулись къ судну. Такъ продолжалось, пока эта игра не надоѣла имъ самимъ, и онѣ не рѣшили ради разнообразія пробѣжаться по той дорогѣ, по которой ихъ направлялъ возница. Онѣ устремились, какъ вихрь, по плоской льдинѣ; но только-что Нансенъ задержалъ ихъ на минуту, онѣ снова повернули назадъ по прежней дорогѣ. Онъ кричалъ на нихъ, стегалъ ихъ кнутомъ; а онѣ тѣмъ быстрѣе неслись по избранной ими дорогѣ. Наконецъ ему удалось остановить сани, упершись ногами въ снѣгъ между полозьями и воткнувъ въ ледъ крѣпкій крюкъ. Собаки остановились на минуту, но затѣмъ

снова помчались, выбросили Нансена изъ саней и волочили его нѣсколько времени по снѣгу. Какъ онъ ни старался: одичалыя животныя никакъ не хотѣли покориться ему. Онъ потерялъ доску для сидѣнья, потомъ кнутъ, перчатки, шапку. Раза два пробовалъ онъ бѣжать передъ собаками и заставить ихъ повернуть, угрожая имъ кнутомъ. Но онѣ только метались изъ стороны въ сторону и неслись еще быстрѣе. Наконецъ, онъ запутался ногами въ вожжахъ и упалъ плашмя въ сани, а собаки точно бѣшеныя примчали его обратно къ судну.

„Это былъ мой первый опытъ катанья въ саняхъ,—замѣчаетъ Нансенъ, — и я не могу сказать, чтобы очень гордился имъ; одно меня радовало: никто не видалъ моихъ геройскихъ подвиговъ!“

Зима все больше и больше входила въ свои права; морозъ крѣпчалъ и по ночамъ доходилъ до 40°; напоры льда слышались вдали, но почти не достигали *Фрама*, такъ какъ ледъ, окружавшій судно, превратился въ плотную массу, достигавшую 5 саженъ толщины. Однообразіе полярной ночи прерывалось чудными атмосферными явленіями. Иногда вдругъ огненный шаръ прорѣзывалъ небосклонъ и разливалъ голубовато-бѣлый свѣтъ. Послѣ него на небѣ оставалась нѣсколько минутъ свѣтящаяся дуга и сіяніе въ видѣ какой-то свѣтящейся пыли. Иногда на небѣ появлялась противъ луны очень красивая лунная радуга; въ другой разъ около самой луны замѣчались то ложныя луны, то свѣтлыя кольца. Когда луна стояла такъ низко, что кольца ея ка-

сались горизонта, появлялось яркое свѣтлое пространство въ томъ мѣстѣ, гдѣ горизонтъ пересѣкалъ кольцо. Весь горизонтъ имѣлъ сначала желтый цвѣтъ, потомъ красный и, наконецъ, голубой. Такіе же цвѣта наблюдались и при ложныхъ лунахъ. Иногда появлялись два большихъ концентрическихъ кольца, и тогда можно было видѣть четыре ложныя луны *). Особеннымъ же блескомъ и красотой отличались сѣверныя сіянія. Они появлялись не только ночью, но часто даже днемъ, и представляли такое чудное зрѣлище, что Нансенъ и его товарищи никогда не могли вдоволь наглядѣться на него. Чѣмъ бы они ни были заняты, какъ бы ни были легко одѣты, но при первомъ извѣстіи, что сіяніе начинается, они выскакивали на палубу и, какъ очарованные, слѣдили за нимъ, не замѣчая, что члены ихъ коченѣютъ при 35° мороза. Вотъ какъ описываетъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ эти сіянія.

„Вечеромъ я вышелъ на палубу въ нѣсколько уныломъ настроеніи, но въ ту же минуту остановился, точно прикованный. Вотъ оно, это сверхъестественное явленіе—сѣверное сіяніе неподражаемой силы и красоты, сверкающее на небесахъ всѣми цвѣтами радуги. Рѣдко, пожалуй, даже никогда не видѣлъ я такихъ чудныхъ красокъ. Преобладающій цвѣтъ былъ сначала желтый, сквозь него пробивался зеленый, а на нижнемъ концѣ, на нижней поверх-

*) Такія кольца вокругъ солнца и луны являются вслѣдствіе преломленія лучей свѣта въ крошечныхъ ледяныхъ кристалликахъ, плавающихъ въ воздухѣ.

ности дуги, проступала яркая, рубиново-красная окраска. Но вотъ отъ далекаго горизонта на западѣ, вверхъ по небу, протянулась, извиваясь, огромная змѣя, она становилась все ярче и ярче, затѣмъ раздѣлилась на три сверкающія части. Южная часть змѣи сдѣлалась рубиново-красной съ желтыми пятнами, средняя—желтой, а сѣверная приняла зеленовато-бѣлый цвѣтъ. По бокамъ змѣи выступали лучи, которые двигались точно гонимые ураганомъ; они то появлялись, то исчезали, становились то ярче, то слабѣе; змѣи извивались вокругъ нихъ до самой середины неба".

Въ другой разъ Скоттъ-Гансенъ, стоявшій на вахтѣ, вбѣжалъ въ каюту съ извѣстіемъ, что началось очень красивое сѣверное сіяніе. Всѣ побѣжали наверхъ.

„Палуба была ярко освѣщена, — описываетъ Нансенъ,—и отраженіе свѣта вездѣ играло на льду. Все небо сверкало, особенно на югѣ, откуда массы огня распространялись высоко вверхъ. Огненныя массы раздѣлились на блестящія разноцвѣтныя полосы, распространявшіяся по небу на югѣ и на сѣверѣ и переплетавшіяся другъ съ другомъ. Лучи сверкали, отливая чистыми и прозрачными, какъ кристаллъ, цвѣтами радуги, преимущественно фіолетово-краснымъ или карминовымъ и свѣтло-зеленымъ. Иногда лучи дуги на концахъ принимали красный цвѣтъ, переходящій повыше въ ярко-зеленый; еще выше они становились темнѣе и переходили въ голубой или фіолетовый цвѣтъ, а затѣмъ исчезали въ

синевѣ неба. Иногда же лучи въ той же самой дугѣ превращались изъ ярко-красныхъ въ свѣтло-зеленые и колыхались изъ стороны въ сторону, точно гонимые вѣтромъ. Это была безконечная игра яркихъ красокъ, превосходящая все, что только можно вообразить. Временами зрѣлище достигало такой красоты, что у насъ захватывало дыханіе, и намъ казалось, что должно совершиться нѣчто необыкновенное: по крайней мѣрѣ, рушиться небо. Вдругъ лучи свѣта померкли, быстро пробѣжавъ по всѣмъ оттѣнкамъ цвѣтовъ, и все явленіе стало исчезать; а мы стояли въ напряженномъ ожиданіи, затаивъ дыханіе. Но только что мы намѣревались удалиться, подъ вліяніемъ 35° мороза, какъ лучи снова загорались, и появлялись такія чудныя краски, что мы останавливались и стояли до тѣхъ поръ, пока не почувствовали, что у насъ отморожены уши и носы. Въ концѣ сіянія былъ такой удивительный фейерверкъ всевозможныхъ цвѣтовъ, со всѣхъ сторонъ загоралось такое пламя, что мы каждую минуту ожидали появленія его на льду, такъ какъ на небѣ для него уже болѣе не оставалось мѣста".

V.

Приближалось Рождество, но снѣгу не было. Ледъ сверкалъ холоднымъ блескомъ подъ луннымъ свѣтомъ, и снѣжное покрывало нигдѣ не смягчало рѣзкихъ очертаній нагроможденныхъ льдинъ. Иногда съ неба падала крѣпкая, колкая крупа, которая

нисколько не походила на мягкія снѣжинки. *Фрамъ* достигъ 79°11′ сѣверной широты, и экипажъ его готовился весело справлять рождественскіе праздники. 23 декабря, когда въ Норвегіи празднуется такъ называемый маленькій сочельникъ, путешественники устроили себѣ первое рождественское развлеченіе: взрывъ льда посредствомъ гремучей ваты. При помощи большого желѣзнаго бурава пробуравили во льду дыру и положили туда, на глубинѣ одного фута отъ поверхности, зарядъ съ электрической проволокой. Послѣ того, какъ всѣ отошли подальше, кнопка была нажата, послышался глухой трескъ, и въ воздухѣ разлетѣлись куски льда и брызги воды. Хотя взрывъ произведенъ былъ на разстояніи 30 саженъ отъ судна, но толчекъ былъ такъ силенъ, что оно все задрожало. Взрывъ произвелъ отверстіе во льду глубиной въ два аршина и, кромѣ этого, вокругъ образовавшейся дыры произошли маленькія трещины.

О сочельникѣ Нансенъ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Сверкающій лунный свѣтъ и безконечное безмолвіе арктической ночи. Я совершилъ уединенную прогулку по льду. Первый сочельникъ, проведенный такъ далеко отъ родины!.. На суднѣ господствовало какое-то особенное, приподнятое настроеніе. Каждый въ душѣ былъ занятъ мыслями о родинѣ, но не хотѣлъ показать это товарищамъ; поэтому шутки и смѣхъ раздавались громче и чаще обыкновеннаго. Мы зажгли всѣ лампы и фонари,

какіе только были на суднѣ, и освѣтили блестящимъ образомъ каждый уголокъ во всѣхъ каютахъ. Разумѣется, въ этотъ день наше продовольствіе отличалось особенною изысканностью, такъ какъ у насъ это былъ единственный способъ справлять наши праздники. Обѣдъ былъ превосходный, а также и ужинъ, послѣ котораго на столъ была подана цѣлая гора рождественскихъ печеній, надъ изготовленіемъ которыхъ Юэль трудился нѣсколько недѣль. Затѣмъ мы наслаждались грогомъ и сигарами: въ этотъ день разрѣшалось курить въ салонѣ.

Особенное удовольствіе доставили всѣмъ рождественскіе подарки, которые неожиданно принесъ Скоттъ-Гансенъ. Эти подарки были приготовлены его матерью и невѣстой, которыя поручили ему спрятать ихъ и раздать товарищамъ въ сочельникъ. Все это были мелкія вещицы: трубочка, перочинный ножъ и т. под.; но онѣ принимались со слезами радости на глазахъ, какъ привѣтъ съ далекой родины. Послѣ этого на сцену появился новый нумеръ газеты Framsjaa (Обзоръ Фрама). Ее составлялъ докторъ, и большая часть составлявшихъ ее статей принадлежала его перу. Въ ней помѣщались стихотворенія, пѣсни, юмористическіе разсказы о всемъ, что дѣлалось на суднѣ, шутки и остроты, безобидныя насмѣшки надъ членами экипажа, надъ докторомъ, напрасно поджидающимъ паціентовъ, надъ ненавистникомъ картъ и карточной игры Амундсеномъ, надъ „Странствующимъ часовщикомъ“, который не любитъ возвращать часы, взятые въ по-

чинку, и т. под. По прочтеніи газеты началась музыка и пѣніе. Компанія поздно ночью разошлась по своимъ каютамъ.

Первый день праздника тоже былъ отпразднованъ особенно вкуснымъ обѣдомъ; вотъ какія кушанья подавались за нимъ: 1) супъ изъ бычачьихъ хвостовъ, 2) пуддингъ изъ рыбы съ картофелемъ и растопленнымъ масломъ, 3) жареная оленина съ горошкомъ, французскими бобами, картофелемъ и клюквеннымъ вареньемъ, 4) морошка со сливками (консервы), 5) пирожное и марцыпаны. Въ теченіе вечера подавали кофе съ ананасными конфетами, медовыми пряниками и разнымъ сухимъ пирожнымъ, винныя ягоды, миндаль и изюмъ. Всѣ были такъ сыты, что даже не захотѣли ужинать. Рѣшено было на время святокъ прекратить всѣ работы, кромѣ самыхъ необходимыхъ, да еще научныхъ наблюденій. Для развлеченія устраивали стрѣльбу въ цѣль съ призами, дѣлали прогулки по льду, много читали. Новый напоръ льдовъ открылъ широкую расщелину около судна. Ночью эта расщелина покрылась льдомъ, и замѣтно было легкое давленіе.

„Замѣчательно, какъ равнодушно мы относимся теперь къ такимъ напорамъ льда, которые, навѣрно, сильно встревожили бы многихъ изъ прежнихъ полярныхъ изслѣдователей! — пишетъ Нансенъ. — Мы не сдѣлали никакихъ приготовленій на случай несчастія, даже не вынесли на палубу ни припасовъ, ни палатки, ни платья. Это, пожалуй, можно назвать легкомысліемъ, но на самомъ дѣлѣ

намъ нечего было бояться, что напоръ льда причинитъ намъ вредъ: мы знаемъ, что̀ можетъ вынести *Фрамъ!* Гордые своимъ великолѣпнымъ, крѣпкимъ судномъ, мы стоимъ на палубѣ и наблюдаемъ, какъ ледъ трещитъ и разламывается о бока судна и продвигается внизъ, подъ его дно, между тѣмъ какъ новыя ледяныя массы надвигаются въ темнотѣ и, въ свою очередь, подвергаются той же участи. Тамъ и сямъ поднимается съ оглушительнымъ грохотомъ огромная масса, грозно кидается на бока судна и затѣмъ внезапно опускается по примѣру остальныхъ льдинъ. Однако, временами, когда среди обычнаго безмолвія ночи раздается вдругъ гулъ страшнаго напора, нельзя не вспомнить несчастій, которыя не разъ причиняла эта неукротимая сила".

31 декабря Нансенъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ:

„Лучшаго кануна новаго года не могло быть. Сѣверное сіяніе переливается чудными красками и полосами свѣта по всему небу, въ сѣверной его части. Тысячи звѣздъ сверкаютъ между сѣвернымъ сіяніемъ на голубомъ сводѣ небесъ. Во всѣ стороны тянется безконечная и безмолвная ледяная пустыня, объятая сумракомъ ночи. Покрытый инеемъ, такелажъ *Фрама* темнѣетъ на фонѣ сверкающихъ небесъ".

Въ общей каютѣ была, разумѣется, устроена торжественная встрѣча новаго года: угощались ананасомъ, винными ягодами, пирожнымъ и конфетами; въ полночь на столѣ появился грогъ, и Нансенъ произнесъ небольшую рѣчь: онъ говорилъ, что ста-

рый годъ во всякомъ случаѣ не былъ дурнымъ годомъ, и выразилъ надежду, что новый окажется еще лучше; онъ благодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за ихъ дружеское расположеніе и высказалъ увѣренность, что они всѣ и въ новомъ году будутъ жить такъ же дружно и пріятно. Послѣ рѣчи началось пѣніе тѣхъ пѣсенъ, которыми провожали отъѣзжавшихъ въ Христіаніи и Бергенѣ, и чтеніе послѣднихъ привѣтствій, полученныхъ въ Трамсё; затѣмъ пѣли еще разныя пѣсни, между прочимъ и тѣ, которыя были помѣщены въ послѣднемъ № „Обозрѣнія Фрама“.

Обѣдъ въ день новаго года былъ тоже праздничный: 1) супъ изъ томатовъ, 2) тресковая икра съ картофелемъ и топленымъ масломъ, 3) оленье жаркое съ зеленымъ горошкомъ, картофелемъ и вареньемъ изъ клюквы, 4) морошка съ молокомъ, пиво.

„Не знаю, — замѣчаетъ Нансенъ, — можно ли сказать, что люди, обѣдающіе такимъ образомъ, переносятъ большія лишенія и страданія! Я почти стыжусь той жизни, которую мы ведемъ здѣсь. Никакихъ мученій, описываемыхъ такими мрачными красками, какъ неизбѣжная принадлежность длинной зимней ночи, мы не ощущаемъ. Спокойная, правильная жизнь, какую мы ведемъ, мнѣ очень полезна, и я не помню, чтобы я когда-нибудь чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, какъ теперь. То же можно сказать и о всѣхъ моихъ товарищахъ; они всѣ выглядятъ здоровыми, хорошо питающимися

людьми; ни у кого не видно блѣдныхъ, впалыхъ щекъ, ни у кого незамѣтно угнетеннаго настроенія. Довольно слышать смѣхъ, раздающійся въ нашемъ салонѣ, и видѣть игру въ засаленныя карты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Да и откуда взялась бы болѣзнь? Прекрасная пища въ изобиліи и настолько разнообразная, что самые прихотливые люди не могли бы жаловаться; хорошее жилище и одежда, движеніе на чистомъ воздухѣ, никакой непосильной работы, занимательное чтеніе, развлеченія, игры въ карты и шахматы, музыка, разсказы,—кто можетъ хворать при такихъ условіяхъ? Особенно хорошее дѣйствіе оказываетъ на насъ то, что мы всѣ вмѣстѣ живемъ въ салонѣ, гдѣ у насъ все общее. Приготовленія къ этой экспедиціи заняли у меня много драгоцѣнныхъ лѣтъ моей жизни; но теперь я объ этомъ не жалѣю: моя цѣль достигнута. Наша зимовка на плавучемъ льдѣ не только во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ зимовки прежнихъ экспедицій, но имѣетъ такой видъ, какъ будто мы захватили сюда съ собою изъ Европы кусочекъ Норвегіи. Всѣ вмѣстѣ, въ одной каютѣ, гдѣ все у насъ общее, мы представляемъ маленькую частицу родины и съ каждымъ днемъ сближаемся тѣснѣе и крѣпче другъ съ другомъ“.

Одно, что нарушало общее хорошее настроеніе, это было слишкомъ медленное и неровное движеніе *Фрама*. 29 сентября экипажъ праздновалъ достиженіе 79°, а къ новому году, т.-е. черезъ три мѣсяца, онъ находился около 79°15′. Все это время

судно постоянно то подталкивало къ сѣверу, то тянуло къ югу, смотря по тому, какой дулъ вѣтеръ, южный или сѣверный. Несмотря на это, экипажъ не терялъ вѣры въ успѣхъ предпріятія, не сомнѣвался въ томъ, что первоначальные расчеты и предположенія были правильны. Когда наблюденія показывали движеніе на югъ, раздавался общій вздохъ разочарованія; но всѣ глаза снова загорались радостной надеждой, какъ только оказывалось, что *Фрамъ* хоть на нѣсколько саженъ приблизился къ цѣли.

Всѣхъ больше волновался, разумѣется, Нансенъ. Онъ видѣлъ, какою вѣрою въ него и въ его теорію проникнуты всѣ его товарищи, и мысль, что онъ, быть можетъ, заблуждается и ихъ вводитъ въ заблужденіе, подчасъ не на шутку мучила его. Иногда онъ старался убѣдить себя, что самое главное благополучно провести всю экспедицію и въ хорошемъ состояніи вернуться домой, все равно, удастся ли достигнуть полюса или нѣтъ. Онъ мысленно перебиралъ всѣ доказательства, которыя раньше приводилъ въ защиту своего плана, и убѣждалъ себя, что онъ обязанъ былъ предпринять экспедицію, такъ какъ чувствовалъ, что этотъ планъ долженъ увѣнчаться успѣхомъ, что онъ не виноватъ, если планъ не удастся, что онъ сдѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло, и можетъ со спокойной совѣстью вернуться къ счастливой домашней жизни.

„Что же изъ того, поможетъ или не поможетъ намъ случай, — разсуждаетъ онъ, — сдѣлаетъ

или не сдѣлаетъ онъ наши имена безсмертными! Достоинство плана не измѣнится отъ этого. Все это я повторяю себѣ тысячу разъ; я могу даже заставить себя искренно повѣрить, что мнѣ безразличенъ исходъ экспедиціи. Тѣмъ не менѣе настроеніе мое мѣняется, точно видъ облаковъ въ небесахъ, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ, какую глубину показываетъ лотъ, указываютъ ли наблюденія на движеніе къ сѣверу или къ югу. Когда я думаю о множествѣ людей, вѣрящихъ намъ, о норвежцахъ, о друзьяхъ, пожертвовавшихъ намъ своимъ временемъ и деньгами, во мнѣ загорается желаніе, чтобы ихъ не постигло разочарованіе, и мнѣ становится грустно, когда наше плаваніе идетъ не такъ, какъ мы ожидали. А *она*, больше всѣхъ пожертвовавшая мнѣ, развѣ *она* не заслуживаетъ того, чтобы жертва ея не была напрасна? Нѣтъ, мы хотимъ и должны имѣть успѣхъ!"

Первый мѣсяцъ новаго года, повидимому, сулилъ этотъ успѣхъ Почти въ теченіе всего января дулъ юго-западный вѣтеръ, и 2 февраля наблюденія показали 80°10′ широты. Вслѣдствіе этого на *Фрамѣ* устроенъ былъ праздникъ.

Чѣмъ ближе къ концу приближалась зима, тѣмъ сильнѣе становились морозы, и въ началѣ февраля они достигали 47—48°. Часто въ это время въ каютахъ бывало больше 20° тепла, такъ что поднимаясь на палубу, путешественники сразу испытывали пониженіе температуры на цѣлыхъ 70 градусовъ! Холодъ прямо можно было видѣть: отъ дыха-

нія вокругъ каждаго человѣка образовывалось густое облако пара; стоило плюнуть на палубу — и надъ сырымъ мѣстомъ тотчасъ же поднималось маленькое облачко. *Фрамъ* постоянно выдѣлялъ туманъ, который уносился вѣтромъ; а человѣка и собаку можно было распознать между ледяными холмами по столбу пара, который слѣдовалъ за ними. Экипажъ *Фрама* былъ удивительно нечувствителенъ къ холоду. Выскочить на палубу безъ шапки, безъ теплаго платья, въ туфляхъ, чтобы полюбоваться на сѣверное сіяніе или чтобы подстрѣлить медвѣдя, имъ ничего не стоило. Скоттъ-Гансенъ и Іогансенъ, несмотря ни на какой морозъ, самымъ аккуратнымъ образомъ дѣлали свои наблюденія. Черезъ каждые четыре часа они осматривали термометры на палубѣ, въ салонѣ, на бочкѣ и на льду, барометры и другіе инструменты и тщательно записывали показанія ихъ. Астрономическія наблюденія производились черезъ каждые два дня, чтобы опредѣлить положеніе судна и знать съ точностью, какіе успѣхи оно сдѣлало. Работать надъ инструментами, поворачивать голыми пальцами винты при 40-градусномъ морозѣ — дѣло далеко не пріятное. Очень часто Гансену приходилось прятать руки и бѣгать взадъ и впередъ по палубѣ, громко стуча ногами. Когда онъ послѣ такого танца, отъ котораго дрожало все судно, спускался въ общую каюту, его обыкновенно встрѣчали громкимъ смѣхомъ и самымъ невиннымъ тономъ спрашивали:

— Не холодно ли на палубѣ?

— Нисколько, — отвѣчалъ Гансенъ, — совсѣмъ мягкая погода.

— А ноги у васъ озябли?

— Нѣтъ, нельзя сказать; только пальцы иногда какъ-будто коченѣли.

Онъ отморозилъ себѣ два пальца, но все-таки ни за что не соглашался надѣвать одежду изъ волчьяго мѣха, приготовленную для метеорологовъ.

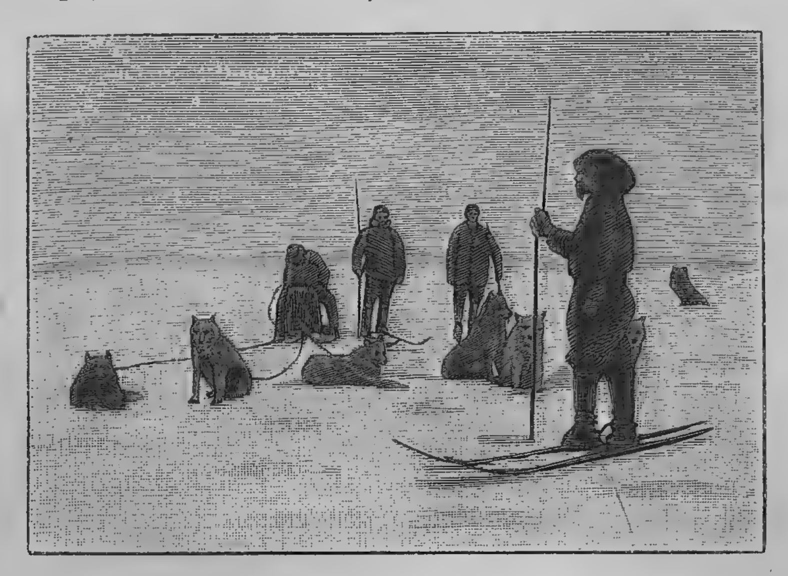
— Для такой одежды еще слишкомъ тепло, — говорилъ онъ, — не хорошо такъ себя нѣжить!

Дошло до того, что одинъ разъ, при 40° морозѣ, Гансенъ выбѣжалъ на палубу дѣлать наблюденія въ одной рубашкѣ и панталонахъ. Онъ увѣрялъ, что ему некогда было надѣть платье.

Прогулки по льду тоже не прерывались изъ-за погоды. Очень часто запрягали въ сани собакъ, и онѣ понемногу пріучались слушаться возницу. Обыкновенно, когда предстояло ѣхать по гладкому, плоскому льду, въ сани садилось двое и запрягали четырехъ собакъ. Во время этихъ катаній никто и не думалъ кутаться.

„Вчера, — разсказываетъ Нансенъ, — я былъ одѣтъ слишкомъ тепло: на ногахъ — кальсоны и брюки, чулки, гамаши, чулки для снѣга и финскіе башмаки; а затѣмъ обыкновенная рубашка, воротникъ изъ волчьяго мѣха и куртка на тюленьемъ мѣху. Я потѣлъ въ этой одеждѣ, точно лошадь. Сегодня я сидѣлъ смирно въ саняхъ и ѣхалъ одѣтый въ тонкія панталоны, въ шерстяную рубашку, жилетку, вязаную шерстяную куртку и суконную

куртку на тюленьемъ мѣху. Я нашелъ температуру очень пріятной (было 42°) и сегодня опять вспотѣлъ. Вчера, какъ и сегодня, я надѣлъ-было на лицо

красную фланелевую маску, но мнѣ отъ нея сдѣлалось такъ жарко, что я ее снялъ, несмотря на рѣзкій холодный вѣтеръ съ сѣвера".

VI.

16-го февраля надъ самымъ краемъ льда, на горизонтѣ, вдругъ появилось солнце, въ видѣ плоской огненнокрасной полосы. Это не столько обрадовало, сколько испугало путешественниковъ. По ихъ вычисленіямъ, солнце должно было показаться не раньше 20-го числа: если они его увидѣли 16-го, значитъ, они находятся гораздо южнѣе, чѣмъ пред-

полагали. Скоро, однако, болѣе подробное наблюденіе показало, что имъ видится не настоящее солнце, а его отраженіе въ морозномъ воздухѣ, „ложное солнце“. Это отраженіе имѣло видъ нѣсколькихъ огненныхъ линій, пересѣченныхъ темными полосами, точно красное четырехугольное солнце. На слѣдующій день повторилось то же явленіе, но ложное солнце стояло выше надъ горизонтомъ и имѣло почти форму круга.

Наконецъ, 20 февраля взошло настоящее солнце, но на *Фрамѣ* его не видѣли, такъ какъ густыя облака покрывали небо. Тѣмъ не менѣе въ честь его устроенъ былъ праздникъ: утромъ стрѣльба въ цѣль, обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, кофе, особенный пирогъ „Фрамъ“, вечеромъ угощеніе ананасами, пирожнымъ, винными ягодами, бананами и конфетами. Страшная полярная ночь миновала; при дневномъ свѣтѣ лица путешественниковъ вовсе не казались блѣдными и изможденными, какъ бывало съ прежними изслѣдователями арктическихъ областей; напротивъ, яркое солнце освѣтило круглыя, хорошо упитанныя физіономіи. Каюты продолжали освѣщаться электричествомъ; но его свѣтъ не казался уже такимъ яркимъ и веселымъ, какъ среди ночной тьмы; напротивъ, спускаясь съ палубы, залитой блестящими лучами солнца, въ каюты, всѣ испытывали такое ощущеніе, точно попали въ полутемный погребъ.

Легко было наблюдать, какъ съ каждыми сутками день удлиняется, солнце поднимается все выше

и выше надъ горизонтомъ; но температура отъ этого не становилась теплѣе. Напротивъ, въ концѣ февраля и началѣ марта стояли такіе морозы, какихъ не бывало въ декабрѣ: температура доходила до 50°, даже до 52° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Это не заставляло экипажъ *Фрама* прерывать ни своихъ научныхъ наблюденій, ни прогулокъ въ саняхъ и на лыжахъ. 11-го марта Нансенъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Прогулка на лыжахъ на сѣверъ. Температура 50°, довольно сильный вѣтеръ. Холодъ не очень чувствителенъ, только низъ живота и ноги у насъ сильно озябли, такъ какъ никто изъ насъ не догадался надѣть „панталоны отъ вѣтра“ (такъ мы называемъ легкія панталоны изъ тонкаго сукна, служащія для защиты отъ вѣтра и снѣга), и на насъ были надѣты обыкновенныя шерстяныя панталоны. На верхней части тѣла у нѣкоторыхъ изъ насъ была рубашка и воротникъ изъ волчьяго мѣха, у другихъ — обыкновенный шерстяной костюмъ и куртка на оленьемъ мѣху. Первый разъ въ жизни чувствовалъ я, что у меня мерзнутъ ноги, а именно колѣни. Мои спутники испытывали то же самое. Это ощущеніе появилось послѣ того, какъ мы довольно долго бѣжали противъ вѣтра. Мы стали растирать ноги, и онѣ опять согрѣлись; но я думаю, что мы сильно отморозили бы ихъ, если бы продолжали бѣжать, не обращая вниманія на холодъ. Въ другихъ отношеніяхъ мы не имѣли никакихъ основаній жаловаться на погоду. Наоборотъ,

температура была пріятная, и я убѣжденъ, что пониженіе ея еще на 10—20°, пожалуй даже на 30°, вполнѣ переносимо для человѣка".

Въ другомъ мѣстѣ своего дневника онъ восклицаетъ:

„Я смѣюсь надъ цынгой: нѣтъ мѣста болѣе здороваго, чѣмъ наше судно! Я смѣюсь надъ могуществомъ льда: мы живемъ точно въ неприступномъ укрѣпленіи. Я смѣюсь надъ холодомъ — онъ ничто! Но надъ вѣтрами я не смѣюсь: они составляютъ все, они не подчиняются никакой человѣческой волѣ".

Вѣтеръ оказывался, дѣйствительно, непріятелемъ Нансена, безпрестанно разрушавшимъ его надежды и часто доводившимъ его до унынія. Съ половины февраля до половины марта почти все время дулъ сѣверный вѣтеръ, медленно, но неудержимо увлекавшій судно на югъ.

„О, это бездѣятельное состояніе временами дѣйствуетъ поистинѣ угнетающимъ образомъ,—жалуется Нансенъ. — Жизнь представляется такою же мрачною, какъ и зимняя ночь. Нигдѣ ни одного солнечнаго луча, только развѣ въ прошедшемъ да въ очень отдаленномъ будущемъ!.. Но развѣ не можетъ произойти что-нибудь? Вдругъ налетитъ ураганъ, который сломаетъ весь этотъ ледъ и приведетъ его въ движеніе, словно высокія волны открытаго моря? Пусть наступитъ бѣда, пусть мы должны будемъ бороться за свою жизнь; но только бы мы двигались впередъ! Играть роль бездѣятельнаго зрителя, не имѣть возможности пошевелить рукой, чтобы

двинуться впередъ — это ужасно! Я стою и смотрю на безотрадныя ледяныя пространства съ ихъ равнинами, горами и долинами, образовавшимися подъ вліяніемъ напора льдинъ. Солнце освѣщаетъ ихъ своими яркими лучами. Посреди находится *Фрамъ*, недвижимо заключенный во льду. Когда же ты, мое гордое судно, снова будешь свободно плыть по открытому морю?"

Впрочемъ, припадки унынія рѣдко находили на Нансена. Малѣйшій поворотъ вѣтра, движеніе судна на одну минуту къ сѣверу — и бодрость возвращалась къ нему.

„Послѣ обѣда подулъ легкій южный вѣтерокъ,—отмѣчаетъ онъ 10-го марта.—Мнѣ онъ принесъ пользу, какъ всегда, разсѣявъ мое уныніе. Сегодня у меня опять бодрое настроеніе, и я снова могу предаваться счастливымъ мечтамъ о большой странѣ на сѣверѣ, съ горами и долинами, о томъ, какъ мы сидимъ у подножія горъ и жаримся на солнцѣ, ожидая весны. По льдинамъ этой страны мы совершимъ свой путь до самаго полюса".

Въ другой разъ онъ утѣшалъ себя такимъ разсужденіемъ:

„Наша настоящая задача — изслѣдовать неизвѣстныя полярныя области. Развѣ мы ничего не дѣлаемъ для науки? Мы привеземъ съ собой богатый запасъ наблюденій, произведенныхъ въ этой области, которая теперь уже становится хорошо извѣстной намъ. Остальное же есть и останется вопросомъ тщеславія. Истину надобно любить больше, чѣмъ успѣхъ".

Когда уныніе и сомнѣніе слишкомъ угнетали Нансена, онъ искалъ забвенія въ трудѣ. Кромѣ физической работы, которою онъ занимался такъ же, какъ и прочіе члены экспедиціи, онъ посвящалъ очень много времени научнымъ наблюденіямъ. Безпрестанно дѣлалъ онъ измѣренія температуры на разныхъ глубинахъ воды и измѣренія плотности льда. Кромѣ того, оказывалось, что толстый ледяной покровъ, сковывавшій моря и земли, не уничтожалъ жизни въ нѣдрахъ океана: тамъ, подъ этимъ покровомъ, копошился цѣлый богатый міръ животныхъ и растеній. Въ полыньи, въ расщелины между льдинами закидывали сѣти и вытаскивали массу водорослей, морскихъ звѣздъ, медузъ, полиповъ, червей, губокъ, ракушекъ и ракообразныхъ, свѣтившихся фосфорическимъ блескомъ. Нансенъ проводилъ цѣлые дни надъ микроскопомъ, изучая ихъ и составляя богатыя коллекціи флоры и фауны далекаго сѣвера.

Пасха была въ этотъ годъ ранняя и праздновалась 25 марта. Рѣшено было къ этому дню впустить въ общую каюту солнечный свѣтъ. Въ теченіе всей зимы, для предохраненія отъ холода, люкъ былъ покрытъ снѣгомъ; вокругъ него были поставлены собачьи конуры. Теперь снѣгъ и ледъ были выброшены, доски люка подняты, и стекла чисто вымыты. Дневной свѣтъ, ворвавшись въ каюту, сразу придалъ ей болѣе веселый видъ и подѣйствовалъ на настроеніе ея обитателей. Вставать утромъ и видѣть, что настала день, было куда пріятнѣе,

чѣмъ и днемъ, и вечеромъ довольствоваться мертвенно блѣднымъ электрическимъ свѣтомъ.

Отпраздновавъ Пасху, по своему обыкновенію, обильными кушаньями и отдыхомъ отъ работъ, экипажъ *Фрама* съ новой энергіей принялся за свои прерванныя занятія. Въ кузницѣ Ларса Петерсена снова усиленно застучалъ молотъ: тамъ приготовлялись топоры, ножи и остроги для медвѣдей, кромѣ того ковались гвозди, такъ какъ запасъ взятыхъ съ собой гвоздей уже весь вышелъ; въ другомъ мѣстѣ чинили лампы, въ третьемъ дѣлали скрѣпленія для лыжъ, въ четвертомъ мастерили деревянные башмаки. Свердрупъ устраивалъ паруса для лодокъ. Попробовали связать вмѣстѣ двое маленькихъ санокъ и прикрѣпить къ нимъ парусъ; оказалось, что при попутномъ даже слабомъ вѣтрѣ онѣ превосходно двигаются. Рѣшено было изготовить побольше маленькихъ санокъ и парусовъ на случай, если бы пришлось возвращаться домой по льду. Нансенъ придумалъ изготовлять цинковые диски для гармоніума, такъ какъ картонные испортились отъ сырости и долгаго употребленія; послѣднее время въ общей каютѣ не слышно было музыки, а безъ нея всѣмъ казалось скучно. Опытъ Нансена вышелъ удачнымъ, и онъ вмѣстѣ съ Амундсеномъ усердно занялся изготовленіемъ такихъ дисковъ. Веселые звуки вальса разнеслись по *Фраму* и внесли оживленіе въ вечернія собранія. Докторъ все не могъ дождаться паціентовъ и, чтобы не сидѣть сложа руки, завелъ переплетную мастерскую. Книги, быв-

шія на *Фрамѣ*, такъ усердно читались, что совсѣмъ истрепались, и необходимо было снабдить ихъ прочными переплетами. Особенно усердно занимались всѣ писаніемъ дневниковъ: каждый аккуратно и подробно записывалъ все, что съ нимъ случалось въ путешествіи.

„Короче сказать, — замѣчаетъ Нансенъ, — нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы мы не дѣлали; только одного мы не можемъ сдѣлать — хорошаго вѣтра".

6-го апрѣля однообразное теченіе жизни на *Фрамѣ* было прервано событіемъ, которое весь экипажъ ожидалъ съ большимъ интересомъ: солнечнымъ затменіемъ. Ночью Гансенъ вычислилъ, что на томъ пунктѣ долготы и широты, на которыхъ они находились, затменіе начнется въ 12 часовъ 56 минутъ. Очень важно было уловить моментъ начала затменія, такъ какъ по этому можно было вполнѣ точно провѣрить часы. Поэтому всѣ необходимые инструменты были съ утра приготовлены, и наблюденія начались съ 11 часовъ. Нансенъ, Іогансенъ и Гансенъ стояли поочередно по пяти минутъ каждый передъ большою подзорною трубою и внимательно смотрѣли на края солнца; кто-нибудь другой стоялъ тутъ же и наблюдалъ за часами. Такъ прошло почти два часа. Наконецъ, Гансену, смотрѣвшему въ это время въ подзорную трубу, почудилось какое-то дрожаніе краевъ солнца; через 33 секунды онъ вскричалъ:

— Началось!

И въ тотъ же моментъ то же воскликнулъ Іоган-

сенъ. Часы показывали 12 ч. 56 мин. 7⁵/₈ сек. Оказалось, что они ушли впередъ всего на 7⁵/₈ секундъ. Это было очень пріятнымъ открытіемъ для всѣхъ, особенно для Гансена, который на *Фрамѣ* игралъ роль часовщика.

Весна принесла мало перемѣнъ въ безжизненную ледяную пустыню. Въ сѣверной Европѣ апрѣль— мѣсяцъ чуднаго пробужденія природы: рѣки сбрасываютъ свои ледяныя оковы, ручейки весело журчатъ, лѣсъ одѣвается свѣжей листвой, среди ярко-зеленой муравы появляются бѣленькіе и голубенькіе цвѣточки, перелетныя птицы оглашаютъ воздухъ своимъ пѣніемъ, въ лугахъ начинаютъ порхать пестрыя бабочки. Всѣ эти картины невольно проносились передъ глазами обитателей *Фрама*, когда они изо дня въ день видѣли передъ собою все ту же бѣлую, безжизненную массу, ту же безконечную ледяную равнину. Солнце почти не скрывалось за горизонтомъ, и въ лучахъ его ослѣпительно-ярко горѣли ледяныя глыбы.

Все было бѣло кругомъ, насколько можетъ хватать глазъ, и среди этой бѣлой, безмолвной, безжизненной пустыни единственнымъ чернымъ пятномъ и единственнымъ обитаемымъ мѣстомъ являлся *Фрамъ*. Судно тщательно очистили отъ снѣга и льда, и темный такелажъ его рѣзко выдѣлялся на голубомъ небѣ, а позолоченные шарики флаговъ на верхушкахъ мачтъ сверкали на солнцѣ.

На солнечной сторонѣ палубы термометръ показывалъ 2—3° тепла, а въ тѣни было около 20° мо-

роза. Во второй половинѣ марта вѣтеръ сталъ болѣе благопріятнымъ, и *Фрамъ* снова подвинулся на сѣверъ; въ концѣ апрѣля онъ находился на широтѣ 80°44′.

„Мы двигаемся съ быстротой улитки, — говоритъ Нансенъ, — но менѣе вѣрными шагами, чѣмъ она. Если все путешествіе пойдетъ съ такою же быстротою, то мы можемъ достигнуть полюса мѣсяцевъ черезъ 50, и столько же понадобится намъ на возвратный путь, т.-е. въ лучшемъ случаѣ мы будемъ дома не раньше, чѣмъ черезъ 8 лѣтъ!“

Замѣчательно, что носъ *Фрама* все время былъ повернутъ къ югу и отчасти къ югу-западу. Нансенъ писалъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ:

„*Фрамъ* идетъ къ своей цѣли — сѣверному полюсу—задомъ; носъ судна постоянно повернутъ къ югу. Какъ будто судно боится увеличить разстояніе, отдѣляющее его отъ міра, какъ будто оно тоскуетъ по южнымъ широтамъ, между тѣмъ какъ невѣдомая сила увлекаетъ его въ неизвѣстныя области. Можно ли считать это дурнымъ предзнаменованіемъ? Не думою: вѣдь ракъ все-таки въ концѣ концовъ достигаетъ же своей цѣли“.

VII.

Въ теченіе лѣта движеніе судна стало нѣсколько быстрѣе, и въ іюнѣ мѣсяцѣ оно дошло до 81°52′. Это все-таки казалось слишкомъ медленно для Нансена, тѣмъ болѣе, что движеніе это не было по-

стояннымъ: стоило перемѣниться вѣтру, и *Фрамъ* снова направлялся къ югу. Еще раньше, среди зимы, у Нансена нѣсколько разъ появлялось намѣреніе оставить корабль и попытаться въ саняхъ, на собакахъ, пробраться на сѣверъ. Поэтому во время всѣхъ своихъ экскурсій онъ обращалъ самое большое вниманіе на состояніе льда. Въ апрѣлѣ ледъ оказывался наиболѣе удобнымъ для путешествія. Солнце сгладило верхнюю поверхность льда; число трещинъ и канавъ уменьшилось. Но въ маѣ произошла перемѣна: вѣтеръ во многихъ мѣстахъ разломалъ ледъ, и образовались такія широкія канавы, что проѣхать черезъ нихъ на собакахъ не было никакой возможности. Иногда по этимъ канавамъ плавали льдины, покрытыя снѣгомъ, и еще увеличивали опасность, такъ какъ на видъ казались твердыми, а между тѣмъ палка свободно проходила сквозь нихъ. Чѣмъ дальше подвигалось дѣло къ лѣту, тѣмъ мягче становился ледъ. Ледяныя глыбы всюду покрылись грязнымъ льдомъ, подъ которымъ была вода, между возвышенностями лежалъ густой снѣгъ, на которомъ можно было провалиться по поясъ; лыжи не держались на этомъ рыхломъ снѣгу и безпрестанно проваливались въ воду. На льдинахъ стали скопляться большія лужи воды, которыя иногда принимали размѣры маленькихъ озеръ. Съ начала іюня такая лужа стала образовываться около *Фрама*, и скоро судно было окружено цѣлымъ озеромъ воды, такъ что пришлось настилать мостки, чтобы съ него переходить на льдины. Съ лѣвой стороны

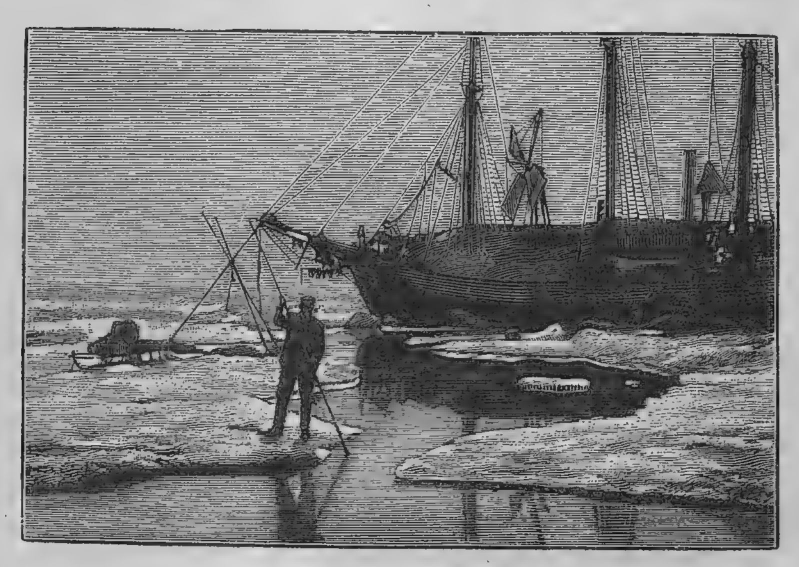
корабля озеро приняло такіе значительные размѣры, что по нему можно было кататься на лодкѣ подъ парусами или на веслахъ. Экипажъ *Фрама*, конечно, не замедлилъ устроить себѣ изъ этого новое развлеченіе. Человѣкъ пять-шесть усаживались въ лодку и упражнялись въ управленіи четыреугольнымъ парусомъ; а остальные въ это время, стоя на льдинахъ, бомбардировали ихъ снѣжками и кусочками льда.

На этомъ же озерѣ они попробовали, можетъ ли большая лодка поднять ихъ всѣхъ, 13 человѣкъ. Когда собаки увидѣли, что всѣ люди уходятъ съ судна и направляются къ лужѣ, онѣ послѣдовали за ними, видимо недоумѣвая, что̀ значитъ такое передвиженіе; когда же сѣли въ лодку, онѣ подняли отчаянный вой, вѣроятно, воображая, что больше никогда не увидятъ своихъ хозяевъ. Нѣкоторыя изъ собакъ бросились въ воду и поплыли за лодкой, двое догадались обѣжать лужу кругомъ и встрѣтить людей на противоположномъ берегу. Не долго удалось экипажу *Фрама* забавляться катаньемъ въ лодкѣ: черезъ нѣсколько дней ихъ озеро исчезло,— вода проложила себѣ отверстіе во льду и утекла сквозь него.

Такія лужи и канавы шли во всѣхъ направленіяхъ; но ни одна изъ канавъ не была настолько широка, чтобы *Фрамъ* могъ плыть по ней, да и всѣ эти вмѣстилища воды были такъ невелики, что по нимъ судно приблизилось бы всего на нѣсколько саженъ къ сѣверу. И вотъ *Фрамъ* продолжалъ спокойно и удобно стоять на поверхности льдины, къ

которой примерзъ; только къ концу лѣта онъ немного опустился, вѣроятно, отъ того, что нижняя поверхность льда нѣсколько подтаяла.

Собаки были недовольны лѣтомъ. Хотя въ тѣни термометръ постоянно показывалъ нѣсколько градусовъ мороза, но онѣ задыхались отъ жары. Ихъ окончательно переселили на ледъ и устроили имъ

Фрамъ лѣтомъ.

изъ ящиковъ двѣ длинныя конуры, имѣющія только три стѣны и крышу. Тамъ собаки проводили бòльшую часть дня, что̀ спасало судно отъ лишней нечистоты; но зато дежурный караульный долженъ былъ зорко стеречь свору отъ новаго нападенія медвѣдя. На ночь собакъ привязывали, а утромъ въ девятомъ часу ихъ спускали съ цѣпи, и онѣ каждый разъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждали

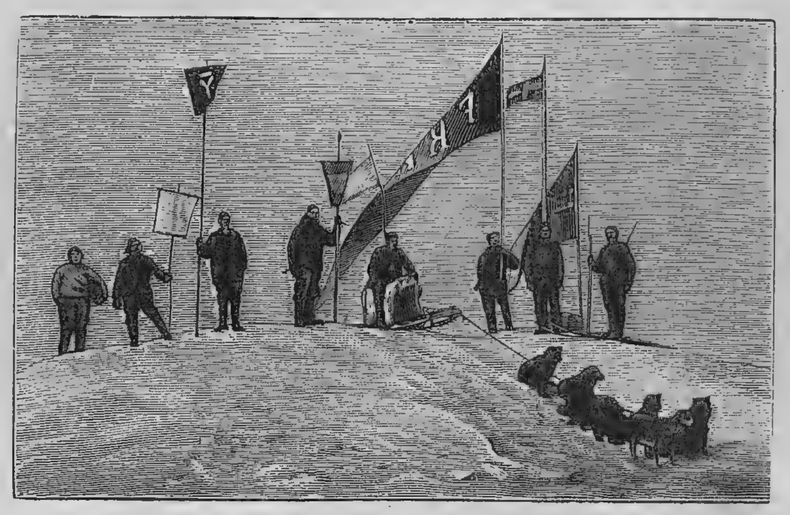
своего освобожденія. Какъ только кто-нибудь показывался на палубѣ, тотчасъ же раздавался оглушительный лай. Собакъ выпускали на свободу и затѣмъ давали имъ завтракъ, состоящій изъ сушеной рыбы и пироговъ. Остальное утро онѣ проводили въ томъ, что подробно изслѣдовали всѣ мусорныя кучи вокругъ корабля и въ сотый разъ осматривали и вылизывали всѣ пустыя жестянки. Если случалось повару бросить на ледъ пустую коробку, изъ-за нея тотчасъ же начиналась яростная борьба. Иногда случалось, что, стараясь достать кусокъ жира, оставшійся на днѣ узкой, глубокой жестянки, собака далеко засовывала въ нее морду и затѣмъ не могла освободиться. Тогда она начинала бѣгать съ жестянкой на головѣ и продѣлывала на льду уморительные прыжки, чтобы избавиться отъ этого непріятнаго украшенія.

Уставъ и запыхавшись послѣ своего изслѣдованія мусорныхъ кучъ, собаки растягивались на солнцѣ, когда оно не сильно грѣло, чаще же искали тѣни. Передъ обѣдомъ ихъ обыкновенно опять привязывали, но нѣкоторыя изъ нихъ ухитрялись улизнуть и спрятаться гдѣ-нибудь за льдиной, такъ что виднѣлся только кончикъ уха или головы. Когда къ нимъ подходили, чтобы увести ихъ, онѣ принимались ворчать и даже скалили зубы. Но имъ не позволяли своевольничать и насильно тащили въ тюрьму. По временамъ собаки поднимали такой вой, что слышно было на нѣсколько верстъ въ окружности; иногда онѣ дрались между собой такъ ожесточенно, что клочья шерсти разлетались во всѣ стороны.

Когда морозы стали полегче, щенковъ Квикъ перевели на палубу, гдѣ они тотчасъ же обнюхали всѣ собачьи конуры, познакомились съ большими собаками и очень мило рѣзвились не только днемъ, но даже ночью. Съ наступленіемъ лѣта ихъ выпускали на ледъ, гдѣ Квикъ тотчасъ же стала дѣлать съ ними дальнія прогулки, чтобы познакомить ихъ съ окружающею мѣстностью. Сначала щенки робко оглядывались во всѣ стороны и не рѣшались удаляться отъ корабля. Но мало-по-малу они освоились съ ледяной поверхностью и принялись неудержимо возиться и играть. Квикъ, видимо, очень гордилась своими дѣтками и весело бѣгала съ ними, хотя передъ этимъ только-что вернулась изъ довольно большого путешествія въ упряжкѣ. Послѣ обѣда съ однимъ изъ щенковъ сдѣлался вдругъ странный припадокъ: онъ, какъ безумный, бѣгалъ вокругъ судна, лаялъ и кусалъ все, что̀ ему попадалось на пути. Съ трудомъ удалось загнать его и запереть въ огороженное со всѣхъ сторонъ мѣстечко палубы. Тамъ онъ бѣсновался еще нѣсколько времени, потомъ затихъ, заснулъ и на другой день былъ здоровъ. Такіе припадки начали нѣсколько разъ повторяться со щенками, и нѣкоторые изъ нихъ кончились смертью. Первымъ околѣлъ самый большой и на видъ самый крѣпкій изъ щенковъ. Наканунѣ онъ былъ совершенно веселъ, ласкался къ людямъ и заигрывалъ съ ними. За завтракомъ онъ ѣлъ, какъ обыкновенно, а потомъ вдругъ началъ визжать, выть, лаять и бѣгать, какъ бѣшеный. Послѣ этого

у него сдѣлались судороги, показалась пѣна у рта, и черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ, къ общему огорченію всего экипажа. Докторъ вскрылъ трупъ, но не нашелъ причины болѣзни. Послѣ этого точно такимъ же образомъ погибло еще три собачки. Въ концѣ лѣта Квикъ снова принесла 11 щенковъ. Трое издохли въ первые дни послѣ рожденія, а остальные выросли славными животными.

17-го мая на *Фрамѣ* торжественно отпраздновали день, чтимый всѣми норвежцами, тотъ день, когда

Праздникъ 17-го мая.

Норвегія соединилась со Швеціей подъ властью одного короля, сохранивъ при этомъ свой собственный парламентъ, свое самоуправленіе.

Утромъ Амундсенъ разбудилъ всѣхъ веселой музыкой гармоніума. Затѣмъ поданъ былъ особенно

вкусный завтракъ изъ копченой лососины, копченаго языка и т. п. Весь экипажъ украсилъ себя бантами изъ лентъ и даже старой собакѣ Сутгенъ нацѣпили бантъ на хвостъ; на верхушкѣ мачты весело развѣвался норвежскій флагъ.

Къ 11 часамъ экипажъ собрался на льду, и началась торжественная процессія. Впереди шелъ Нансенъ съ норвежскимъ флагомъ въ рукахъ, за нимъ слѣдовалъ Свердрупъ съ корабельнымъ вымпеломъ въ три сажени длины, на которомъ красовалась надпись „Фрамъ" на красномъ фонѣ; затѣмъ слѣдовала музыка въ саняхъ, запряженныхъ собаками: Іогансенъ съ гармоникой въ рукахъ и Могштадъ вмѣсто кучера. Вслѣдъ за ними шли Бентсенъ съ ружьемъ, Гендриксенъ съ длиннымъ гарпуномъ, Амундсенъ и Нордаль съ краснымъ знаменемъ, далѣе докторъ съ флагомъ, сдѣланнымъ изъ шерстяной фуфайки, навязанной на длинную палку; поваръ Юэль выступалъ, держа на спинѣ кастрюлю; шествіе замыкали метеорологи съ чернымъ жестянымъ щитомъ, украшеннымъ красными лентами. Процессія двинулась. Собаки выступали такъ важно, точно для нихъ было вполнѣ привычнымъ дѣломъ участвовать въ церемоніяхъ; музыка играла торжественный маршъ. Процессія два раза обошла вокругъ *Фрама* и затѣмъ направилась къ ледяному холму; по пути Нансенъ снялъ съ нея фотографію. Взойдя на вершину ледяной глыбы, прокричали восторженное ура въ честь *Фрама* и пожеланіе, чтобы это образцовое судно благополучно привезло домой всѣхъ присутствовавшихъ.

Затѣмъ процессія повернула передъ носомъ судна. Нансенъ, стоявшій на мостикѣ съ своимъ фотографическимъ аппаратомъ, сказалъ соотвѣтствующую случаю рѣчь, за которой послѣдовалъ громкій салютъ изъ шести ружей; нѣсколько собакъ такъ испугались его, что разбѣжались и спрятались. Послѣ этого собакамъ предоставлено было веселиться по-своему на льду, а люди вошли въ общую каюту, разукрашенную флагами, и принялись за праздничный обѣдъ съ музыкой. Подавались слѣдующія кушанья: маленькія жареныя рыбки съ омаромъ подъ острымъ соусомъ; картофель съ топленымъ масломъ (музыка); свиныя котлеты подъ соусомъ съ зеленымъ горошкомъ, картофелемъ и пикулями (музыка); яичный тортъ съ кремомъ и абрикосами (много музыки). Затѣмъ отдыхъ и потомъ кофе, изюмъ, винныя ягоды и пирожное. Нансенъ угостилъ всѣхъ своими сигарами. Снова отдыхъ. Послѣ ужина Могштадъ игралъ на скрипкѣ, и затѣмъ опять подавался десертъ изъ винныхъ ягодъ, конфетъ, абрикосовъ и пряниковъ.

Въ Ивановъ день миновалъ ровно годъ со времени начала путешествія. Наканунѣ этого дня экипажъ *Фрама* собирался, по обычаю своей родины, построить костеръ и прыгать черезъ него; но погода помѣшала этому.

„Сѣверный вѣтеръ съ мокрымъ снѣгомъ продолжается, — пишетъ Нансенъ въ своемъ дневникѣ. — Пасмурная погода. Теченіе къ югу. 81°43′ сѣверной широты; слѣдовательно, съ понедѣльника мы ушли

къ югу на 9 минутъ. Я пережилъ много кануновъ Иванова дня подъ разными небесами, но ни разу еще не проводилъ его такъ, какъ теперь. Такъ далеко, далеко отъ жизни, отъ всего, что̀ соединено съ мыслью объ этомъ вечерѣ. Я вспоминаю веселье, которое въ этотъ день царитъ вокругъ праздничныхъ огней на родинѣ; мнѣ слышится игра на скрипкѣ, смѣхъ, ружейные выстрѣлы и эхо, повторяющее ихъ въ голубыхъ вершинахъ горъ, а передо мною безконечная бѣлая равнина, окутанная туманомъ, и надъ нею кружится мятель: вѣтеръ гонитъ передъ собою снѣгъ. Да, надо сказать правду, здѣсь нѣтъ и слѣда веселья, свойственнаго Иванову дню. Здѣсь все сѣро и сѣро!"

Лѣто доставило новую пищу для научныхъ наблюденій Нансена. Поверхность почти всѣхъ льдинъ оказалась покрытою налетомъ грязнокоричневаго цвѣта; чисто бѣлыя льдины попадались очень рѣдко. Этотъ налетъ сильно интересовалъ и Нансена, и доктора. Они собирали образцы его, тщательно изслѣдовали его подъ микроскопомъ и нашли, что онъ состоитъ изъ крошечныхъ частицъ разныхъ минеральныхъ веществъ, смѣшанныхъ съ веществами органическаго происхожденія, т.-е., что составъ его одинаковъ съ составомъ той пыли, которая постоянно носится въ нашемъ воздухѣ. По всей вѣроятности, эта пыль насѣдаетъ на падающій снѣгъ и съ нимъ вмѣстѣ спускается на землю. Лѣтомъ снѣгъ стаиваетъ съ поверхности льдинъ, а пыль лежитъ на нихъ цѣлымъ слоемъ.

Какъ только солнечные лучи пригрѣли поверхность льда, такъ во всякой лужицѣ, во всякой канавкѣ прѣсной воды, образовавшейся отъ таянія снѣга, возродилась новая жизнь. На днѣ этихъ лужицъ и канавокъ появились маленькія желтовато-коричневыя пятнышки, едва видимыя въ началѣ. Съ каждымъ днемъ эти пятнышки увеличивались; ледъ подъ ними таялъ, и въ немъ образовались крупныя, довольно глубокія ямочки. Подъ микроскопомъ эти коричневыя пятна оказались водорослями, развивающимися подъ вліяніемъ лѣтняго солнца и заполняющими толстымъ слоемъ дно лужицъ. Эти растенія служили пищей массѣ микроскопическихъ животныхъ, кишѣвшихъ въ каждой ямкѣ прѣсной воды.

Случалось, что по краямъ льдинъ, отъ поверхности и до воды, шла коричневая полоса: это тоже были водоросли, выросшія на льду. Въ лужахъ плавало множество маленькихъ упругихъ комочковъ бѣлаго или желтовато-краснаго цвѣта: это были, какъ показалъ микроскопъ, цѣлыя скопленія водорослей.

„Съ утра до вечера, иногда до поздней ночи,— пишетъ Нансенъ, — сижу я за микроскопомъ и ничего не вижу изъ того, что̀ дѣлается вокругъ меня. Въ этомъ безконечномъ морѣ, которое мы склонны считать царствомъ смерти, обитаютъ почти на каждой льдинѣ тысячи, милліоны крохотныхъ существъ. Я живу съ этими маленькими, прекрасными существами въ ихъ собственномъ мірѣ, гдѣ они зарождаются и умираютъ, одно поколѣніе за другимъ,

гдѣ они побѣждаютъ другъ друга въ безпрерывной борьбѣ и занимаются своими дѣлами съ такими же чувствами, страданіями и радостями, какія наполняютъ жизнь каждаго существа отъ микроскопическаго животнаго до человѣка включительно“.

Въ теченіе всей зимы экипажъ *Фрама* не видалъ ни одной птицы. Но 13-го мая, въ самый Троицынъ день, къ судну вдругъ подлетѣла чайка. Послѣ этого на льду стали часто появляться птицы, по большей части чайки и поморники. Нансену удалось даже застрѣлить нѣсколько такъ называемыхъ „розовыхъ чаекъ“. Эти птицы живутъ на крайнемъ сѣверѣ, и потому весьма немногимъ естествоиспытателямъ удалось видѣть ихъ.

Медвѣди послѣ продолжительнаго отсутствія опять стали похаживать вокругъ судна; но убивать ихъ рѣдко удавалось, такъ какъ гоняться за ними по рыхлому льду, во всѣхъ направленіяхъ прорѣзанному трещинами и полыньями, не представлялось никакой возможности.

Ихъ появленіе наводило Нансена на мысль о близости какой-либо невѣдомой земли, которую ему суждено открыть и которая, быть можетъ, тянется до самаго полюса. Онъ, насколько возможно часто, дѣлалъ промѣры глубины моря; но эти промѣры не подтверждали его надежды. Глубина превышала 1000 саженъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила даже до 2000 с. Такимъ образомъ опровергалось и то мнѣніе, какого держались многіе ученые, что полярное море очень мелко, что на немъ всюду по-

падаются острова, что эти острова—остатки материка, въ давнія времена существовавшаго вокругъ полюса.

VIII.

Переходъ отъ лѣта къ зимѣ совершился удивительно быстро. 4-го августа Нансенъ пишетъ въ своемъ дневникѣ.

„Лѣто становится замѣтнымъ. Сегодня вечеромъ мы играли въ карты на палубѣ, употребивъ вмѣсто стола одинъ изъ большихъ кухонныхъ котловъ. Это почти напоминало августовскій вечеръ дома".

26-го августа онъ уже отмѣчаетъ:

„Кажется, зима начинается; всѣ эти дни стоятъ морозы, всѣ лужи и трещины покрылись льдомъ, настолько толстымъ, что по нимъ можно ходить даже безъ лыжъ.

Экипажъ *Фрама* готовился провести вторую зиму среди льдинъ полярнаго моря; вѣтеръ, дувшій въ іюнѣ и въ іюлѣ большею частью съ сѣвера, перемѣнилъ направленіе; судно хотя медленно, но, несомнѣнно, подвигалось къ своей цѣли, и всѣ были въ превосходномъ настроеніи. Занятій попрежнему у всѣхъ было вдоволь, а къ обычнымъ работамъ присоединились еще новыя. Нансенъ нѣсколько разъ объяснялъ товарищамъ, что, можетъ быть, вслѣдствіе той или другой случайности имъ придется оставить судно и сдѣлать часть пути на саняхъ или въ лодкахъ. Къ этой случайности рѣшено было

приготовиться самымъ серьезнымъ образомъ. Сани были исправлены и снабжены крѣпкими полозьями; лодки приведены въ порядокъ; построено шесть легкихъ кайяковъ, обшитыхъ парусиной; составленъ подробный списокъ всѣхъ вещей и припасовъ, какіе необходимо будетъ взять съ собой. Нансенъ самъ сдѣлалъ для себя изъ бамбука кайякъ, представлявшій верхъ легкости. Пока лужи не замерзли, этимъ кайякамъ производились пробы на водѣ, и Нансенъ со Свердрупомъ учили прочихъ управлять ими поэскимосски. Когда ледяная кора покрыла всѣ лужи, начались другого рода упражненія: Нансенъ находилъ, что на случай пѣшеходнаго путешествія будетъ очень полезно, если всѣ члены экспедиціи выучатся хорошо бѣгать на лыжахъ; онъ по опыту зналъ, что на лыжахъ можно проходить по снѣгу и льду громадныя пространства, недоступныя для обыкновеннаго пѣшехода. И вотъ, съ конца сентября ежедневно въ опредѣленный часъ всѣ обитатели *Фрама* выходили на ледъ со своими лыжами. Неопытные лыжебѣжцы часто падали и ломали лыжи о льдины; болѣе опытные товарищи помогали имъ, кое-какъ связывали лыжи, и катанье продолжалось при общемъ смѣхѣ и весельѣ.

Поѣздки на собакахъ тоже производились очень часто, и старые псы уже весьма порядочно бѣжали въ упряжи. Начали обучать молодыхъ. Изъ 8 щенковъ Квикъ, родившихся зимой, остались въ живыхъ только четыре, и то одинъ изъ нихъ былъ такой худенькій и слабенькій, что его нельзя было заставлять

работать. Остальныхъ трехъ попробовали запрягать въ сани. Сначала они до того метались и путали постромки, что съ ними не было ладу, но мало-помалу они привыкли слушаться голоса возницы, особенно, когда ихъ запрягали вмѣстѣ съ матерью, которая подавала имъ примѣръ послушанія и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Для младшихъ щенковъ устроено было помѣщеніе на палубѣ судна, прикрытой навѣсомъ изъ парусины. Тамъ они бѣгали и рѣзвились между разными хранившимися въ этомъ мѣстѣ вещами, или цѣлой кучей тѣснились около матери, которая въ укромномъ мѣстечкѣ лежала, важно растянувшись между санями и верстакомъ. Надъ палубой протянутъ былъ брезентъ для защиты отъ непогоды, такъ что собачкамъ приходилось проводить большую часть времени въ темнотѣ. Зато какъ же онѣ радовались, когда кто-нибудь выходилъ на палубу съ фонаремъ въ рукѣ! Онѣ всѣ тотчасъ бросались къ огню и скакали около него, точно дѣти около елки. Остальнымъ собакамъ построили на льду около самаго судна теплыя ледяныя конуры; въ каждой изъ нихъ могли помѣститься четыре собаки.

„Наша жизнь идетъ правильно, ровно, безъ всякихъ событій, спокойно, какъ окружающая насъ ледяная пустыня,—пишетъ Нансенъ,—а между тѣмъ время летитъ удивительно быстро. Я провожу цѣлые дни за работой въ каютѣ, которую устроилъ себѣ на рубкѣ, и часто у меня является такое чувство, точно я сижу дома, въ своемъ кабинетѣ, окружен-

ный всѣми удобствами цивилизованной жизни. Если бы не разлука съ близкими сердцу, можно бы счастливо жить и здѣсь. Иногда я забываю гдѣ я. Иной разъ вечеромъ, забывшись за работой, я вдругъ вскакиваю, прислушиваюсь къ лаю собакъ, и мнѣ думается: кто-то это ѣдетъ къ намъ? Затѣмъ я вспоминаю, что я не дома, что передъ нами вторая длинная арктическая ночь, которую намъ предстоитъ провести среди полярныхъ льдовъ".

22-го сентября миновалъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ *Фрамъ* былъ прикованъ къ большой льдинѣ и лишенъ свободнаго движенія. Гансенъ по этому поводу составилъ карту теченія, увлекавшаго судно. Карта эта наглядно показала, что хотя движеніе шло медленно, неправильною линіей, но оно шло именно въ томъ направленіи, какъ предсказывалъ Нансенъ. *Фрамъ* сдѣлалъ въ годъ съ 22 сентября 1893 по 22 сентября 1894 года 189 морскихъ миль, т.-е. 3°9′. Въ іюлѣ 1894 года онъ достигъ болѣе сѣвернаго пункта, а въ ноябрѣ 1893 его занесло теченіемъ нѣсколько дальше къ югу; если считать отъ самаго южнаго пункта, на которомъ онъ находился 7 ноября 1893 г., до самаго сѣвернаго (16 іюля 1894 г.), то надо принять, что онъ прошелъ 305 морскихъ миль, или 5°5′. При этомъ онъ подвигался не прямо на сѣверъ, а почти постоянно на сѣверо-западъ.

„До сихъ поръ мои разсчеты оказывались вѣрными, — пишетъ Нансенъ. — Мы идемъ по тому самому пути, по которому слѣдовала льдина съ раз-

ными вещами *Жаннеты*, какъ я начертилъ этотъ путь въ докладѣ Лондонскому Географическому Обществу. Этотъ путь доходитъ до $87^1/_2°$ сѣверной широты. Достигнуть болѣе сѣвернаго пункта я не смѣю разсчитывать, и буду очень счастливъ, если мнѣ удастся подвинуться хоть настолько. Наша цѣль, какъ я много разъ убѣждалъ и самого себя, и другихъ, состоитъ не въ томъ, чтобы добраться до пункта, гдѣ кончается земная ось, а въ томъ, чтобы изслѣдовать полярное море. А все-таки мнѣ бы очень хотѣлось достигнуть полюса, и я надѣюсь, что это будетъ возможно, если мы только доберемся къ марту до 84° или 85°".

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ *Фрамъ*, одному или съ товарищемъ отправиться по льдинамъ прямо на сѣверъ, все болѣе и болѣе зрѣла въ умѣ Нансена. Спокойно ждать было для его дѣятельной натуры гораздо тяжелѣе, чѣмъ подвергать себя всевозможнымъ опасностямъ и лишеніямъ.

„Несомнѣнно, очень легко вести жизнь, полную борьбы,—пишетъ онъ,—но здѣсь нѣтъ ни бурь, ни борьбы. А я жажду ихъ, я жажду развернуть всѣ свои силы и завоевать себѣ дорогу впередъ. Это настоящая жизнь! Что за привлекательность въ силѣ, если ее не къ чему примѣнить!"

„Неизвѣстно, что̀ будетъ черезъ годъ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. — Очень можетъ быть, что въ теченіе зимы *Фрамъ* пойдетъ на западъ и достигнетъ какого-нибудь пункта къ сѣверу отъ земли Франца-Іосифа. Тогда я съ собаками и съ санями

направляюсь къ сѣверу. При одной мысли объ этомъ сердце мое радостно бьется. Зима быстро пройдетъ въ приготовленіяхъ къ этой экспедиціи. Еще 4—5 мѣсяцевъ, и снова настанетъ время для энергичной работы. Какая радость! Теперь, когда я гляжу на ледяную равнину, мнѣ кажется, что всѣ мои мускулы дрожатъ отъ нетерпѣливаго ожиданія: наконецъ-то мнѣ можно будетъ пройтись по льду, какъ слѣдуетъ, не ради пустой прогулки. Мнѣ даже пріятно думать о предстоящихъ трудахъ и лишеніяхъ... Можетъ быть, съ моей стороны было глупо затѣвать эту экспедицію, когда, оставаясь на суднѣ, я могу исполнять болѣе важныя научныя работы; но я надѣюсь, что ежедневныя наблюденія будутъ производиться и безъ меня".

Нансенъ никому ничего не говорилъ о своемъ намѣреніи, только вскользь намекнулъ о немъ Свердрупу; а самъ въ тиши придумывалъ и разсчитывалъ все, что нужно приготовить и взять съ собой для экспедиціи. По обыкновенію, онъ считалъ, что успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ того, съ какой подготовкой принимаются за него, и потому обдумывалъ все до самыхъ мелочныхъ подробностей.

Это не мѣшало ему попрежнему принимать дѣятельное участіе въ жизни судна. При разсчетѣ того времени, какое понадобится *Фраму* для возвращенія на родину, его часто пугала мысль, что запасъ керосина можетъ истощиться раньше, чѣмъ судно придетъ въ населенныя мѣста. А между тѣмъ керосинъ употреблялся и для освѣщенія каютъ, когда вслѣд-

ствіе затишья, мельница стояла и электрическій токъ прерывался, а также и для варки пищи. И вотъ онъ принялся придумывать такое приспособленіе къ кухонной плитѣ, при которомъ въ ней вмѣсто керосина могло бы горѣть машинное масло. На *Фрамѣ* были огромные запасы этого масла, взятаго для смазыванія машины; а такъ какъ большую часть времени машина должна была бездѣйствовать, то бочки масла стояли безъ всякаго употребленія. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ Нансену удалось устроить очень простой аппаратъ, съ помощью котораго масло превратилось въ отличное топливо и вполнѣ могло замѣнить керосинъ, который сталъ употребляться исключительно для освѣщенія. Дѣло, впрочемъ, не сразу пошло на ладъ. На другой день послѣ устройства новаго аппарата, когда большая часть экипажа сидѣла въ общей каютѣ, раздался вдругъ глухой трескъ въ родѣ выстрѣла, и въ ту же минуту Петерсенъ, замѣнявшій иногда Юэля въ должности повара, высунулъ въ дверь свою голову, почернѣвшую отъ сажи, точно голова трубочиста.

— Въ печкѣ сдѣлался взрывъ! — объявилъ онъ и разразился цѣлымъ потокомъ ругательствъ противъ дьявольскаго масла.

Вся его физіономія, вымазанная сажей, выражавшая и ужасъ, и негодованіе, была до того комична, что присутствовавшіе не могли удержаться отъ хохота. Нансенъ поспѣшилъ въ кухню, которая была также вся перепачкана сажей. Дѣло объяснилось

просто: масло требуетъ для сгоранія бо̀льшаго притока воздуха, чѣмъ керосинъ: Петерсенъ забылъ открыть вентиляторъ, и въ печкѣ образовался газъ, который вспыхнулъ, какъ только онъ отворилъ дверцу, чтобы посмотрѣть, отчего огонь плохо горитъ.

— Завтра я самъ буду готовить обѣдъ,—объявилъ Нансенъ:—надобно, какъ слѣдуетъ, испытать мой аппаратъ.

Сконфуженный Петерсенъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ обѣщалъ, что будетъ аккуратно обращаться съ аппаратомъ, и съ этихъ поръ, дѣйствительно, никто не жаловался на масло.

Празднованіе разныхъ торжественныхъ дней попрежнему прерывало однообразіе жизни на *Фрамѣ*. 10-го октября, въ день рожденія Нансена, общая каюта съ утра была украшена флагами; большой вымпелъ съ именемъ *Фрама* украшалъ дверь каюты Нансена. Когда Нансенъ вышелъ въ салонъ, всѣ встали, поздравили его и пожелали ему счастья на новый годъ жизни; когда онъ вышелъ на палубу, на бизань-мачтѣ взвился флагъ. Передъ обѣдомъ устроена была большая прогулка на лыжахъ, при чемъ всѣ порядкомъ прозябли, такъ какъ термометръ показывалъ 31° холода. Обѣдъ былъ праздничный, а послѣ него докторъ принесъ маленькіе аптекарскіе стаканчики и угостилъ всѣхъ настоящимъ ликеромъ, одна бутылочка котораго была у него втайнѣ припасена для торжественнаго случая. Послѣ обѣда подавался кофе и очень вкусный яблочный пирогъ, произведеніе Петерсена, который оказался очень

искуснымъ поваромъ. Къ ужину онъ подалъ второй пирогъ съ буквами: T. l. m. d. (Til lykke med dagen), т.-е.: Много счастья на сегодняшній день. Весь вечеръ прошелъ въ веселыхъ разговорахъ, и стѣны каюты далеко за полночь оглашались громкимъ смѣхомъ.

16 октября экипажъ *Фрама* распрощался на четыре мѣсяца съ солнцемъ, которое въ полдень появилось въ послѣдній разъ на горизонтѣ въ видѣ огненно-краснаго сплюснутаго шара. Снова настала длинная полярная ночь съ синевато-блѣднымъ свѣтомъ луны и съ чудными сѣверными сіяніями, озарявшими небо волшебнымъ блескомъ. Въ теченіе всего октября судно правильно подвигалось къ сѣверу, и 21 октября экипажъ праздновалъ радостное событіе, *Фрамъ* достигъ 82° сѣверной широты. 26 октября, день рожденія *Фрама*, которому исполнилось два года, тоже справлялся торжественно. За обѣдомъ Нансенъ сказалъ рѣчь, въ которой предлагалъ выпить за здоровье дорогого новорожденнаго, котораго они всѣ хвалили еще въ прошломъ году, но настоящія достоинства котораго они оцѣнили только теперь, когда убѣдились, что онъ хотя не особенно быстро, но вполнѣ спокойно и благополучно несетъ ихъ впередъ.

„Я сказалъ слишкомъ мало, — замѣчаетъ по этому поводу Нансенъ.—Если бы я высказалъ все, что чувствовалъ, моя рѣчь вышла бы гораздо горячѣе; по правдѣ сказать, мы всѣ любили нашъ корабль, какъ только можно любить неодушевлен-

ный предметъ. И какъ намъ было не любить его? Никакая мать не можетъ дать своимъ птенцамъ болѣе теплаго и безопаснаго убѣжища, чѣмъ даетъ онъ намъ: онъ, дѣйствительно, сталъ нашимъ домомъ. Мы всѣ съ радостью возвращаемся къ нему изъ нашихъ экскурсій по льду; какъ часто радостно билось мое сердце, когда я заходилъ куда-нибудь далеко, и надъ покровомъ вѣчныхъ снѣговъ виднѣлись мнѣ вдалекѣ его мачты.

Морозы все больше и больше крѣпчали; въ ноябрѣ термометръ часто показывалъ больше 30 градусовъ, но это нисколько не мѣшало экипажу *Фрама*, въ особенности Нансену, дѣлать длинныя прогулки на саняхъ, на собакахъ и на лыжахъ.

Научныя наблюденія тоже не прерывались изъ-за дурной погоды. Чтобы работать болѣе спокойно, не развлекаясь шумомъ и разговорами въ общей каютѣ, Нансенъ устроилъ себѣ рабочій кабинетъ въ маленькой каютѣ на палубѣ, и хотя температура въ ней обыкновенно стояла ниже нуля, онъ не находилъ ее холодной. Докторъ Блессингъ и Іогансенъ построили себѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судна ледяной домикъ, въ родѣ эскимосской юрты. Съ крыши спускалась лампа, и яркій свѣтъ ея красиво отражался въ бѣлыхъ ледяныхъ стѣнахъ. Здѣсь они производили свои научныя работы, защищенные отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра. Когда въ домикѣ было небольше 20° мороза, они находили, что брать инструменты голыми руками не представляетъ никакой непріятности.

Вообще, эта вторая зима обѣщала быть еще холоднѣе, чѣмъ первая, но жители *Фрама* привыкли къ морозамъ и переносили ихъ совершенно легко. Зато молодымъ собакамъ пришлось поплатиться за свое неумѣніе обращаться съ холодными предметами.

Разъ вечеромъ Нансенъ, сидя у себя въ каютѣ, вдругъ услышалъ отчаянный собачій визгъ. Онъ побѣжалъ на палубу и увидѣлъ, что одинъ изъ щенковъ вздумалъ лизнуть желѣзный болтъ, и языкъ его примерзъ къ металлу. Бѣдное животное старалось освободиться и вытянуло языкъ до того, что онъ болтался точно тоненькая тряпочка. Бентсенъ, бывшій на вахтѣ, прежде всѣхъ замѣтилъ бѣду, но не зналъ, какъ помочь; онъ только схватилъ собаку за шиворотъ и держалъ какъ можно ближе къ болту, чтобы она не тянула такъ сильно языкъ. Нансенъ согрѣлъ рукою болтъ, и тогда языкъ освободился. Бѣдный щенокъ былъ такъ радъ, что принялся своимъ окровавленнымъ языкомъ лизать руку Бентсена. Другая собачонка пострадала еще сильнѣе. Когда щенкамъ приносили пищу, они обыкновенно поднимали возню и драку, и въ пылу битвы одинъ изъ нихъ подошелъ слишкомъ близко къ валу мельницы, находившейся въ движеніи. Раздался ужасный, раздирательный вой. Люди выскочили на палубу посмотрѣть что̀ случилось. Оказалось, что щенокъ лежитъ на мельничномъ валу, вертится вмѣстѣ съ нимъ и при этомъ страшно воетъ. Бентсенъ схватилъ веревку тормаза и изо всей силы тянулъ ее,

чтобы остановить мельницу. Нансенъ поспѣшилъ ему на помощь, и вдвоемъ имъ удалось прекратить движеніе вала. Подоспѣвшій Могштадъ освободилъ собаку. Оказалось, что ея шерсть примерзла къ валу, который, двигаясь, увлекалъ ее за собой и при всякомъ поворотѣ ударялъ ее объ полъ. Бѣдная собака еще дышала. Ее принялись гладить, растирать, и черезъ нѣсколько минутъ она слегка приподняла голову, потомъ попробовала стать на переднія лапы и мутными глазами осматривалась кругомъ. Ее снесли въ каюту, всячески ухаживали за ней, и часа черезъ два она опять стала бѣгать и веселиться, какъ ни въ чемъ не бывало.

IX.

Обдумывая планъ экспедиціи къ полюсу на саняхъ, Нансенъ прежде всего останавливался на мысли, кто долженъ предпринять ее? Всего пріятнѣе было бы ему отправиться вмѣстѣ со Свердрупомъ, съ которымъ онъ переходилъ на лыжахъ черезъ Гренландію, и Свердрупъ съ величайшимъ удовольствіемъ пошелъ бы съ нимъ; но вмѣстѣ они не могли оставить *Фрамъ*. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ взять на себя обязанность благополучно довести остальныхъ на родину, другой долженъ былъ стать во главѣ экспедиціи; иначе нельзя было, такъ какъ только они двое обладали достаточною опытностью и знаніемъ дѣла.

„Я не могу отпустить Свердрупа, — разсуждалъ Нансенъ,—такъ какъ, несомнѣнно, оставаться на

суднѣ менѣе опасно, чѣмъ идти; а я не могу поручить ему болѣе опасное дѣло и оставить себѣ менѣе опасное. Если онъ погибнетъ, я никогда не прощу себѣ, что отпустилъ его, если даже это будетъ по его собственному желанію. Онъ на девять лѣтъ старше меня; мнѣ было бы слишкомъ тяжело взять на себя отвѣтственность за его жизнь. Для безопасности остальныхъ совершенно все равно, который изъ насъ останется на суднѣ: они довѣряютъ обоимъ намъ, и я убѣжденъ, что каждый изъ насъ въ состояніи благополучно доставить товарищей на родину. Съ другой стороны, Свердрупъ, какъ капитанъ, долженъ вести корабль, а производство научныхъ наблюденій лежитъ на моей обязанности. Мой долгъ идти, его долгъ—остаться. Онъ и самъ найдетъ это вполнѣ справедливымъ“.

Въ спутники себѣ Нансенъ выбралъ Іогансена, отличнаго лыжебѣжца, необыкновенно ловкаго и выносливаго человѣка, мастера на всѣ руки. Онъ сообщилъ ему свой планъ и просилъ его обдумать хорошенько, хочетъ ли онъ принять участіе въ экспедиціи, такъ какъ это дѣло серьезное, опасное, при которомъ ставится на карту жизнь.

— Мнѣ нечего обдумывать,—тотчасъ же отвѣчалъ Іогансенъ.—Свердрупъ давно говорилъ мнѣ, что, можетъ быть, такая экспедиція состоится. Я тогда же все обдумалъ и рѣшилъ, что если вы меня возьмете съ собой, я буду несказанно благодаренъ вамъ!

— А подумали вы, какія опасности ожидаютъ

насъ? Вѣдь, можетъ быть, намъ не придется больше увидѣть ни одного человѣческаго лица. Если даже мы благополучно вернемся домой, сколько трудовъ и страданій предстоитъ намъ перенести!

— Я все это отлично понимаю.

Послѣ этого Нансенъ объявилъ о своемъ намѣреніи всему экипажу. Вечеромъ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ въ общей каютѣ, онъ произнесъ цѣлую рѣчь, въ которой въ короткихъ словахъ напомнилъ имъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ составленъ былъ имъ планъ ихъ настоящей экспедиціи. Судно, затертое льдами на сѣверѣ отъ Сибири, должно быть увлечено теченіемъ на сѣверо-западъ, пройдя между землей Франца-Іосифа и полюсомъ, и выйдетъ въ Атлантическій океанъ. Поэтому, задача экспедиціи заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать это теченіе по невѣдомымъ морямъ. По тому, какъ дѣло шло до сихъ поръ, можно надѣяться, что задача эта будетъ выполнена.

Произведенныя изслѣдованія имѣютъ громадное значеніе, все равно, дойдетъ ли *Фрамъ* до полюса, или нѣтъ. Но можно сдѣлать еще больше... Тутъ онъ изложилъ имъ подробности своего плана проникнуть дальше къ сѣверу на саняхъ. Всѣ слушали внимательно, всѣ выражали искреннее желаніе успѣха новому предпріятію Нансена, но при этомъ каждому хотѣлось и самому принять въ немъ участіе. Нансену пришлось долго убѣждать ихъ, что хотя, несомнѣнно, очень важно проникнуть какъ можно дальше на сѣверъ, но что нисколько не менѣе важно

благополучно провести *Фрамъ* черезъ полярное море и выйти на противоположную сторону, сохранивъ въ цѣлости судно, а главное — не пожертвовавъ ничьей жизнью.

Начались приготовленія къ новой экспедиціи. Нансенъ думалъ отправиться въ путь въ концѣ февраля или началѣ марта, когда взойдетъ солнце, но до тѣхъ поръ многое предстояло сдѣлать. Кайякъ, устроенный Нансеномъ изъ бамбуковыхъ прутьевъ и обшитый парусиной, оказался очень легкимъ и удобнымъ; Могштадъ взялся сдѣлать второй точно такой же, а Нансенъ и Іогансенъ приготовляли для него обшивку; изготовлялись ручныя санки, особенно прочныя и гибкія, которыя могли бы выдержать путешествіе по неровнымъ льдинамъ; производились опыты съ походной кухней: шелковая палатка приводилась въ порядокъ; осматривали, чистили и пробовали всѣ инструменты, какіе могли понадобиться путникамъ; Свердрупъ шилъ спальные мѣшки; Могштадъ приготовлялъ и примѣрялъ упряжь для собакъ; Блессингъ составлялъ небольшую походную аптечку; журналъ плаванья *Фрама* и научныхъ наблюденій, произведенныхъ во время этого плаванья, списывали въ сокращенномъ видѣ на тонкой бумагѣ, такъ какъ Нансенъ на всякій случай хотѣлъ взять ихъ съ собой. Гансенъ составлялъ таблицы, въ которыя путники должны были заносить свои наблюденія, и кромѣ того рисовалъ карту всего путешествія.

Между тѣмъ *Фрамъ* продолжалъ медленно подви-

гаться впередъ. 12 декабря онъ дошелъ до 82°30′ сѣверной широты. Такъ далеко на сѣверъ не заходило еще ни одно судно на свѣтѣ, и экипажъ имѣлъ полное право задать по этому поводу пиръ. На праздничномъ обѣдѣ пили тосты за *Фрама*, за присутствовавшихъ и за тѣхъ, кто дома съ тоской и надеждой ждалъ ихъ возвращенія. За обѣдомъ и послѣ обѣда играла музыка. Ларсъ Петерсенъ исполнилъ нѣсколько характерныхъ танцевъ, и весь вечеръ прошелъ въ пріятныхъ разговорахъ.

Снова настали рождественскіе праздники.

„Второе Рождество, — пишетъ Нансенъ, — проводимъ мы во мракѣ пустыни, въ царствѣ смерти, и на этотъ разъ мы подвинулись еще дальше на сѣверъ, въ глубь этого царства. Какъ-то странно чувствуется при мысли, что это наше послѣднее Рождество на *Фрамѣ*. Почти грустно становится, когда думаешь объ этомъ. Корабль сталъ нашей второй родиной, мы привязались къ нему. Можетъ быть, товарищи проведутъ на немъ еще одно Рождество или даже нѣсколько, а насъ съ ними не будетъ: мы удаляемся отъ нихъ въ пустыню!“

Рождество принесло экипажу *Фрама* подарокъ: судно достигло 83° сѣверной широты и продолжало подвигаться впередъ. Поэтому первый день праздника прошелъ вдвойнѣ весело. За обѣдомъ подавались разные сладкіе пироги и печенья; Нансенъ и Блессингъ умудрились устроить изъ сока морошки шипучій напитокъ, который они назвали „Полярное шампанское 83-го градуса“, и который всѣмъ очень

понравился. Послѣ обѣда Могштадъ игралъ на скрипкѣ, а Петерсенъ пѣлъ пѣсни и танцовалъ. Его примѣру скоро послѣдовали и прочіе. Въ каютѣ открылся настоящій балъ, Нансенъ и Гансенъ играли роль дамъ. Петерсенъ былъ неутомимъ. Онъ давалъ честное слово, что если по возвращеніи домой у него еще останутся сапоги на ногахъ, онъ станетъ танцовать, пока не изотретъ всѣхъ подошвъ.

Вѣтеръ и мятель бушевали въ теченіе всей недѣли святокъ. Въ то же время опять началось сильное движеніе льда, и нѣсколько разъ корабль получалъ такіе толчки, что весь его корпусъ вздрагивалъ. На льдинѣ, съ лѣвой стороны его, образовалась трещина, которая то расширялась, то исчезала подъ напоромъ надвигавшагося льда. Утромъ 28 декабря Нансенъ вышелъ осмотрѣть эту трещину, и всѣ собаки тотчасъ же побѣжали за нимъ. Онъ только-что подошелъ къ краю льдины, какъ какая-то темная фигура провалилась у самыхъ его ногъ. Оказалось, что это Панъ, одна изъ самыхъ большихъ собакъ. Она подбѣжала къ краю крутого обрыва, поскользнулась и слетѣла въ воду. Напрасно старалась она выкарабкаться: крутые края обрыва были покрыты мягкимъ снѣгомъ, за который нельзя было удержаться. Нансенъ нагнулся, чтобы помочь собакѣ, и самъ чуть не слетѣлъ въ воду. А между тѣмъ собаки съ визгомъ окружали его и заглядывали ему въ глаза, какъ будто прося помочь товарищу. Наконецъ-то удалось бѣдному Пану вылѣзть и, чтобы согрѣться, онъ сталъ, точно сумасшедшій,

бѣгать взадъ и впередъ по льдинѣ. Остальныя собаки съ громкимъ лаемъ бѣгали за нимъ, вѣроятно, желая выразить свою радость, что онъ спасся. Чтобы вознаградить Пана за его несчастіе, его пустили въ салонъ, гдѣ онъ сушился все время послѣ обѣда.

Въ тотъ же вечеръ корабль испыталъ страшный толчекъ. Нансенъ вышелъ на палубу посмотрѣть ледъ; но изъ-за воя вѣтра не слышно было шума сдвигающихся льдинъ. Удары повторялись нѣсколько разъ все съ большей и большей силой; все судно качало. Очевидно, ледъ сдвигался гдѣ-нибудь вблизи. Въ 12 часу ночи Могштадъ, дежурившій на вахтѣ, сошелъ въ каюту и объявилъ, что передъ самымъ носомъ корабля образовалась высокая ледяная гора. Всѣ пошли съ фонарями посмотрѣть, что̀ случилось. За 56 шаговъ отъ носа корабля возвышалась крутая куча льдинъ, тянувшаяся вдоль трещины, на которую былъ сильный напоръ. Ледъ трещалъ, скрипѣлъ и грохоталъ; шумъ то ослабѣвалъ, то снова усиливался. Гора образовалась, повидимому, большею частью изъ свѣжаго льда, недавно замерзшаго въ канавѣ, но среди него виднѣлись и старыя, огромныя льдины. Гора медленно подвигалась къ кораблю. Льдина около корабля дала трещину, а та, на которой стоялъ корабль, начала уменьшаться. Если бы гора надвинулась на корабль, она причинила бы ему огромный вредъ. Хотя разстояніе было еще довольно значительно, но Нансенъ распорядился, чтобы вахтенные зорко слѣдили за движе-

ніемъ льда и разбудили его, какъ только ледяная глыба приблизится къ кораблю, или льдина подъ судномъ дастъ трещину. Ночью было нѣсколько ударовъ, затѣмъ все стихло, и дня три ледъ былъ совершенно спокоенъ. Наканунѣ новаго года снова послышался грохочущій шумъ, и *Фрамъ* такъ закачало, что въ каютахъ нельзя было ничѣмъ заниматься. Часа два продолжался грохотъ надвигавшихся другъ на друга льдинъ, потомъ все стихло.

Эта тишина продолжалась дня четыре, изрѣдка прерываемая отдаленнымъ грохотомъ льдинъ или небольшими толчками. Экипажъ весело встрѣтилъ новый годъ тостами за здоровье присутствовавшихъ (въ томъ числѣ *Фрама*) и отсутствовавшихъ, взаимными пожеланіями всякаго счастья и надеждою, что наступающій годъ приведетъ ихъ къ цѣли ихъ путешествія.

Всѣ были спокойны, никто и не чуялъ бѣды, готовой обрушиться на нихъ.

3-го января съ утра начался напоръ льда въ трещинахъ за судномъ и съ лѣвой стороны его. Ледъ трещалъ и грохоталъ, все судно дрожало. Съ лѣвой стороны, шагахъ въ 30 отъ *Фрама*, вдоль большой трещины образовалась цѣлая ледяная гора, которая надвигалась на судно. Тотчасъ же стали переносить всѣ вещи, находившіяся на льду, съ лѣвой стороны судна на правую, и затѣмъ дѣлать приготовленія на случай, если бы пришлось оставить корабль. Сани и кайяки разставили на палубѣ такъ, чтобы ихъ легко было спустить внизъ; на

ледъ вынесли ящики и мѣшки съ съѣстными припасами, бочки керосина. Вечеромъ, когда всѣ сидѣли за ужиномъ, вдругъ послышался страшный трескъ льда; этотъ трескъ, повидимому, все приближался и разразился подъ самой каютой. Педеръ Гендриксенъ пошелъ посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится ледъ, и, вернувшись, со смѣхомъ объявилъ:

— Лопается себѣ! Нельзя сказать, чтобы было очень красиво!

Ледъ треснулъ около самаго того мѣста, гдѣ лежали мѣшки съ провіантотъ для собакъ, и трещина распространялась подъ корабль. Кругомъ судна образовалось тоже нѣсколько трещинъ. Черезъ нѣсколько времени напоръ снова начался съ лѣвой стороны.

— Надобно спасать собакъ,—раздался крикъ Педера;—вода выступила на ледъ.

Дѣйствительно, вода заливала собачьи конуры. Педеръ по колѣни въ водѣ добрался до нихъ и открылъ двери. Почти всѣ собаки тотчасъ же выскочили и побѣжали на правую сторону судна, но нѣкоторыя со страху забились въ задніе углы конуръ и стояли по животъ въ водѣ, такъ что ихъ пришлось насильно вытаскивать оттуда.

Трещина образовалась внизу вдоль всего корабля, и оттуда вода хлынула въ лѣвую сторону, гдѣ льдина, поддерживавшая судно, постоянно опускалась вслѣдствіе тяжести навалившей на нее ледяной глыбы. Трещина грозила опасностью походной кузницѣ, которую пришлось поставить на сани и переправить на правую сторону. Тамъ мало-по-

малу устроился цѣлый складъ вещей, снесенныхъ съ *Фрама*. Весь день работалъ экипажъ; къ ночи на ледъ перенесенъ былъ провіантъ, котораго могло хватить на 200 дней, и всѣ легли спать въ одеждахъ, готовые, въ случаѣ надобности, всякую минуту оставить судно, которое подъ напоромъ надвигавшейся ледяной горы замѣтно склонялось въ лѣвую сторону.

Весь слѣдующій день, всю ночь продолжался напоръ льда, и появлялись все новыя трещины, между тѣмъ какъ старыя покрывались слоемъ новообразованнаго льда. Ледяная глыба зловѣще надвигалась на судно.

Въ 6-мъ часу утра 5 января раздался страшнѣйшій шумъ и трескъ. Свердрупъ вбѣжалъ въ каюту Нансена и объявилъ, что ледяная гора подошла къ *Фраму*, и что она сильно давитъ судно. Они тотчасъ же разбудили остальныхъ и стали переносить на палубу шубы и разныя вещи, еще остававшіяся въ каютахъ; потомъ отвязали паровой катеръ, висѣвшій на лѣвой сторонѣ, и стащили его на льдину. Весь день ледъ не двигался, но въ 8-мъ часу вечера снова раздался оглушительный трескъ и грохотъ,—глыбы снѣга повалили на палубу. Педеръ схватилъ лопату и принялся энергично сбрасывать снѣгъ съ открытой части палубы. Нансенъ хотѣлъ помочь ему, но сразу увидѣлъ, что смѣшно выступать съ лопатой противъ такого сильнаго врага.

— Пойдемъ лучше переносить остальныя вещи на ледъ!—позвалъ онъ Педера.

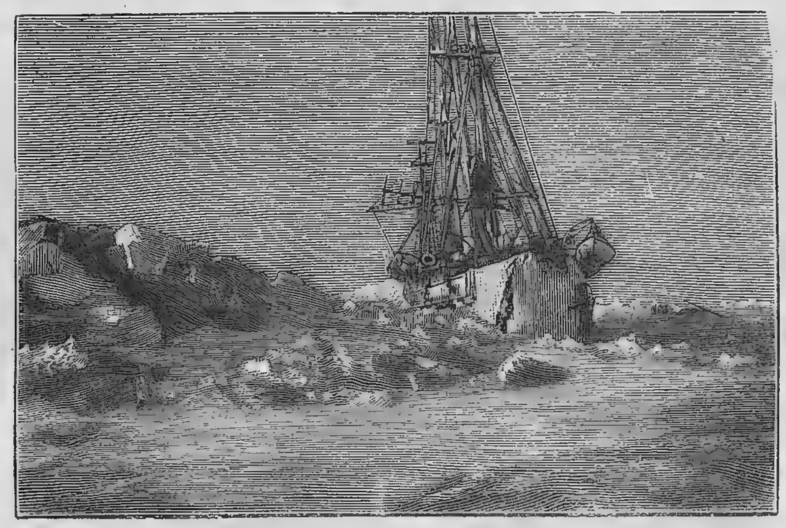
Только-что они отошли, какъ снова раздался трескъ, за которымъ послѣдовалъ новый обвалъ снѣга.

— Еще минутка—и меня задавило бы и съ лопатой вмѣстѣ,—хохоталъ Педеръ.

Нансенъ позвалъ весь экипажъ наверхъ, приказавъ имъ подниматься не съ лѣвой стороны, а съ правой и захватить съ собой мѣшки съ бѣльемъ и одеждой, которые каждый держалъ около себя. Всѣ поняли, что опасность близка. Свердрупъ только-что раздѣлся, чтобы взять ванну; онъ быстро набросилъ на себя одежду и бросился бѣжать. Амундсенъ впопыхахъ забылъ, что надо было выходить черезъ правую дверь, и пошелъ черезъ лѣвую. Въ темнотѣ онъ запнулся о порогъ палубы и упалъ. Снова раздался оглушительный трескъ; ему показалось, что палуба со всей массой снѣга валится на него, и онъ долго не рѣшался подняться.

„Никого не надо было торопить,—разсказываетъ Нансенъ:—всѣхъ подгонялъ ледъ, который сильно давилъ на стѣнки судна. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что настала послѣдняя минута. Проносить большіе мѣшки черезъ узкій проходъ машиннаго отдѣленія было очень трудно; всѣ толкались въ темнотѣ, а къ довершенію непріятности въ лампы забыли налить керосинъ, и онѣ погасли. Мнѣ пришлось еще разъ спуститься внизъ, чтобы надѣть теплую обувь, сушившуюся въ каютѣ. Когда я сошелъ внизъ, напоръ достигъ высшей степени. Балки потолка трещали такъ, что я думалъ, онѣ тотчасъ

обвалятся на меня. Скоро всѣ мѣшки были вынесены изъ каютъ, и мы перетащили разныя вещи съ палубы на ледъ. Ледъ вылъ, трещалъ и съ такимъ шумомъ ударялъ о стѣнки судна, что мы не слышали собственныхъ словъ. Однако, все сошло благополучно, и скоро всѣ наши вещи были уложены въ безопасномъ мѣстѣ. Пока мы таскали мѣшки, напоръ льда, наконецъ, прекратился, и все снова стихло.

Фрамъ послѣ напора льда.

Но какой видъ представлялъ нашъ *Фрамъ!* Лѣвая сторона его была совершенно засыпана снѣгомъ; изъ-подъ снѣга виднѣлась только крыша тента. Баканцы были покрыты снѣгомъ и льдомъ. Если бы мы во-время не сняли съ нихъ паровой катеръ, онъ былъ бы уничтоженъ.

Когда напоръ льда прекратился, экипажъ вер-

нулся въ опустѣлыя каюты. Всѣ двери съ правой стороны были раскрыты, чтобы, въ случаѣ надобности, тотчасъ выскочить на палубу и сойти на ледъ. Положеніе было опасное; *Фрамъ* сильно склонился на лѣвую сторону и могъ не выдержать новаго натиска; но компанія въ каютѣ уже пережила минуту тревоги и, пользуясь временнымъ затишьемъ, отдыхала, покуривая свои трубочки и поѣдая запасы разныхъ лакомствъ, которыя не стоило беречь; всѣ думали, что скоро придется навсегда распрощаться съ *Фрамомъ*.

На слѣдующій день напоръ не возобновился Большая часть экипажа спокойно выспалась утромъ, и послѣ обѣда всѣ принялись освобождать *Фрамъ* отъ льда и снѣга.

Въ этотъ день Нансенъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня послѣ обѣда Гансенъ произвелъ вычисленія, которыя показали, что мы достигли 83°34′ сѣверной широты. Ура! Съ понедѣльника мы подвинулись на 13′ и теперь находимся на такомъ пунктѣ сѣверной широты, какого до сихъ поръ еще никто не достигалъ! Весь шумъ и грохотъ, какіе производилъ ледъ за послѣдніе дни, былъ, можетъ быть, его салютомъ въ честь достиженія нами такого сѣвернаго пункта! Въ такомъ случаѣ надобно сознаться, что онъ сдѣлалъ намъ большую честь. Ну, все равно: пусть онъ себѣ трещитъ, какъ угодно, только бы подвигалъ насъ на сѣверъ! Теперь можно навѣрно сказать, что *Фрамъ* выдержитъ. Ни одна рея не

испортилась. Тѣмъ не менѣе мы и сегодня ложимся спать одѣтыми, готовыми каждую минуту бѣжать съ корабля".

„Хотя мы сознаемъ свою силу,—пишетъ дальше Нансенъ,—но мы не можемъ не уважать противника, который располагаетъ такими средствами и въ нѣсколько минутъ можетъ привести въ дѣйствіе такіе страшные военные снаряды. Чтобы штурмовать насъ, ледъ выдвинулъ свои огромные тараны. Но *Фрамъ* оказался достойнымъ противникомъ. Никакое другое судно не могло бы выдержать приступа. Въ какой-нибудь часъ времени ледъ выстроилъ подлѣ насъ стѣну, отъ которой намъ придется освобождаться цѣлый мѣсяцъ, а, можетъ быть, и больше".

Еще нѣсколько дней продолжались напоры льда, но гораздо болѣе слабые и въ сторонѣ отъ *Фрама*. Трещины затянуло, ледъ пришелъ въ спокойное состояніе, и если бы не ледяная стѣна у лѣваго борта, ничто не напоминало бы экипажу о пережитыхъ волненіяхъ. Судно очистили ото льда, вещи, вынесенныя на ледъ, уложили въ порядкѣ, чтобы всегда можно было достать, что̀ нужно, и прикрыли брезентами и лодками.

Мало-по-малу жизнь на *Фрамѣ* вошла въ обычную колею, и снова начались энергичныя приготовленія къ экспедиціи Нансена. Къ концу января начало разсвѣтать, и въ полдень можно было даже читать крупную печать на открытомъ воздухѣ.

„Каждое утро, прежде чѣмъ садиться за работу,—пишетъ Нансенъ,—я дѣлаю прогулку и при-

вѣтствую начинающійся день. Какое-то особенное чувство овладѣваетъ мною при этомъ; я ощущаю въ глубинѣ души торжествующую радость при мысли, что съ восходомъ солнца всѣ мои мечты осуществятся; но когда я работаю среди обычной обстановки, мною овладѣваетъ часто глубокая грусть. Я какъ будто разстаюсь съ дорогимъ другомъ и съ роднымъ домомъ, долго служившимъ мнѣ пріютомъ; скоро покинемъ мы навсегда этотъ домъ и нашихъ милыхъ товарищей; я не буду больше ходить взадъ и впередъ по палубѣ, покрытой снѣгомъ, не буду пробираться подъ тентъ, слышать смѣхъ въ уютномъ салонѣ и сидѣть въ кругу друзей. Потомъ мнѣ иногда представляется, что когда *Фрамъ* разобьетъ наконецъ ледяныя оковы и повернетъ свой носъ къ берегамъ Норвегіи, меня на немъ не будетъ. Прощанье придаетъ всему въ жизни какой-то грустный оттѣнокъ, подобно вечерней зарѣ, когда кончающійся день—хорошій или дурной, все равно—со слезами скрывается за горизонтомъ".

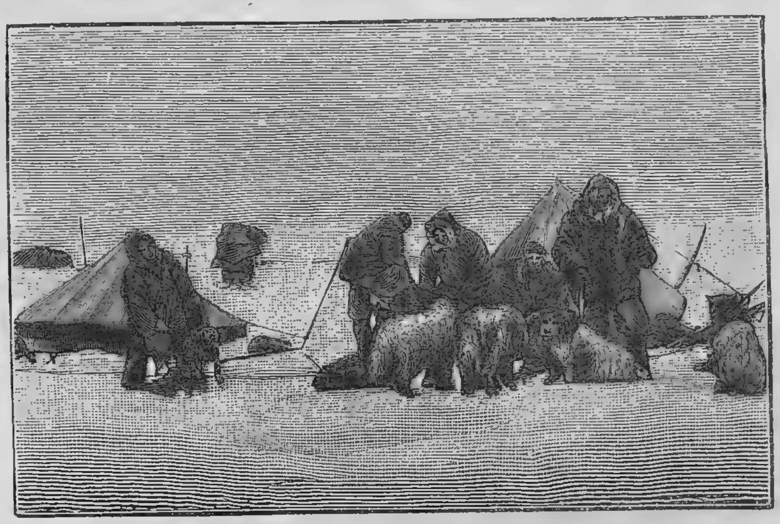
X.

Въ концѣ февраля насталъ, наконецъ, день, назначенный для выступленія экспедиціи. Солнце еще не показывалось, но утренняя заря окрашивала пурпуромъ край горизонта, и предразсвѣтныя сумерки распространяли блѣдный свѣтъ въ полуденные часы. Работа на *Фрамѣ* кипѣла. Все необходимое для экспедиціи изготовлялось подъ руководствомъ и на-

блюденіемъ Нансена, который не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Кромѣ заботы обо всемъ, что необходимо было взять съ собой, его занимала мысль и объ остающихся: онъ давалъ имъ указанія, какъ продолжать начатыя научныя наблюденія, и много толковалъ со Свердрупомъ о томъ, какъ вести дальше экспедицію. Наканунѣ отъѣзда, передавая капитану начальство надъ экспедиціей, онъ письменно повторилъ ему то, что часто говорилъ на словахъ, что главная забота его должна заключаться въ томъ, чтобы благополучно доставить на родину экипажъ, что и существованіе *Фрама*, и всѣ научные результаты экспедиціи менѣе дороги, чѣмъ жизнь людей, ввѣрившихъ себя ихъ руководству.

Грустно прошелъ прощальный ужинъ въ салонѣ. На слѣдующее утро экспедиція двинулась въ путь. Впереди бѣжалъ на лыжахъ Нансенъ рядомъ съ *Квикъ*, передней собакой первыхъ саней, за нимъ слѣдовали съ крикомъ, съ хлопаньемъ бичей и собачьимъ лаемъ еще трое нагруженныхъ саней. Свердрупъ, Гансенъ, Блессингъ, Гендриксенъ и Могштадъ, тоже на лыжахъ, провожали товарищей. Поѣздъ недалеко подвинулся впередъ; на гладкомъ льду собаки бѣжали отлично, но онѣ не въ силахъ были втаскивать сани на ледяныя горы; кромѣ того, двое саней скоро сломались, ударившись объ острыя ледяныя глыбы. Пришлось вернуться на *Фрамъ*, чтобы починить сани. Нансенъ рѣшилъ вмѣсто 4 саней взять 6, чтобы ихъ было легче везти, и уменьшить количество забраннаго провіанта. Всѣ сани были по-

чинены, скрѣплены заново, и дня черезъ три путники снова выступили въ сопровожденіи тѣхъ же товарищей. Весь день подвигались они благополучно впередъ, вечеромъ раскинули палатку и устроили прощальный ужинъ съ горячимъ пуншемъ, а на *Фрамѣ* въ это время горѣла въ честь ихъ иллюминація: на мачтѣ поднята была электрическая лампа,—первая лампа, освѣтившая ледяныя массы полярнаго

Послѣдняя ночевка съ товарищами передъ отправленіемъ въ путь.

моря; на льдинахъ, окружавшихъ судно, зажженъ былъ блестящій фейерверкъ. На слѣдующее утро Нансенъ и Іогансенъ распрощались съ товарищами.

— Когда вы вернетесь домой, вы, навѣрное, отправитесь къ южному полюсу... Смотрите, подождите меня,—я тоже поѣду съ вами,—говорилъ Свердрупъ, пожимая руку друга.

И на этотъ разъ начало путешествія экспедиціи оказалось неудачнымъ. Собаки опять-таки хорошо везли сани только на ровномъ мѣстѣ, при всякомъ же пригоркѣ, при всякой трещинѣ во льду онѣ останавливались, и людямъ приходилось по шести разъ ходить взадъ и впередъ, чтобы помогать животнымъ втаскивать поочередно каждыя сани. Нансенъ чувствовалъ, что при такомъ медленномъ движеніи впередъ онъ никогда не достигнетъ цѣли: необходимо было устроиться какъ-нибудь иначе. И вотъ онъ во второй разъ вернулся на *Фрамъ*.

Теперь онъ рѣшилъ отправиться всего съ тремя санями и взять провіанта только на 30 дней для собакъ и на 100 дней для людей. 14 марта экспедиція, наконецъ, въ послѣдній разъ простилась съ *Фрамомъ*. Скоттъ-Гансенъ, Гендриксенъ и Петерсенъ пошли провожать путниковъ и въ первый день пути помогали имъ перетаскивать сани черезъ цѣпи ледяныхъ пригорковъ, которыми былъ усыпанъ путь. Переночевавъ вмѣстѣ съ товарищами и вдоволь померзнувъ на 45° морозѣ, они отправились въ обратный путь, а Нансенъ и Іогансенъ двинулись дальше.

Первые дни одинокаго странствованія отважныхъ путниковъ по ледяной пустынѣ прошли благополучно. Собаки бодро бѣжали впередъ по гладкой ледяной равнинѣ; погода стояла ясная, хотя холодная; солнце высоко поднималось надъ горизонтомъ. Иногда попадались ряды нагроможденныхъ другъ на друга ледяныхъ глыбъ, черезъ которыя приходилось перетаскивать сани чуть не на себѣ, и трещины, которыя

надобно было обходить, дѣлая большой крюкъ; но путники бодро шли впередъ, проходя отъ 10 до 15 верстъ въ день.

„Единственная непріятность, — пишетъ Нансенъ,—это холодъ. Наша одежда днемъ превращается въ ледяной панцырь, а ночью въ сырой компрессъ. Вслѣдствіе ледяныхъ сосулекъ на внутренней сторонѣ спальнаго мѣшка, онъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Ночью температура бываетъ ниже 42°.

Дней черезъ десять пути ледъ сталъ замѣтно хуже. Ровныя пространства попадались все рѣже и рѣже, все чаще приходилось переправлять сани черезъ ледяныя глыбы, а холодъ еще усилился вслѣдствіе рѣзкаго сѣверо-восточнаго вѣтра. Одна изъ собакъ заболѣла отъ усталости и не только не могла тащить саней, но не могла даже бѣжать за поѣздомъ. Ее убили, и мясо ея отдали въ пищу другимъ собакамъ; но многія изъ нихъ, несмотря на скудость пищи, не соглашались дотронуться до собачьяго мяса.

Чѣмъ дальше подвигались путники, тѣмъ чаще приходилось имъ помогать собакамъ при всякихъ неровностяхъ пути, а также поднимать сани, очень часто опрокидывавшіяся, разгружать и снова нагружать ихъ. Это такъ утомляло ихъ, что они иногда засыпали на ходу. Какъ только они находили мѣстечко, защищенное отъ вѣтра снѣжнымъ холмомъ или цѣпью ледяныхъ горъ, они останавливались на ночлегъ. Іогансенъ распрягалъ и кормилъ собакъ; Нансенъ разставлялъ палатку, разводилъ огонь въ походной

кухнѣ и принимался готовить ужинъ. Затѣмъ разстилали на полу спальный мѣшокъ, тщательно закрывали всѣ отверстія палатки и залѣзали въ мѣшокъ, чтобы оттаить свои одежды. Это была весьма непріятная операція.

Въ теченіе дня испаренія тѣла проникали въ одежду, замерзали, и вся одежда представляла обледенѣлую массу; она трещала при каждомъ движеніи и дѣлалась до того жесткой, что рукава рубашки натерли Нансену на сгибѣ руки глубокую рану, которая долго мучила его. Вечеромъ, лежа въ мѣшкѣ, они понемногу оттаивали одежду теплотою собственнаго тѣла. При этомъ сами они страшно зябли и, стуча отъ холода зубами, дрожа всѣмъ тѣломъ, близко прижимались другъ къ другу, чтобы сколько-нибудь согрѣться. Часа полтора лежали они такимъ образомъ. Наконецъ, одежда оттаивала и дѣлалась мягкой и сырой. Ужинъ былъ готовъ. Онъ всегда казался имъ необыкновенно вкуснымъ, и они цѣлый день мечтали объ этой счастливой минутѣ; но, увы, усталость часто мѣшала имъ насладиться ею. Глаза ихъ закрывались, и они засыпали, не успѣвъ донести ложку до рта. Поужинавъ въ полуснѣ, они выпивали по кружкѣ горячей воды съ разведеннымъ въ ней молочнымъ порошкомъ, и это, наконецъ, согрѣвало ихъ. Послѣ этого они окончательно укладывались въ свой мѣшокъ, застегивали верхній конецъ его надъ головами и засыпали, прижавшись другъ къ другу.

На утро Нансенъ вставалъ первымъ и готовилъ

завтракъ, состоявшій изъ шоколада, хлѣба съ масломъ и съ сушенымъ мясомъ, или изъ какой-нибудь мучной похлебки и молочнаго порошка съ горячей водой. Когда завтракъ былъ готовъ, Нансенъ будилъ Іогансена; они садились въ свой спальный мѣшокъ, разстилали на колѣняхъ шерстяное одѣяло, вмѣсто салфетки, и съ аппетитомъ закусывали. Послѣ завтрака они проводили нѣсколько времени за писаніемъ своихъ дневниковъ, за починкой разорвавшейся одежды и обуви или лопнувшимъ мѣшкомъ, и уже затѣмъ готовились въ путь.

Иногда мы были до того утомлены, — говоритъ Нансенъ,—что, кажется, готовы были отдать все на свѣтѣ, только бы опять залѣзть въ мѣшокъ и проспать цѣлыя сутки. Мнѣ тогда казалось, что это было бы величайшее удовольствіе; но нѣтъ, надо было идти дальше на сѣверъ, все на сѣверъ“.

Впереди шелъ обыкновенно Нансенъ, отыскивая дорогу среди льдинъ; за нимъ двигались первыя сани. Собаки скоро привыкли слѣдовать за нимъ, но при всякой неровности поверхности онѣ останавливались. Если не удавалось крикомъ заставить ихъ дружно подхватить сани, тогда Нансену приходилось возвращаться и подгонять ихъ кнутомъ или помогать имъ. Сзади шелъ Іогансенъ съ двумя другими санями; онъ то кричалъ на собакъ, то билъ ихъ кнутомъ, то вмѣстѣ съ ними втаскивалъ сани на крутые пригорки.

„Мы были жестоки къ бѣднымъ животнымъ, такъ жестоки, что мнѣ противно вспомнить объ

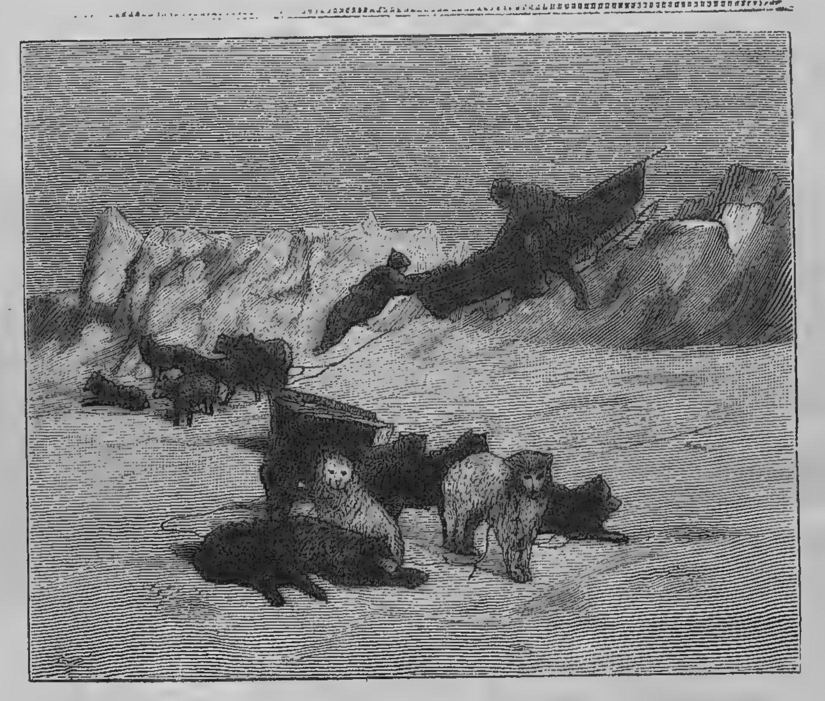
этомъ,—пишетъ Нансенъ.—Мнѣ до сихъ поръ больно подумать, какъ мы безжалостно били ихъ толстыми палками, когда они останавливались, измученныя усталостью. Сердце наше обливалось кровью, мы отворачивались, чтобы не смотрѣть на нихъ, и нарочно старались ожесточать себя. Это было необходимо. Мы *должны* были подвигаться впередъ, и передъ этой цѣлью все отступало на заднiй планъ. Въ этомъ состоитъ печальная сторона экспедицiй, подобныхъ нашей: приходится убивать въ себѣ всѣ лучшiя чувства, и остается одинъ жестокосердый эгоизмъ. Когда я думаю о всѣхъ тѣхъ славныхъ животныхъ, которыя безропотно работали на насъ, пока могли двигаться, которыя никогда не получали благодарности и рѣдко слышали ласковое слово, пока силы окончательно оставляли ихъ и смерть освобождала ихъ отъ страданiй; когда я думаю, какъ они одно за другимъ гибли среди ледяной пустыни, свидѣтельницы ихъ вѣрности и самопожертвованiя,—я часто чувствую сильнѣйшiе упреки совѣсти".

Путешественники обыкновенно шли часовъ 8 или 10 въ сутки и въ теченiе этого времени останавливались закусить. Эти остановки доставляли имъ, впрочемъ, больше непрiятностей, чѣмъ отдыха. Страшный морозъ и вѣтеръ пробирали ихъ до костей, какъ только они присаживались въ сани; пища была заморожена. Они пробовали разстилать на льду свой спальный мѣшокъ и забираться въ него, но не могли оттаять ни пищи, ни одежды. Часто, когда

морозъ былъ слишкомъ силенъ, они ѣли на ходу, не присаживаясь ни на минуту. Особенно тяжело было имъ возиться съ собаками. Окостенѣлыми отъ холода пальцами приходилось безпрестанно распутывать собачью упряжь, которую собаки то и дѣло путали и разрывали. Едва удастся связать и приладить, какъ слѣдуетъ, постромки, и сани пробѣгутъ благополучно съ полверсты, какъ вдругъ—ледяная глыба. Собаки останавливаются и воютъ отъ нетерпѣнія, что не могутъ догнать ушедшихъ впередъ товарищей; онѣ рвутся, грызутъ постромки, какая-нибудь изъ нихъ распрягается и убѣгаетъ въ сторону; приходится ловить ее, связывать кое-какъ постромки и перетаскивать сани черезъ ледяную глыбу.

Трещины, въ разныхъ направленіяхъ пересѣкавшія ледяныя пространства, тоже доставляли имъ не мало хлопотъ. Нансенъ шелъ обыкновенно впереди, чтобы развѣдывать дорогу; часто ему приходилось долго идти сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, прежде чѣмъ онъ находилъ сколько-нибудь сносный путь; иногда случалось, что онъ не замѣчалъ трещины, покрытой тонкимъ слоемъ льда, запорошеннаго снѣгомъ. Собаки проваливались въ эту трещину, ихъ приходилось вытаскивать, удерживать, чтобы онѣ не опрокинули саней, налаживать сызнова всю упряжь, искать безопаснаго обхода. Одинъ разъ не широкая, но очень длинная трещина перерѣзала имъ путь. Необходимо было перейти черезъ нее. Первыя сани удалось перевезти благополучно;

но когда они шли за другими, подъ ногами Іогансена вдругъ подломилась льдина, и онъ провалился обѣими ногами въ воду. Трещина расширялась все больше и больше. Іогансену удалось вскарабкаться

Переправа черезъ ледяныя глыбы.

на тотъ ея берегъ, гдѣ стояли его сани, а Нансенъ въ это время бѣгалъ по противоположному берегу, отыскивая мѣсто для переправы. Долго всѣ поиски его оказывались напрасными, и онъ уже съ ужасомъ думалъ, что имъ придется проводить ночь въ разлукѣ: ему съ палаткой на одномъ берегу, несчастному, окоченѣлому Іогансену на другомъ. Къ

счастью, послѣ долгихъ поисковъ мѣсто переправы нашлось, и сани съ Іогансеномъ могли переѣхать черезъ трещину; но идти дальше не было возможности, такъ какъ ноги Іогансена превратились въ ледяныя глыбы. Необходимо было какъ можно скорѣе разбить палатку и согрѣть его.

Съ каждымъ днемъ путь становился все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Около трещинъ, затертыхъ льдомъ, громоздились ледяныя горы, промежутки между которыми были покрыты тонкимъ слоемъ снѣга, скрывавшимъ неровности поверхности. При всякомъ неосторожномъ шагѣ или сами путники, или ихъ собаки проваливались въ глубокія ямы.

Удивительно, какъ мы не переломали себѣ ногъ!— замѣчаетъ по этому поводу Нансенъ.

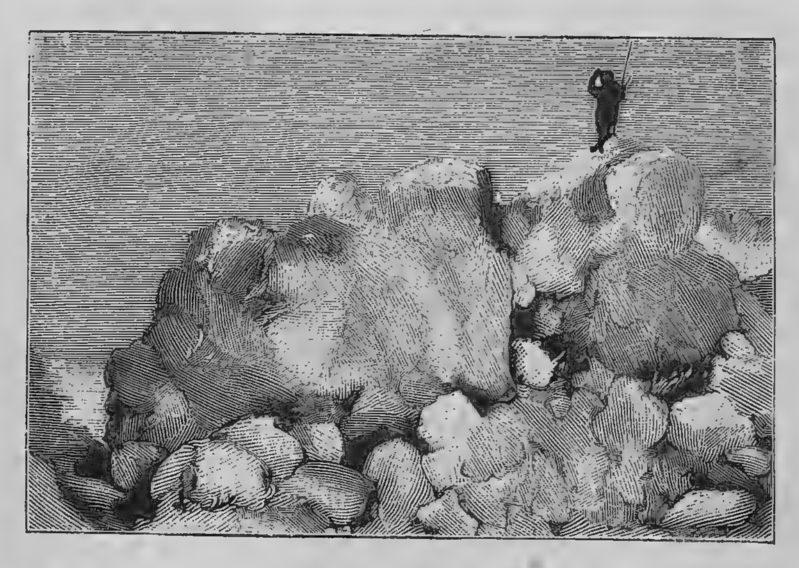
Въ началѣ апрѣля вторая собака ослабѣла настолько, что ее пришлось убить и кормить ея мясомъ остальныхъ. Насколько хваталъ глазъ, вооруженный подзорной трубой, ледяная поверхность къ сѣверу вся была перерѣзана грядами ледяныхъ холмовъ и нагроможденными другъ на друга льдинами. Нансенъ сдѣлалъ вычисленіе того пространства, которое имъ удалось пройти въ теченіе 20 дней. Оказалось, что они находились на 85°54′ сѣверной широты. Когда они сошли въ послѣдній разъ съ *Фрама*, онъ достигъ 85°, слѣдовательно, они сдѣлали всего 94, 95 верстъ при такихъ страшныхъ усиліяхъ. Это было невѣроятно! Были дни, когда они проходили по 15, по 20 верстъ и почти никогда меньше

пяти. По всѣмъ ихъ соображеніямъ они давно уже перешли 86°, и вдругъ такое разочарованіе! Долго ломалъ себѣ голову Нансенъ, чтобы объяснить это странное явленіе, пока, наконецъ, у него мелькнула мысль, вскорѣ подтвердившаяся всѣми наблюденіями: ледъ, по которому они шли, не былъ неподвиженъ, и такъ какъ всѣ послѣдніе дни дулъ сѣверный вѣтеръ, то, очевидно, онъ двигался къ югу. Это было печальное открытіе. Сколько силъ, сколько трудовъ пропало даромъ! До сихъ поръ они считали главнымъ препятствіемъ нагроможденныя льдины да трещины, а тутъ являлся еще болѣе страшный, непобѣдимый врагъ—теченіе! У Нансена явилось сомнѣніе, не будетъ ли безуміемъ двигаться дальше? Очевидно, при такихъ условіяхъ они не въ состояніи достигнуть полюса: если даже силы не оставятъ ихъ, у нихъ во всякомъ случаѣ не хватитъ провіанта не только для собакъ, но и для себя. Съ того пункта, на которомъ они находились, до ближайшей къ нимъ Земли Франца-Іосифа было около 300 верстъ; если ледъ и въ той сторонѣ такъ же плохъ, то какъ удастся имъ пройти это разстояніе?

6-го апрѣля Нансенъ писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Ледъ становится все хуже и хуже. Вчера онъ довелъ меня почти до отчаянія, и когда мы сдѣлали привалъ сегодня утромъ, я почти рѣшился вернуться. Но я подожду еще день и посмотрю, такъ ли плохъ ледъ дальше на сѣверъ, какъ мнѣ показалось съ высоты ледяного холма, около кото-

раго мы останавливались. Вчера мы прошли всего нѣсколько верстъ. Трещины, гряды ледяныхъ горъ, голыя льдины, и при всякой неровности поверхности приходится поднимать сани,—всякій силачъ усталъ бы отъ такой работы!"

Нансенъ на ледяномъ холмѣ.

8 апрѣля онъ говоритъ:

„Нѣтъ, ледъ все хуже, и мы не можемъ двигаться дальше; за одной грядой холмовъ идетъ другая; намъ приходится безпрестанно пробираться черезъ ледяныя глыбы. Мы вышли сегодня въ два часа утра и шли, пока были въ состояніи, при чемъ намъ почти все время приходилось тащить сани на рукахъ. Я побѣжалъ немного впередъ на лыжахъ, но не нашелъ нигдѣ порядочной дороги, и съ са-

мыхъ высокихъ холмовъ всегда передо мною открывался все тотъ же ледъ. Это настоящій хаосъ ледяныхъ глыбъ, простирающійся до самаго горизонта. Безсмысленно пытаться идти дальше: мы теряемъ дорогое время и ничего не достигаемъ. Поэтому я рѣшилъ вернуться и направить нашъ путь къ мысу Флигели. На этой самой сѣверной стоянкѣ нашей мы устроили себѣ праздничный ужинъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ припасовъ и, наѣвшись досыта, залѣзли въ свой милый мѣшокъ. Сегодня утромъ по моимъ вычисленіямъ оказалось, что мы достигли 86°13′ сѣверной широты".

XI.

8-го апрѣля путники повернули къ юго-западу, окончательно отказавшись отъ надежды достигнуть полюса. Въ томъ новомъ направленіи, какого они стали держаться, ледъ оказался значительно лучше. Гряды ледяныхъ холмовъ чередовались съ довольно большими пространствами ровнаго льда и шли по большей части съ сѣверо-востока на юго-западъ, такъ что путникамъ можно было не пересѣкать ихъ, а идти вдоль нихъ. Одно, что̀ сильно задерживало ихъ и доставляло имъ много хлопотъ, были трещины, канавы и полыньи, безпрестанно попадавшіяся имъ. Иногда эти трещины были покрыты тонкимъ слоемъ льда, который проламывался подъ тяжестью саней; собаки проваливались, сани тоже, люди по колѣно въ водѣ вытаскивали ихъ и шли

дальше, предоставляя мокрому платью замерзать на себѣ. Морозы стали легче; послѣ всего испытаннаго путниками 25-градусный морозъ казался имъ пустякомъ; а когда погода сдѣлалась еще теплѣе, Нансенъ писалъ:

„Какое наслажденіе путешествовать при такой мягкой погодѣ: всего 11 градусовъ,—можно дѣлать, что̀ хочешь: не страшно работать голыми руками; безъ ужаса думаешь о томъ, что надобно застегнуть пуговицу. Опять можно шевелить искалѣченными, замерзлыми пальцами и не чувствовать боли отъ прикосновенія къ нимъ!“

Солнце сильно припекало; они нарочно разставляли палатку на солнцѣ и не только не дрожали въ своемъ мѣшкѣ, но даже иногда находили, что въ немъ жарко спать.

Эта теплая погода имѣла и свою невыгодную сторону. Тонкій ледъ и снѣгъ на трещинахъ таяли, и эти трещины нерѣдко превращались въ широкія канавы, даже въ цѣлыя озера; переправа черезъ нихъ съ каждымъ днемъ становилась все труднѣе и труднѣе. Нансену приходилось дѣлать нѣсколько верстъ по берегу такой трещины и часто возвращаться назадъ, не найдя никакого перехода. Тогда не оставалось ничего иного, какъ остановиться на ночлегъ около нея и ждать или мороза, который сковалъ бы поверхность трещины, или движенія льда, который затеръ бы ее.

„Досадно бывало, — пишетъ Нансенъ, — когда какая-нибудь широкая полынья вдругъ преграждала

путь по гладкому, ровному льду; но все-таки необыкновенно пріятно видѣть передъ собой открытую воду, въ струйкахъ которой играетъ солнце. Подумать только, послѣ такого долгаго промежутка и опять вода, опять блестящія струйки! Мысли невольно переносятся къ родинѣ и къ лѣту".

Нансенъ часто дѣлалъ вычисленія широты и долготы тѣхъ пунктовъ, на которыхъ они останавливались; онъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что на этотъ разъ опять теченіе играло съ нимъ злую шутку: оно направлялось къ сѣверу и, пройдя больше ста верстъ, они подвинулись всего на нѣсколько минутъ къ югу. А между тѣмъ провіантъ, взятый для собакъ, приходилъ къ концу, да и силы бѣдныхъ животныхъ ослабѣвали. Все чаще и чаще приходилось убивать неспособныхъ продолжать путь, и почти всѣ оставшіяся въ живыхъ съ жадностью набрасывались на мясо убитыхъ товарищей. Въ началѣ мая осталось всего 16 собакъ, да и тѣ были крайне истощены.

4-го мая Нансенъ писалъ:

„Ночью ледъ сильно испортился. Трещины встрѣчались безпрестанно, одна хуже другой; чтобы переходить ихъ, мы должны были отклоняться въ сторону отъ своего пути и дѣлать трудные обходы. Можно было прямо прійти въ отчаяніе, особенно, когда поднялся сильный вѣтеръ. Какое безконечное мученіе! Чего бы я ни далъ, чтобы снова увидѣть землю, идти по опредѣленному пути, дѣлать опредѣленное количество верстъ въ день и освободиться

отъ той безконечной заботы и неувѣренности, какую создаютъ эти трещины! Неизвѣстно, какія непріятности онѣ намъ еще надѣлаютъ, какія препятствія намъ придется преодолѣть, прежде чѣмъ мы достигнемъ земли; а при этомъ количество собакъ все убываетъ. Бѣдныя животныя получаютъ все, что̀ мы можемъ дать имъ; но это нисколько не помогаетъ. Я устаю до того, что не могу удержаться на лыжахъ; а когда падаю, желаю одного—лежать на мѣстѣ, избавиться отъ труда вставать“.

Эта непомѣрная усталость заставляла ихъ иногда останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь ихъ подвергалась большой опасности. Такъ, одинъ разъ они промучились полдня, переправляясь черезъ трещины и гряды льдинъ, нагроможденныхъ вдоль этихъ трещинъ; послѣ полудня поднялся вѣтеръ и снѣжная мятель; рѣшили остановиться гдѣ бы то ни было. Единственную защиту отъ вѣтра поблизости представляла ледяная гора, и они разбили около нея свою палатку, хотя видѣли, что эта гора недавно образовалась вслѣдствіе напора льда, и знали, что, если напоръ возобновится, имъ придется плохо.

„Я еще не успѣлъ заснуть, — разсказываетъ Нансенъ,—какъ ледъ подъ нами началъ трещать, и въ ледяной горѣ сзади насъ послышалось хорошо извѣстное намъ движеніе толчками. Я прислушался и подумалъ, не лучше ли встать, пока ледяная глыба не обрушилась на насъ, но тутъ же быстро заснулъ и увидѣлъ во снѣ землетрясеніе. Когда я

проснулся черезъ нѣсколько часовъ, все было спокойно. Только вѣтеръ вылъ, трепалъ стѣны палатки и вздымалъ горы снѣга вокругъ нея".

8-го мая, черезъ мѣсяцъ послѣ начала своего обратнаго путешествія, путники находились на 84°21′ сѣверной широты, т.-е. подвинулись къ югу меньше, чѣмъ на 180 верстъ; а между тѣмъ по той скорости, съ какою они шли, они сдѣлали не меньше 400 верстъ! Правда, они въ то же время подвинулись значительно на западъ, и Нансенъ былъ увѣренъ, что одинъ изъ острововъ, образующихъ такъ называемую „Землю Франца-Іосифа", долженъ быть уже очень недалеко. Его надежды еще больше оживились, когда онъ замѣтилъ на снѣгу свѣжіе слѣды нѣсколькихъ лисицъ. До тѣхъ поръ имъ во все время пути не попадалось ни одного живого существа, а тутъ вдругъ лисицы!

— Въ этой ледяной пустынѣ имъ питаться нечѣмъ; очевидно, онѣ забѣжали сюда съ какой-нибудь населенной мѣстности,—разсуждали путники, и это придавало имъ бодрости. Ничего такъ не хотѣлось имъ, какъ встрѣтить медвѣдя или другого большого звѣря, чтобы мясомъ его досыта накормить бѣдныхъ собакъ, число которыхъ все убывало и убывало.

Къ половинѣ мая осталось въ живыхъ всего 12 собакъ, да и тѣ двигались очень вяло. Нансенъ рѣшилъ уничтожить однѣ сани и раздѣлить весь багажъ на остальныя двое. Это перекладываніе заняло цѣлый день, такъ какъ пришлось заодно чи-

нить разорванные мѣшки и одежду. Кстати сдѣлалась такая сильная мятель, что невозможно было продолжать путь. Путешественники вздумали воспользоваться лишними санями и сломанными кольями лыжъ, чтобы развести костеръ. Давно не видали они яркаго пламени и съ наслажденіемъ любовались на костеръ, пылавшій у входа въ палатку. Къ сожалѣнію, костеръ не только пылалъ, но и дымилъ, а вѣтеръ гналъ прямо въ палатку этотъ дымъ, ѣвшій глаза и горло. Перенесли костеръ немного подальше на ледъ; это спасло отъ дыма, но зато лишило возможности грѣться около костра и любоваться имъ. Для приготовленія кушанья керосиновая кухня оказалась удобнѣе, такъ какъ давала больше тепла, чѣмъ дрова, и на ней кушанье приготовлялось гораздо скорѣе. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ; яркое солнце заблистало на безоблачномъ небѣ, и путники двинулись въ путь съ двумя санями, въ которыхъ было запряжено по шести собакъ. Чтобы не брать съ собой лишняго груза, они оставили на мѣстѣ стоянки несгорѣвшую часть саней и нѣсколько палокъ.

„Мы снова идемъ по движущимся льдинамъ,— пишетъ Нансенъ,—не знаемъ навѣрно, гдѣ мы находимся, не знаемъ, далеко ли намъ идти до той невѣдомой страны, на которой мы надѣемся найти средства пропитанія; мы идемъ съ двумя запряжками собакъ, число которыхъ постоянно уменьшается, силы которыхъ съ каждымъ днемъ ослабѣваютъ; между нами и нашею цѣлью лежитъ ле-

дяное поле, которое можетъ представить намъ неожиданныя препятствія; мы тащимъ сани, которыя для насъ слишкомъ тяжелы. Мы съ великимъ трудомъ идемъ версту за верстой, а можетъ быть, движеніе льда относитъ насъ на западъ, далеко отъ земли, къ которой мы стремимся. Да, это, несомнѣнно, тяжелая жизнь, но она когда-нибудь кончится, и мы достигнемъ цѣли".

Обезсиленныя собаки шли сколько-нибудь сносно только по совершенно гладкой дорогѣ, при всякой неровности на поверхности онѣ останавливались въ полномъ изнеможеніи; людямъ приходилось идти впередъ, отыскивать и прокладывать дорогу, а затѣмъ снова возвращаться назадъ и подгонять собакъ. Это была тяжелая работа, но на это они не роптали; главное, что̀ ихъ приводило въ отчаяніе, были трещины, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще превращались въ огромныя полыньи, въ цѣлыя озера воды. Собираясь переправиться черезъ одно изъ такихъ озеръ по тонкому слою льда, покрывавшему его, путешественники вдругъ услыхали странный шумъ, похожій на сопѣніе кита. Они стали прислушиваться, присматриваться и замѣтили, что въ одномъ мѣстѣ ледъ зашевелился, еще секунда— и изъ отверстія показалась огромная голова морского единорога. Нѣсколько шаговъ дальше еще голова и еще; за головой послѣдовало туловище, которое описало въ воздухѣ полукругъ и исчезло подо льдомъ. Путешественники приготовили ружья и гарпуны, чтобы поохотиться за этими животными;

но они быстро исчезли изъ виду. Во всякомъ случаѣ появленіе ихъ было пріятно: провіантъ приходилъ къ концу, а такая большая дичь могла надолго предохранить отъ голода и людей, и собакъ. Послѣ этого морскіе единороги стали попадаться чуть не во всякой большой трещинѣ, а на снѣгу нѣсколько разъ встрѣчались слѣды медвѣдей.

Май подходилъ къ концу, а земли не было видно.

„Вчера былъ, кажется, самый тяжелый для насъ день,—писалъ Нансенъ 24 мая.—Трещина, передъ которой мы остановились на ночлегъ, была хуже всѣхъ, какія мы до сихъ поръ встрѣчали. Утромъ, послѣ завтрака, пока Іогансенъ занимался починкой палатки, я пошелъ отыскивать мѣсто для перехода черезъ нее и напрасно проходилъ цѣлыхъ 3 часа. Оставалось одно—идти на востокъ вдоль трещины, въ надеждѣ, что гдѣ-нибудь найдется переходъ. Но идти пришлось гораздо дальше, чѣмъ мы ожидали. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ трещина, повидимому, кончалась, оказалось, что все ледяное поле кругомъ растрескалось, льдины съ страшной быстротой двигаются и сталкиваются. Одну минуту мнѣ показалось, что черезъ нихъ можно пройти; но пока я ходилъ за санями, передо мной очутилась открытая вода. Однако, мы пустились впередъ, перескакивая со льдины на льдину. Ледъ двигался вокругъ насъ и подъ нашими ногами, пробираться было страшно тяжело. Нѣсколько разъ намъ казалось, что мы дошли до конца труд-

наго пути; но скоро разочарованнымъ глазамъ нашимъ открывались новыя полыньи, новыя трещины. Можно было просто прійти въ отчаяніе. Казалось, конца этому не будетъ. Куда мы ни обращались, всюду передъ нами раскрывались полыньи. Точно будто весь ледъ тронулся. Хотя мы были страшно голодны и утомлены, но мы рѣшили не отдыхать, пока не побѣдимъ этого препятствія. Наконецъ, послѣ 9-часовой работы мы потеряли всякую надежду и рѣшили пообѣдать въ 1 часъ ночи. Въ 4 часа мы снова принялись за прежнюю безнадежную работу. Къ довершенію непріятности, поднялся такой туманъ, что нельзя было различить, что̀ передъ тобой — ледяная стѣна или яма. Сколько трещинъ мы перешли, на сколько крутыхъ ледяныхъ холмовъ мы влѣзали, таща за собой тяжелыя сани, я не знаю; но во всякомъ случаѣ ихъ было много. Они шли и поворачивали въ разныя стороны, и всюду мы наталкивались на пространства воды и рыхлаго снѣга. Но все кончается, даже и такое мученье. Проработавъ еще 2½ часа, мы, наконецъ, перешли черезъ послѣднюю трещину, и передъ нами лежала гладкая равнина. Въ общей сложности мы провели 12 часовъ за этой работой. Кромѣ того, утромъ я бѣгалъ три часа, отыскивая дорогу, такъ что всего былъ на ногахъ 15 часовъ. Мы до послѣдней степени утомились и измокли. Нельзя пересчитать, сколько разъ мы проваливались въ воду, покрытую обманчивымъ слоемъ льда. Утромъ мнѣ едва удалось выкарабкаться. Ничего не подозрѣвая,

я побѣжалъ на лыжахъ по льду, который считалъ совершенно крѣпкимъ, какъ вдругъ онъ сталъ подо мною опускаться; къ счастью, поблизости находились льдины, на которыя я вскочилъ, между тѣмъ какъ вода затопила тотъ снѣгъ, на которомъ я только-что стоялъ".

Дни, слѣдовавшіе за этимъ „самымъ тяжелымъ", были нисколько не легче его. Холмы, трещины, полыньи, рыхлый снѣгъ, въ который нога уходила по колѣни, тонкій ледъ, ломавшійся подъ ногой, небольшое гладкое пространство, а затѣмъ опять тѣ же трещины, тѣ же полыньи... Много разъ вздыхали путники о мартовскихъ морозахъ, которые превратили бы всю ледяную поверхность въ крѣпкую, плотную массу! Май мѣсяцъ былъ самый невыгодный для путешествія: ледъ уже ломался, но еще не образовались большія пространства открытой воды, по которымъ можно бы пуститься въ кайякахъ. Нѣсколько разъ Нансену приходила въ голову мысль: не остановиться ли, не подождать ли наступленія настоящаго лѣта; но и ему, и Іогансену все казалось, что земля должна быть близко, очень близко, что еще нѣсколько усилій, и они дойдутъ до нея. Измѣренія показывали, что они приближались къ 82° сѣверной широты; кромѣ того, природа вокругъ нихъ положительно оживлялась: въ полыньяхъ кромѣ морскихъ единороговъ стали появляться тюлени, въ воздухѣ летали птицы: чайки разнообразныхъ породъ, буревѣстники; на снѣгу попадались слѣды медвѣдей.

Между тѣмъ собаки гибли отъ истощенія одна за другой. Пришлось убить красавца Бара, потомъ Квикъ, потомъ Пана, самую лучшую собаку изъ всей своры. Къ концу мая уцѣлѣло всего 7 штукъ.

XII.

1 іюня послѣ цѣлаго дня ходьбы по довольно сносному льду путники разбили палатку недалеко отъ трещины, которую, несмотря на всѣ усилія, не могли перейти. Къ утру слѣдующаго дня эта трещина превратилась въ цѣлое озеро воды, простиравшееся далеко во всѣ стороны. Нечего было и думать перебраться черезъ это озеро пѣшкомъ или въ саняхъ. Между тѣмъ кайяки сильно попортились во время пути и, прежде чѣмъ спускать ихъ на воду, надобно было починить ихъ. Путешественники перенесли свою палатку подальше отъ воды, въ мѣстечко, защищенное отъ вѣтра, и принялись за работу. Обѣ парусинныя покрышки кайяковъ были во многихъ мѣстахъ прорваны, бамбуковыя палки, составлявшія остовъ ихъ, поломаны,—дѣла предстояло не мало.

2 іюня Нансенъ писалъ въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня Троица! Сколько пріятныхъ лѣтнихъ воспоминаній вызываетъ это слово! Какъ тяжело думать, что дома теперь такъ хорошо, а мы должны сидѣть здѣсь среди снѣга, вѣтра и льда! Какъ тянетъ туда! Сегодня маленькая Лифъ пойдетъ обѣдать къ бабушкѣ, можетъ быть, именно въ эту

минуту ей надѣваютъ новое платье. Ну, ничего, придетъ время, что и я буду съ ними,—неизвѣстно только когда! Надобно скорѣе приниматься за работу, за починку кайяковъ, чтобы прогнать печальныя мысли...

Они нѣсколько дней работали такъ усердно, что почти забывали объ ѣдѣ, и иногда не спали по цѣлымъ суткамъ. Между тѣмъ работа подвигалась медленнѣе, чѣмъ они ожидали, и прошла цѣлая недѣля, прежде чѣмъ кайяки были готовы. Эта задержка заставила ихъ серьезно призадуматься, хватитъ ли имъ провіанта. Собаки давно съѣли то, что было припасено для нихъ, и питались исключительно мясомъ своихъ убитыхъ товарищей; онѣ голодали до того, что грызли ремни лыжъ, куски парусины, обломки палокъ. Путники тоже не могли уже ѣсть, какъ прежде, сколько хотѣли: они рѣшили каждый день отвѣшивать себѣ опредѣленныя порціи и довольствоваться только необходимымъ. Вокругъ нихъ летало, правда, много чаекъ, но это были такія крошечныя птички, что на нихъ не стоило терять заряды; большіе звѣри не появлялись.

9 іюня кайяки были, наконецъ, готовы, и рѣшено, во что бы ни стало, пуститься въ путь. Новая бѣда! Сильный юго-восточный вѣтеръ, дувшій цѣлыя сутки, привелъ въ движеніе ледяныя массы; старыя трещины закрылись, исчезло и то озеро воды, ради котораго предпринята была вся длинная работа! Пришлось нагрузить кайяки на сани и снова день за днемъ тащиться впередъ по мягкому снѣгу,

въ которомъ проваливались ноги, по трещинамъ, покрытымъ осколками льдинъ.

„Въ общемъ намъ приходится вести однообразную жизнь,—писалъ Нансенъ,—такую однообразную, какъ только можно себѣ представить. День за днемъ, недѣля за недѣлею, мѣсяцъ за мѣсяцемъ все то же утомительное странствованіе по льду, который иногда бываетъ нѣсколько хуже, иногда нѣсколько лучше,—все та же напрасная надежда дойти до конца его, все тотъ же однообразный ледяной горизонтъ,—всюду ледъ и только ледъ. Ни съ какой стороны не видно земли, хотя мы должны находиться приблизительно на одной широтѣ съ мысомъ Флигели. Мы не знаемъ, гдѣ мы, не знаемъ, чѣмъ все это кончится. Между тѣмъ наши припасы уменьшаются съ каждымъ днемъ, и число собакъ убываетъ. Достигнемъ ли мы земли прежде чѣмъ съѣдимъ свои припасы, и вообще достигнемъ ли мы ея? Скоро намъ станетъ невозможно продолжать бороться противъ этого льда и этого снѣга: снѣгъ превратился въ какую-то кашу; собаки при каждомъ шагѣ проваливаются въ него: мы вязнемъ по колѣно, когда хотимъ помочь имъ и вмѣстѣ съ ними тащить сани. Такъ приходится перебираться черезъ ряды трещинъ, черезъ ряды ледяныхъ горъ. Трудно сохранить надежду, но мы ее сохраняемъ. По правдѣ сказать, мы почти теряемъ ее, когда смотримъ на ледъ передъ собою, на эту безнадежную смѣсь горныхъ цѣпей, трещинъ, рыхлаго снѣга и громадныхъ льдинъ, набросанныхъ

другъ на друга,—будто это какой-то застывшій буранъ. Въ иныя минуты кажется просто невозможно, чтобы существа, не обладающія крыльями, могли идти дальше; съ завистью слѣдишь глазами за пролетающей чайкой; и думается, какъ далеко можно бы пройти, если бы имѣть крылья!“

Всякій разъ, какъ только погода прояснялась, оба путника поочередно влѣзали на холмы и жадно глядѣли въ даль, не виднѣется ли земля. Все напрасно! Только на югѣ и на юго-западѣ виднѣлась на небѣ темноватая полоска, которую можно было принять за отраженіе земли или большого пространства открытой воды. Къ этой полоскѣ стремились всѣ мечты несчастныхъ путниковъ; но, увы, несмотря на всѣ ихъ невѣроятныя усилія, они почти не подвигались къ ней. Вычисленія показывали, что они недалеко отъ 82°; но вѣтеръ, гнавшій ледъ на сѣверъ, никакъ не давалъ имъ достигнуть этого градуса. Къ концу іюня въ упряжкѣ у Нансена осталась только одна собака и у Іогансена двѣ. Тогда они сами впряглись въ сани, устроивъ себѣ упряжь изъ ремней, которыми были привязаны погибшія собаки. И люди, и оставшіяся въ живыхъ собаки напрягали всѣ свои силы, но подвигались впередъ очень медленно; кромѣ того, пришлось убавить порцію пищи какъ людей, такъ и собакъ, чтобы возможно дольше сохранить жизнь.

„Мы всѣ пятеро,—пишетъ Нансенъ,—страдали отъ голода и усталости съ утра до вечера и съ вечера до утра. Мы рѣшили стрѣлять во всякую дичь,

какая намъ попадется, даже въ чаекъ и буревѣстниковъ; но, какъ нарочно, ничего не попадалось. Я не сплю по ночамъ и ломаю голову, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Надѣюсь, выходъ найдется".

Дѣйствительно, счастливая случайность помогла имъ на другой день послѣ того, какъ были написаны эти грустныя слова: все утро тащили они свои сани обычнымъ образомъ по очень дурному снѣгу, и послѣ полудня подошли къ большому озеру, черезъ которое нельзя было перебраться иначе, какъ въ кайякахъ. Они спустили кайяки въ воду, связали ихъ вмѣстѣ, поставили на нихъ сани, однѣ спереди, другія сзади. Собаки безъ всякаго приглашенія вскочили туда же, и это странное судно, нагруженное санями, мѣшками, ружьями и собаками, двинулось по голубымъ водамъ озера.

— Мы ѣдемъ точно цыгане,—смѣясь, замѣтилъ Іогансенъ,—никто бы не сказалъ, глядя на насъ, что мы ученые путешественники!

Сани и лыжи мѣшали грести, вода просачивалась сквозь обшивку кайяковъ; тѣмъ не менѣе такой способъ передвиженія былъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ ходьба по льду и снѣгу. Когда они переправились черезъ озеро, и Нансенъ выскочилъ на противоположный берегъ, онъ вдругъ услышалъ подлѣ себя плескъ воды: оказалось, что онъ спугнулъ тюленя, лежавшаго у берега; вслѣдъ затѣмъ изъ воды выставилась огромная голова животнаго. Не успѣлъ Нансенъ схватить свое ружье, какъ го-

лова скрылась подо льдомъ. Черезъ минуту она снова выставилась.

— Стрѣляйте скорѣй, Іогансенъ! — закричалъ Нансенъ.

Раздался выстрѣлъ, который попалъ животному прямо въ голову. Нансенъ бросилъ сани, которыя до половины стащилъ на берегъ, схватилъ гарпунъ и покончилъ тюленя. Между тѣмъ сани соскользнули съ берега и повисли однимъ концомъ на кайякѣ, другимъ въ водѣ. Вслѣдствіе этого кайякъ сильно наклонился и зачерпнулъ воды, лыжи свалились съ него, керосиновая кухня очутилась въ водѣ. Всему судну грозила неминуемая опасность; а Нансенъ держалъ убитаго тюленя и ничего не видѣлъ, кромѣ своей дорогой добычи. Наконецъ, крики Іогансена, который никакъ не могъ справиться съ тонувшимъ обозомъ, заставили его разстаться съ тюленемъ. Общими силами втащили они на льдину кайяки, сани, соскользнувшія въ воду вещи и, наконецъ, убитаго звѣря. Всѣ опасенія голодной смерти исчезли: мясо громаднаго животнаго могло надолго служить имъ пищей, а его сало они собирались употреблять вмѣсто керосина для варки кушанья. Они отыскали укромное мѣстечко, разбили палатку и насладились обильнымъ ужиномъ, который показался имъ особенно вкуснымъ послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ впроголодь.

Погода стояла теплая: въ тѣни меньше 10 градусовъ холода, а на солнцѣ нѣсколько градусовъ тепла; снѣгъ понемногу таялъ; льдины двигались,

затирали старыя трещины, открывали новыя, болѣе широкія, болѣе удобныя для плаванья. Среди лѣта ледяная пустыня должна была сдѣлаться гораздо болѣе удобопроходимой, и путешественники рѣшили отдохнуть нѣсколько дней въ ожиданіи этого. Дѣла у нихъ было не мало: во-1-хъ, надо было пересушить всѣ вещи, вымокшія во время ихъ переѣзда черезъ озеро, превратить въ консервы часть тюленьяго мяса, хорошенько скрѣпить и выкрасить кайяки, чтобы они не текли. Приготовить краску изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе у нихъ были подъ руками, оказалось дѣло не легкое. Нансенъ жегъ и толокъ кости тюленя, а потомъ мѣшалъ ихъ съ ворванью и съ сажей. Чтобы добыть эту сажу, онъ прокоптилъ всю палатку, такъ что и самъ онъ, и Іогансенъ стали походить на настоящихъ трубочистовъ.

„Все кругомъ насъ бѣло и чисто,—замѣчаетъ онъ,—только мы двое сидимъ черными дикарями среди снѣжно-бѣлой пустыни".

Вмѣсто предположенныхъ нѣсколькихъ дней, они прожили на мѣстѣ цѣлый мѣсяцъ, пока, наконецъ, благодѣтельный дождь смылъ весь талый снѣгъ. Имъ удалось въ это время убить медвѣдицу и двухъ медвѣжатъ, которые подошли слишкомъ близко къ ихъ стоянкѣ, и недостатка въ пищѣ они не терпѣли. 22-го іюля двинулись они, наконецъ, въ путь. Теперь у каждаго изъ нихъ было всего по одной собакѣ, такъ какъ вторая собака Іогансена заболѣла и была убита. Они значительно облегчили свой ба-

гажъ, оставивъ множество вещей на мѣстѣ стоянки: доски съ саней, лыжи, большую часть аптекарскихъ принадлежностей, сковороду, котелъ для таянья льда, мѣшки, парусину, мѣховыя и шерстяныя рукавицы и проч.; даже своего друга, спальный мѣшокъ, они не взяли съ собой. Вмѣсто всего этого они захватили мѣшокъ сушенаго мяса тюленя и медвѣдя и большой кусокъ сала.

Облегчивъ себя такимъ образомъ, они снова впряглись въ сани, каждый рядомъ съ своей собакой, и бодро зашагали по льду, который далеко не представлялъ гладкой равнины, но по которому все-таки можно было идти не проваливаясь. Черезъ попадавшіяся же трещины и полыньи они безъ особеннаго труда переплывали въ кайякахъ.

На другой день послѣ выступленія въ путь Іогансенъ влѣзъ на пригорокъ, чтобы осмотрѣть мѣстность, и замѣтилъ на горизонтѣ какую-то странную черную полосу. Черезъ нѣсколько времени Нансенъ съ другого пригорка увидѣлъ ту же полосу, поднимавшуюся надъ горизонтомъ и сливавшуюся съ чѣмъ-то бѣлымъ, что̀ онъ принялъ за гряду облаковъ. Въ волненіи схватился онъ за подзорную трубу... Всѣ сомнѣнія исчезли... Это земля, земля, и очень недалеко отъ нихъ! Еще черезъ нѣсколько времени на востокѣ выступила изъ тумана такая же бѣлая полоса, больше и выше первой, безъ всякихъ черныхъ точекъ. Можно себѣ представить радость утомленныхъ путниковъ! Они были увѣрены, что если хорошенько постараются, то черезъ день, много

черезъ два достигнутъ берега. И они старались, они напрягали всѣ силы; но, увы, надежды ихъ не сбылись! Цѣлыхъ тринадцать дней пришлось имъ бродить по самому отвратительному льду и перебираться черезъ сѣти трещинъ. Все время дулъ южный вѣтеръ и относилъ ихъ вмѣстѣ со льдинами въ противоположную сторону отъ земли, такъ что послѣ недѣли самаго утомительнаго странствованія они потеряли ее изъ вида. Къ довершенію непріятности, Нансенъ заболѣлъ: у него сдѣлалась сильная боль въ спинѣ, онъ въ продолженіе двухъ-трехъ дней еле могъ двигаться, и Іогансену приходилось ухаживать за нимъ, какъ за ребенкомъ. Наконецъ, 7-го августа они очутились на берегу открытаго моря. Ледяная пустыня была позади нихъ, а впереди возвышалась стѣна глетчера, у подножія котораго разстилалось большое пространство почти совсѣмъ чистой воды.

„Сердца наши радостно забились, — разсказываетъ Нансенъ, — но отъ волненія мы не могли произнести ни слова. Сзади насъ остались всѣ наши печали, впереди былъ водяной путь на родину. Я махнулъ шапкой Іогансену, который немного отсталъ; онъ въ отвѣтъ тоже помахалъ шапкой и во все горло закричалъ:

„Ура!“

Начался спускъ кайяковъ на воду. Такъ какъ сани нельзя было установить на одномъ кайякѣ, то кайяки связали и поставили однѣ сани спереди, другія сзади. Къ великому сожалѣнію обоихъ путе-

шественниковъ, они не могли взять съ собой собакъ. Неимовѣрныя усилія послѣднихъ дней окончательно истощили бѣдныхъ животныхъ; онѣ не только не могли приносить никакой пользы, но едва ли могли долго прожить. Тащить ихъ дальше за собой значило причинять имъ напрасныя мученія и увеличивать безъ того слишкомъ большой грузъ кайяковъ.

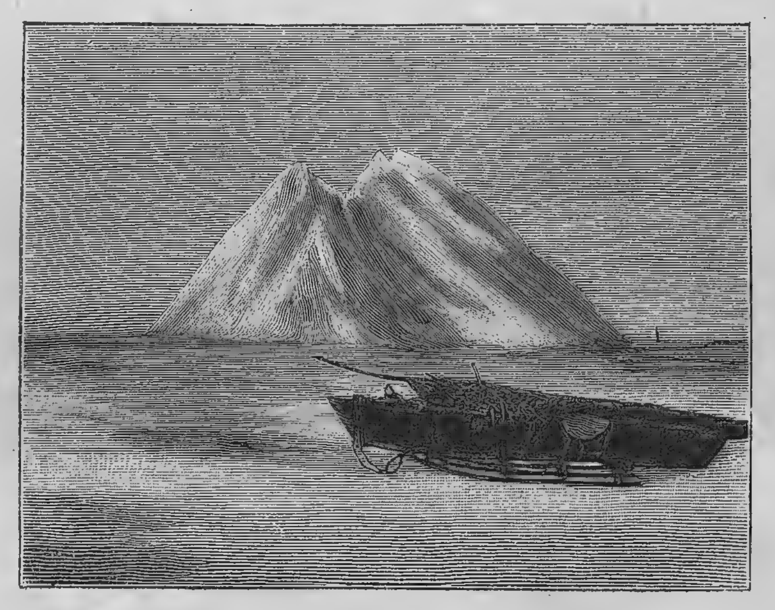

На берегу открытаго моря.

Поэтому путешественники съ болью въ сердцѣ рѣшились пристрѣлить ихъ. Нансенъ застрѣлилъ собаку Іогансена, Іогансенъ собаку Нансена.

После этого они сѣли въ кайяки и взялись за весла. Цѣлыхъ два года не видали они такого большого пространства воды и съ наслажденіемъ прислушивались къ плеску мелкихъ волнъ около бортовъ лодки. Дѣло пошло еще лучше, когда поднялся

попутный вѣтеръ, и они могли наставить парусъ. Скоро добрались они до глетчера, который круглой стѣной падалъ въ море, спустили парусъ и на веслахъ повернули къ западу, чтобы найти мѣсто для высадки. Это оказалось дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ они ожидали. Туманъ окутывалъ землю передъ ними, а

Глетчеръ.

когда онъ расходился, имъ представлялись острова, покрытые глетчерами, которые спускались къ морю и незамѣтно переходили въ полосу льдовъ, тянувшихся вдоль всѣхъ береговъ. Нансенъ назвалъ первый изъ открытыхъ имъ острововъ „Островомъ Евы“, второй „Островомъ Лифъ“ въ честь своей жены и дочери, а всю группу Землею Хвиденъ (Бѣлою).

Цѣлую недѣлю плыли путешественники то на веслахъ, то на парусахъ мимо этихъ острововъ, ночевали на льдинахъ и часто должны были перекладывать кайяки на сани и перетаскивать ихъ черезъ ледяныя пространства, заграждавшія имъ путь.

XIII.

Темные утесы одного изъ острововъ нѣсколько дней манили къ себѣ путешественниковъ; наконецъ, 15 августа, вечеромъ они добрались до него и въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ ступили на землю, непокрытую снѣгомъ.

„Невыразимо пріятно было, — пишетъ Нансенъ,—перепрыгивать съ одной гранитной глыбы на другую! Необыкновенно милыми показались намъ мхи и цвѣты, которые мы отыскали въ укромномъ мѣстечкѣ между камнями: крупный, красивый макъ, каменеломъ и др.

Островокъ, на который они высадились, тянулся длинной полосой съ сѣвера на югъ и состоялъ изъ цѣлаго ряда утесовъ и каменныхъ глыбъ различной величины. Къ западу виднѣлся другой островъ, а къ сѣверу еще два маленькихъ островка. Путешественники переправились по льду на западный островъ.

Въ узкой полосѣ моря, окружавшей его, виднѣлись цѣлые лѣса морской крапивы, а среди нихъ множество улитокъ и морскихъ ежей; довольно плоскій, ровный берегъ былъ усѣянъ раковинами; на утесахъ кричали и чирикали стаи птицъ; а между

утесами снѣгъ былъ покрытъ розовымъ налетомъ микроскопическихъ водорослей. Налюбовавшись этою картиною жизни, которой они такъ долго не видали, путники рѣшили продолжать путь. На югъ и на юго-западъ отъ нихъ, за неширокой полосой льда виднѣлось открытое море; на горизонтѣ обрисовывалась новая земля. До сихъ поръ они никакъ не могли понять, гдѣ именно находятся, есть ли имъ надежда добраться въ этомъ году до обитаемыхъ мѣстъ и попасть на родину. Поэтому они рѣшили воспользоваться открытой водой и, насколько возможно дальше, спуститься на юго-западъ. Для бо̀льшаго удобства они наполовину укоротили свои сани, положили каждыя изъ нихъ на отдѣльный кайякъ и, благодаря этому, могли быстрѣе подвигаться впередъ.

Десять дней плавали они между неизвѣстными островами, по большей части окутанными туманомъ. Останавливались они отдыхать только на льдинахъ, такъ какъ острова, мимо которыхъ они проѣзжали, представляли или недоступные утесы, или круто спускавшіеся глетчеры. На одной изъ такихъ стоянокъ имъ удалось убить медвѣдя.

26 августа они обогнули западную оконечность какого-то, повидимому, большого острова и увидѣли передъ собой значительное пространство воды. Очень далеко къ югу можно было различить очертанія земли. Бодро налегли они на весла и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, благодаря попутному вѣтру, быстро подвигались впередъ. Къ вечеру вѣтеръ вдругъ

перемѣнился, подулъ съ юго-запада и скоро превратился въ настоящій штормъ. Плыть дальше въ такую погоду не было возможности. До земли, виднѣвшейся на югѣ, оставалось еще нѣсколько миль, да и самая эта земля, покрытая глетчерами, не представляла никакой привлекательности. Вѣтеръ нагонялъ все болѣе и болѣе густыя массы льда; путешественникамъ грозила опасность попасть въ середину пловучихъ льдинъ и быть унесенными снова на сѣверъ, а потому имъ оставалось одно — повернуть назадъ и пристать къ тому острову, мимо котораго они недавно проѣхали.

Не успѣли они вытащить на берегъ свои кайяки, какъ совсѣмъ близко около нихъ появился медвѣдь. Іогансенъ уложилъ его выстрѣломъ изъ ружья. Затѣмъ они разбили палатку, приготовили себѣ ужинъ изъ свѣжаго мяса и надѣялись спокойно уснуть. Не тутъ-то было: вѣтеръ рвалъ и трепалъ ихъ палатку; чайки поднимали страшный шумъ надъ ихъ головами и мѣшали имъ спать. На слѣдующее утро невозможно было продолжать путь: вѣтромъ нагнало столько льда къ самому берегу, что открытаго моря совсѣмъ не было видно. Путешественники думали, что имъ придется провести нѣсколько дней на этомъ берегу, и рѣшили устроить себѣ какое-нибудь подобіе жилища, такъ какъ полуразорванная палатка не защищала ихъ отъ непогоды. Подъ утесомъ, возвышавшимся на берегу, лежало много камней; они натаскали ихъ и построили себѣ изъ нихъ хижину. Эта хижинка была такая маленькая, что Нансенъ не могъ лежать въ ней, протянувъ ноги, а когда

онъ сидѣлъ, то подпиралъ головой крышу. Вмѣсто крыши они натянули шелковую матерію, изъ которой раньше устраивали палатку. Отверстіе, служившее дверью, они завѣшивали своими куртками, а въ окнахъ не нуждались, такъ какъ черезъ большія дыры между камнями проходили и свѣтъ, и воздухъ. Несмотря на всѣ недостатки своей постройки, путники очень гордились ею, и, разлегшись на медвѣжьей шкурѣ, въ своемъ спальномъ мѣшкѣ чувствовали себя превосходно, хотя дымъ отъ лампы, наполненной саломъ, до слезъ имъ ѣлъ глаза.

Въ слѣдующіе дни количество льда около берега не уменьшилось, напротивъ, масса его становилась все болѣе и болѣе плотной. Приближался сентябрь, когда въ этихъ широтахъ уже начинается зима. Теперь Нансенъ сообразилъ, что они находились на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые носятъ общее названіе Земли Франца-Іосифа. До крайняго юго-западнаго пункта этихъ острововъ имъ оставалось верстъ 200. Трудно было надѣяться добраться туда раньше наступленія полярной ночи, и неизвѣстно было, можно ли тамъ найти какую-нибудь хижину, успѣютъ ли они запастись на зиму припасами. Самое безопасное было остаться зимовать тамъ, гдѣ они находились, какъ можно скорѣй начать строить себѣ удобное жилище на зиму и запасаться пищей. Грустно было думать, что еще одну зиму придется имъ провести вдали отъ людей, среди ледяной пустыни; но Нансенъ никогда не позволялъ себѣ предаваться грустнымъ мыслямъ, и Іогансенъ слѣдовалъ

его примѣру. Разъ рѣшено было остаться здѣсь, слѣдовало какъ можно скорѣй приниматься за дѣло, и они принялись, не теряя времени.

На той широтѣ, на которой они находились, имъ нечего было надѣяться найти себѣ какую бы то ни было растительную пищу; зато сразу было видно, что въ мясѣ имъ не придется терпѣть недостатка. Множество чаекъ всякихъ породъ оглашали воздухъ своими пронзительными криками; медвѣди то въ одиночку, то по-двое и по-трое подходили къ самой хижинѣ ихъ и съ любопытствомъ обнюхивали ее; на льдинахъ день и ночь лаяли и фыркали огромные моржи. Въ первый же день, когда рѣшено было остаться зимовать на островѣ, Іогансенъ застрѣлилъ медвѣдицу и медвѣженка, а на слѣдующій день Нансенъ затѣялъ охоту на моржей въ кайякахъ. Они вынесли изъ кайяковъ все, что̀ въ нихъ лежало, для большей безопасности соединили ихъ вмѣстѣ и по канавѣ, образовавшейся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, направились прямо къ большому моржу, который лежалъ на льдинѣ около канавы. Они пустили ему пулю въ голову; онъ съ минуту лежалъ какъ бы ошеломленный, потомъ бросился въ воду и началъ, точно сумасшедшій, биться и вертѣться въ ней... Нансенъ закричалъ, что надо править назадъ; но было поздно: моржъ подплылъ подъ кайякъ и нанесъ ему нѣсколько сильныхъ ударовъ снизу. Потомъ онъ снова высунулъ голову на поверхность; кровь текла у него изъ носу и изо рта; его громкое дыханіе было далеко слышно. Охотники снова пу-

стили ему по пулѣ въ лобъ, и на этотъ разъ успѣли во́-время отъѣхать. Девять разъ повторили они этотъ маневръ; наконецъ моржъ пересталъ шевелиться, и, считая его мертвымъ, они приблизились къ нему съ гарпунами. Но онъ вдругъ спустился въ воду и исчезъ. Этотъ неудачный конецъ охоты очень смутилъ обоихъ охотниковъ, и они молча возвращались назадъ. Впрочемъ, они скоро утѣшились. На льдинѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, лежали на солнцѣ двое моржей; они долго лаяли и страшно шумѣли, потомъ успокоились и заснули, не чуя бѣды. Охотники подкрались къ нимъ. Пуля Нансена сразу уложила одного изъ нихъ; Іогансенъ выстрѣлилъ во второго и попалъ въ лобъ, но рана была не смертельна. Кровь полилась у него изъ носу и изо рта; онъ фыркалъ и сопѣлъ такъ, что воздухъ дрожалъ; потомъ, всунувъ въ ледъ свои огромные клыки, онъ легъ неподвижно.

„Несмотря на его громадное тѣло, на его безобразную наружность, напоминающую сказочное чудовище, въ его круглыхъ глазахъ было столько умоляющаго и безпомощнаго, что невольно забывалось и его безобразіе, и собственныя потребности; чувствовалась только величайшая жалость къ нему, — пишетъ Нансенъ. — Я пустилъ ему пулю за ухо и тѣмъ прекратилъ его страданія; но меня до сихъ поръ преслѣдуетъ его взглядъ: этотъ взглядъ, повидимому, молилъ о жизни не только для него, но и для всей безпомощной породы моржей“.

Перевезти на берегъ громадныхъ животныхъ

было дѣло не легкое. Охотники привезли сани и большіе ножи, захватили на всякій случай и кайяки, такъ какъ начинался сѣверный вѣтеръ, и льдину съ моржами могло отнести отъ берега. Эта предосторожность оказалась далеко не лишней. Пока они снимали шкуру съ перваго моржа, льдина раскололась, вѣтеръ превратился въ настоящую бурю, и тотъ кусокъ льдины, на которомъ они находились, быстро понесло въ море. Между ними и прибрежнымъ льдомъ образовалась все болѣе и болѣе расширявшаяся полоса воды. Имъ ничего больше не оставалось, какъ спустить кайяки въ воду, поставить на нихъ сани и какъ можно скорѣй грести къ берегу. Чтобы сохранить хоть часть своей добычи, они бросили на дно кайяка большой кусокъ моржеваго мяса, отрѣзали четверть шкуры съ толстымъ слоемъ жира и положили ее поперекъ своихъ связанныхъ кайяковъ. Имъ было очень трудно грести противъ бушевавшаго вѣтра, а когда они достигли полосы прибрежнаго льда, стало еще хуже. Весь этотъ ледъ былъ изрѣзанъ трещинами и находился въ движеніи. Только-что входили кайяки въ трещину, какъ льдины надвигались на нее и грозили раздавить ихъ. Въ саняхъ тоже не было возможности пробраться, такъ какъ ледъ трескался по всѣмъ направленіямъ. Охотникамъ пришлось бросить шкуру моржа и разъединить кайяки. Вѣтеръ дулъ съ такой силой, что каждую минуту казалось, будто онъ готовъ подхватить легкія суденышки и перевернуть ихъ; но кайяки держались превосходно, и черезъ нѣсколько

часовъ усиленной работы, отъ которой ныли руки гребцовъ, они, наконецъ, благополучно добрались до берега.

Можно себѣ представить съ какимъ наслажденіемъ залѣзли они въ свою хижинку и поужинали горячимъ бульономъ.

Однако имъ не удалось отдохнуть въ эту ночь. Только-что они стали засыпать, какъ у самыхъ дверей хижины раздалось глухое ворчаніе. Нансенъ схватилъ ружье и вылѣзъ изъ хижины. Передъ нимъ стояла медвѣдица и два большихъ медвѣженка. Онъ далъ по ней два выстрѣла и вторымъ тяжело ранилъ ее, такъ что, пройдя нѣсколько шаговъ по льду, она упала и не могла подняться. Медвѣжата убѣжали и усѣлись вмѣстѣ на одну льдину, на которой было мало мѣста для нихъ обоихъ. Постоянно то одинъ, то другой падалъ въ воду и снова выкарабкивался. При этомъ оба они жалобно кричали и все смотрѣли на землю, какъ будто подзывали къ себѣ мать. Между тѣмъ вѣтеръ гналъ ихъ все дальше и дальше отъ берега. Охотники вернулись къ своимъ кайякамъ и тутъ увидѣли слѣды визита медвѣдей. Моржевое мясо, которое они съ такимъ трудомъ везли на берегъ, было растерзано, разбросано по землѣ, и весь жиръ изъ него выѣденъ. Одинъ кайякъ былъ наполовину стащенъ въ воду, другой выброшенъ на камни. Къ счастью, кайяки не пострадали, хотя, видимо, медвѣди сильно поработали надъ ними. Черезъ нѣсколько времени медвѣжата приплыли къ берегу и вышли на сушу въ поискахъ

за матерью; охотники застрѣлили ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей хижины, и такимъ образомъ, взамѣнъ куска моржеваго мяса, они получили мясо трехъ медвѣдей, да и второй изъ убитыхъ ими моржей не былъ потерянъ: его прибило къ самому краю прибрежной полосы льда; они втянули его въ маленькую бухточку и прикрѣпили тамъ.

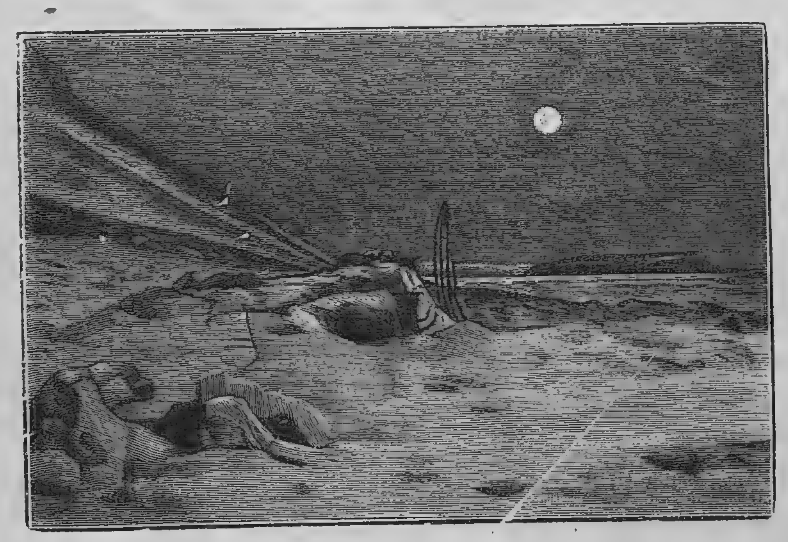
Дня черезъ два они попытались вытащить моржа на берегъ; но всѣ ихъ усилія были напрасны: имъ удалось только поднять на ледяную поверхность его огромную голову. Пока они были заняты этой работой, къ нимъ вдругъ подплылъ огромный моржъ. Онъ, должно быть, увидалъ своего мертваго товарища и захотѣлъ узнать, что̀ съ нимъ дѣлаютъ. Медленно, спокойно, съ достоинствомъ подошелъ онъ совсѣмъ близко къ людямъ. Къ счастью, они были вооружены ружьями и могли очень скоро отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя. Теперь у нихъ было два убитыхъ моржа, но они оба лежали въ водѣ, и охотники ни одного не могли вытащить ни на берегъ, ни на ледъ. Имъ оставалось одно: снимать съ животныхъ шкуру и разрѣзать ихъ, лежа на нихъ и работая въ водѣ.

„Мы, конечно, вымокли; но это не бѣда,— пишетъ Нансенъ:—мы знали, что когда-нибудь высохнемъ; гораздо хуже было то, что мы съ головы до ногъ перепачкались въ салѣ, крови и ворвани. Эта работа надъ моржами была, несомнѣнно, самою отвратительною изъ всего, что̀ мы дѣлали во время экспедиціи; если бы она не была необходима, мы бы

отказались отъ нея. Но намъ надобно было запастись къ зимѣ горючимъ матеріаломъ. Зато какъ мы радовались, когда покончили ее, у насъ на берегу лежали двѣ большихъ кучи сала и мяса, прикрытыя толстыми моржевыми шкурами".

Запасшись пищей и топливомъ, они дѣятельно принялись за постройку дома. Они выбрали мѣстечко, защищенное отъ вѣтра, сравняли почву, натаскали камней и стали выводить стѣны. Изъ плечевой кости моржа они устроили себѣ лопату, а изъ клыка его кирку. Конечно, это были очень непрочныя, неудобныя орудія, и главными инструментами при работѣ являлись ихъ собственныя руки. Благодаря терпѣнію и настойчивости имъ удалось въ недѣлю вывести стѣны; онѣ были невысоки и возвышались всего на $1^1/_2$ аршина надъ поверхностью земли; но такъ какъ въ глубину земля была вырыта тоже аршина на полтора, то въ общемъ этого было довольно. Чтобы устроить крышу, они воспользовались большимъ бревномъ, выброшеннымъ моремъ на берегъ, — деревья ни на ихъ островѣ, ни на сосѣднихъ совсѣмъ не росли. Нѣсколько дней раскалывалъ Іогансенъ толстый стволъ своимъ маленькимъ топоромъ; затѣмъ они съ большимъ трудомъ втащили его на вершину своего домика, гдѣ онъ долженъ былъ играть роль стропилъ. Самая крыша была сдѣлана изъ вычищенныхъ и вымоченныхъ въ соленой водѣ шкуръ моржей. Эти шкуры были такъ длинны, что хватали съ одного бока домика до другого. Для прикрѣпленія на ихъ края навалены были большіе камни. Отверстія между

камнями стѣнъ были заполнены мелкими камешками, мхомъ и кусками шкуръ; снаружи, для теплоты, стѣны были обложены снѣгомъ. Дверь состояла изъ отверстія въ углу стѣны, которое вело въ коротенькій корридорчикъ, вырытый въ землѣ и вмѣсто крыши прикрытый льдинами. Этотъ проходъ былъ такой низенькій, что въ хижину можно было только

Хижина Нансена и Іогансена.

вползать, а не входить прямо. Внутренній входъ былъ прикрытъ занавѣсью изъ медвѣжьей шкуры, пришитой къ моржевымъ шкурамъ, составлявшимъ крышу; наружный прикрывался медвѣжьей шкурой, лежавшей на землѣ. Внутри хижины были устроены скамьи изъ камней, а въ одномъ углу былъ маленькій очагъ для варки пищи. Надъ этимъ очагомъ они сдѣлали трубу. Внутренняя часть ея состояла изъ

медвѣжьей шкуры, а наружная была выложена изъ льдинъ. Другого матеріала для постройки у нихъ не было: къ концу сентября начались сильные морозы и камни такъ примерзли, что откалывать ихъ стало почти невозможно; льду же и снѣгу было вдоволь кругомъ. Правда, матеріалъ этотъ оказался не особенно прочнымъ; ледъ подтаивалъ, иногда даже вода съ него капала на очагъ, и трубу пришлось перестраивать раза два въ теченіе зимы; но это была небольшая бѣда.

XIV.

Въ концѣ сентября путешественники перебрались на новоселье. Послѣ тѣсной конурки, гдѣ они не могли ни стать, ни лечь, и гдѣ дымъ ѣлъ имъ глаза, новый домъ, въ которомъ можно было хоть немного двигаться, показался имъ великолѣпнымъ. Для освѣщенія и согрѣванія его они зажгли нѣсколько лампочекъ съ моржевымъ саломъ. Лампочки, правда, чадили, но все-таки горѣли настолько хорошо, что при свѣтѣ ихъ не только можно было различать предметы, но даже шить. Тепла онѣ давали недостаточно: въ первую ночь путешественники вздумали распороть свой спальный мѣшокъ и лечь спать по одиночкѣ, но эта попытка оказалась неудачной: они сильно мерзли всю ночь и на слѣдующій день опять сшили свой мѣшокъ.

Пока они были заняты постройкой своего домика, медвѣди нѣсколько разъ подходили къ нимъ

такъ близко, что они безъ всякаго труда убили нѣсколько штукъ и запаслись медвѣжьимъ мясомъ на всю зиму.

Моржи цѣлыми стадами лежали на сосѣднихъ льдинахъ, и путешественники могли свободно наблюдать нравы этихъ обитателей полярнаго моря. Они иногда лежали по нѣскольку часовъ неподвижно, опустивъ голову, вытянувъ шею, такъ что издали казались какими-то гигантскими колбасами. Если который-нибудь изъ нихъ поворачивался и нечаянно толкалъ сосѣда, тотъ поднимался съ ворчаньемъ и тотчасъ же тыкалъ его клыками въ спину: это была далеко не нѣжная шутка, такъ какъ послѣ нея часто показывалась кровь, несмотря на страшно толстую кожу. Обиженный тоже поднимался и мстилъ обидчику тѣмъ же. Послѣ этого оба они успокоивались. Общее движеніе начиналось только при появленіи на льдинѣ новаго пришельца. Тогда всѣ хоромъ принимались ворчать, и одинъ изъ старыхъ моржей, лежавшій ближе прочихъ къ пришельцу, наносилъ ему нѣсколько ударовъ. Новичекъ держалъ себя обыкновенно удивительно скромно и почтительно. Онъ преклонялъ голову передъ остальными и робко пробирался въ ихъ компанію. Каждый, къ кому онъ приближался, считалъ своимъ долгомъ толкнуть или пырнуть его. Онъ не отвѣчалъ на эти удары и смиренно укладывался среди прочихъ. Мало-по-малу стадо успокаивалось до появленія новаго пришельца. Моржи отличались удивительнымъ любопытствомъ. Когда люди были заняты чѣмъ-нибудь

на льду или около берега, они подходили совсѣмъ близко къ нимъ и пристально глядѣли на ихъ работу.

Сдирать шкуры и потрошить огромныхъ животныхъ было очень трудно при наступившихъ морозахъ; но путешественники все-таки застрѣлили еще штуки двѣ, чтобы не нуждаться въ салѣ во время зимы.

Кромѣ моржей и медвѣдей, частыми и весьма непріятными посѣтителями путешественниковъ были лисицы, которыхъ, очевидно, привлекалъ запахъ свѣжаго мяса. Онѣ подкрадывались по ночамъ и таскали все, что̀ могли унести, не только пищу, но и другія вещи, совсѣмъ имъ не нужныя. Такъ онѣ утащили нѣсколько бамбуковыхъ палокъ, стальную проволоку, гарпунъ, коллекціи камней и мховъ, собранныя Нансеномъ и лежавшія въ парусинныхъ мѣшечкахъ, большой клубокъ нитокъ и т. под. Нансенъ сталъ разыскивать по слѣдамъ, куда унесли онѣ всѣ эти вещи, и недалеко отъ своего домика встрѣтилъ лисицу. Увидавъ его, она остановилась, сѣла и принялась такъ рѣзко и отвратительно выть, что онъ долженъ былъ зажать себѣ уши. Она, вѣроятно, вышла на свой воровской промыселъ и сердилась, что ей помѣшали. Нансенъ пустилъ въ нее камнемъ. Она убѣжала, сѣла на край глетчера и снова затянула свой дикій вой. Нансену не хотѣлось тратить патрона на лисицъ, мясо которыхъ не годилось въ пищу, и онѣ дошли до того, что украли термометръ, который висѣлъ около хижины и былъ на ночь обыкновенно прикрытъ камнями.

15-го октября солнце въ послѣднiй разъ поднялось надъ горой въ южной части острова; дни стали быстро темнѣть; луна залила своимъ холоднымъ свѣтомъ ледяныя глыбы; небо освѣтилось фантастическимъ блескомъ сѣверныхъ сiянiй. Въ третiй разъ приходилось Нансену и его товарищу переживать длинную полярную ночь. Все кругомъ замерло. Птицъ давно уже не было слышно; моржи не появлялись больше на льдинахъ; послѣднiй медвѣдь подкрался къ хижинѣ 21-го октября.

Среди темной ледяной пустыни жили и двигались только два человѣка. Жизнь, которую они принуждены были вести, отличалась полнѣйшимъ однообразiемъ. Проснувшись утромъ, они готовили себѣ завтракъ, съѣдали его, затѣмъ снова залѣзали въ свой мѣшокъ, иногда еще немножко дремали, потомъ вставали и шли прогуляться. Впрочемъ, долго оставаться на воздухѣ они не могли, такъ какъ платье ихъ износилось, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвалось и плохо защищало ихъ отъ 40-градусныхъ морозовъ и сильнаго вѣтра, дувшаго изъ ущелья. Нансенъ надѣялся, что имъ удастся смастерить себѣ одежды изъ медвѣжьихъ шкуръ; но очистка этихъ шкуръ отъ сала и мяса помощью моржовыхъ клыковъ шла очень медленно, потомъ надобно было вымачивать ихъ въ соленой водѣ и, наконецъ, сушить. Для сушки у нихъ было только одно мѣсто—подъ крышей хижины; но туда укладывалась сразу только одна шкура. Первая готовая шкура должна была замѣнить имъ постель, такъ какъ спать въ мѣшкѣ прямо на жесткихъ кам-

няхъ было невозможно; а нечищенныя шкуры, которыя они подкладывали подъ мѣшокъ, начали загнивать. Изъ слѣдующихъ медвѣжьихъ шкуръ они сдѣлали себѣ спальный мѣшокъ, и онъ былъ готовъ только къ Рождеству. Иногда они нѣсколько дней подъ-рядъ никуда не выходили изъ хижины, развѣ только за водой да за кускомъ мяса или сала. Это мясо составляло ихъ единственную пищу. У нихъ еще оставалась часть запасовъ, взятыхъ съ *Фрама*, но они рѣшили не трогать ихъ зимой, а сохранить до весны, когда можно будетъ двинуться въ дальнѣйшій путь. Медвѣжье мясо они ѣли то вареное съ бульономъ, который очень нравился имъ, то жареное тонкими ломтиками. Къ этому они прибавляли кусочки моржеваго сала, которое иногда брали прямо изъ лампы. Кушанье они готовили поочередно, одну недѣлю одинъ, другую другой, и постоянно высчитывали, сколько дежурствъ осталось имъ до весны. Кромѣ приготовленія кушанья да очистки шкуръ, у нихъ во всю зиму не было никакой работы, и они старались побольше спать, чтобы скоротать время. Нансенъ собирался воспользоваться зимнимъ досугомъ, чтобы привести въ порядокъ свои замѣтки и написать что-нибудь о своемъ путешествіи, но отложилъ это намѣреніе; даже дневника не могъ онъ вести аккуратно. Во-первыхъ, трудно было писать при блѣдномъ, мерцающемъ свѣтѣ сальныхъ лампъ, не имѣя стола, лежа или сидя на жесткихъ камняхъ; во-вторыхъ, самъ онъ и все окружающее было до того грязно, до того пропитано саломъ и копотью,

что бѣлая бумага черезъ нѣсколько минутъ превращалась въ темную: стоило дотронуться до нея пальцами, провести по ней рукавомъ, и на ней появлялось пятно или сѣрая полоса. Тѣ немногія записи, какія они дѣлали въ это время въ своихъ дневникахъ, оказались до такой степени перепачканными, что впослѣдствіи они почти не могли разобрать ихъ. Книгъ у нихъ не было, кромѣ какого-то стараго календаря, который они знали чуть не наизусть. Съ какою грустью вспоминали они о библіотекѣ *Фрама*, какъ много дали бы они за одну книгу изъ нея! Единственнымъ развлеченіемъ для нихъ служили разговоры. По цѣлымъ часамъ въ эту безконечную ночь сидѣли они въ своемъ мѣшкѣ и разсчитывали, гдѣ въ данную минуту можетъ находиться *Фрамъ*, когда онъ вернется на родину, и каково живется оставшимся на немъ. Еще больше любили они мечтать о томъ, что̀ ихъ ждетъ не только на родинѣ, но и на томъ кораблѣ, который повезетъ ихъ на родину. Какъ свѣтло и тепло будетъ въ его каютѣ! Навѣрно, ихъ угостятъ картофелемъ и свѣжимъ хлѣбомъ... Если не будетъ хлѣба, они съ удовольствіемъ поѣдятъ и корабельныхъ сухарей. Хорошо будетъ поѣсть чего-нибудь мучного, но еще лучше надѣть чистое бѣлье и крѣпкое платье. Они представляли себѣ, что входятъ въ магазинъ, всѣ стѣны котораго увѣшаны новыми, чистыми, удобными шерстяными платьями, и одѣваются съ ногъ до головы во все мягкое, удобное, чистое. Неужели это случится когда-нибудь? Неужели имъ можно будетъ

скинуть тѣ тяжелыя, сальныя лохмотья, которыя были на нихъ надѣты? Эти лохмотья облѣпляли ихъ тѣло, точно слой глины. Особенно страдали ноги: панталоны приставали такъ плотно къ колѣнямъ, что при всякомъ движенiи сдирали кожу и причиняли настоящiя раны. У нихъ не было мыла, чтобы сколько-нибудь смыть грязь съ бѣлья и съ самихъ себя, а одной водой ничего нельзя было сдѣлать. Они по цѣлымъ часамъ варили въ кипяткѣ свои рубашки, но это почти не уменьшало накопившагося на нихъ слоя сала. Они ножемъ соскабливали это сало съ горячихъ рубашекъ и такимъ путемъ получали значительный запасъ горючаго матерiала. Чтобы сколько-нибудь почистить руки, они тоже скоблили ихъ ножемъ или прибѣгали къ слѣдующему далеко не прiятному способу: они натирали ихъ горячею медвѣжьей кровью и ворванью, а затѣмъ крѣпко терли мохомъ.

„Послѣ этого, — разсказываетъ Нансенъ, — онѣ становились бѣлыми и мягкими, точно самыя нѣжныя дамскiя ручки, и намъ почти не вѣрилось, что онѣ составляютъ часть нашего тѣла“.

Ради теплоты они не стригли себѣ волосъ ни на головѣ, ни на бородѣ, и отъ сажи эти волосы такъ же, какъ и лица ихъ, стали совсѣмъ черными; на этомъ черномъ фонѣ зубы и бѣлки глазъ казались какими-то неестественно бѣлыми.

„Странную жизнь вели мы, — говоритъ Нансенъ, — жизнь, которая нерѣдко подвергала наше терпѣнiе большимъ испытанiямъ; но все-таки наше положенiе было не настолько невыносимо, какъ можетъ

показаться. Мы все время сохраняли хорошее расположеніе духа, весело смотрѣли на будущее и наслаждались мечтами о тѣхъ радостяхъ, какія насъ ожидали впереди".

А между тѣмъ сальныя лампы наполняли зловоніемъ ихъ хижину; стѣны ея были покрыты инеемъ; на полу образовался толстый слой льда; при сильномъ морозѣ вѣтеръ завывалъ въ ущельѣ; ледъ на глетчерѣ трещалъ, точно вся земля готова была провалиться.

„Сегодня сочельникъ,—пишетъ Нансенъ 24 декабря.—На дворѣ холодно и вѣтрено, у насъ въ хижинѣ тоже холодно и дуетъ. Какъ пустынно все кругомъ! Никогда еще не переживали мы такого сочельника. Теперь дома колокола возвѣщаютъ начало праздника. Я слышу, какъ этотъ звонъ разносится далеко по окрестностямъ. Какъ хорошо гудятъ колокола! Теперь зажигаютъ свѣчи на елкѣ, дѣтей впускаютъ въ комнату и они весело скачутъ вокругъ дерева. Когда я вернусь домой, я непремѣнно устрою на Рождествѣ праздникъ для дѣтей. Это время общей радости, — у насъ дома праздникъ въ каждой хижинѣ. Какъ тамъ все красиво и уютно! Какъ страстно хочется попасть туда!.."

„И этотъ годъ кончился,—отмѣчаетъ онъ 31 декабря.—Это былъ необыкновенный годъ, но въ общемъ недурной. Дома его провожаетъ колокольный звонъ. У насъ, вмѣсто церковнаго колокола, гудитъ ледяной вѣтеръ, который носится надъ глетчеромъ и снѣжнымъ полемъ и яростно воетъ, поднимая

облака снѣга и нагоняя ихъ на насъ съ вершины горы. Далеко по фіорду летятъ снѣжныя облака, подгоняемыя вѣтромъ, и снѣжная пыль блеститъ при лунномъ свѣтѣ. Полная луна спокойно и молчаливо переходитъ изъ одного года въ другой. Она свѣтитъ на добрыхъ и злыхъ и безучастно глядитъ на перемѣны годовъ, на человѣческія страданія и стремленія. А мы, одинокіе, заброшенные, сотнями миль отдѣлены отъ всего дорогого, и только мысли наши безустанно несутся къ милымъ мѣстамъ...

Въ концѣ февраля взошло солнце, началась весна. Массы чаекъ покрыли утесы и поднимали невообразимый шумъ; медвѣди стали снова бродить около хижины. Путешественники начали энергично готовиться въ дорогу. Имъ удалось застрѣлить нѣсколькихъ медвѣдей, такъ что у нихъ оказался достаточный запасъ мяса и сала; послѣ этого они принялись за шитье. Съ утра до вечера сидѣли они рядомъ на камняхъ, въ своемъ спальномъ мѣшкѣ, съ иглой въ рукѣ и все шили, шили, мечтая о скоромъ возвращеніи на родину. Ихъ хижина превратилась въ портняжную и сапожную мастерскую. Прежде всего они смастерили себѣ изъ своихъ шерстяныхъ одѣялъ по парѣ платья; потомъ изъ моржевой кожи подшили новыя подошвы подъ сапоги, изъ медвѣжьей шкуры сдѣлали себѣ теплые сапоги, перчатки и легкій спальный мѣшокъ. Нитки для шитья они выдергивали изъ парусины, служившей для паруса; вмѣсто дратвы употребляли сухожилья моржей. Палатки у нихъ не было; ихъ прежняя вся

изорвалась, и остатки ея изгрызли лисицы; сдѣлать себѣ новую имъ было не изъ чего, и они рѣшили, что для защиты отъ непогоды будутъ ставить стоймя свои кайяки и сани, обкладывать ихъ снѣгомъ и покрывать парусиной.

Занимаясь приготовленіями къ дорогѣ, они безпрестанно вспоминали о *Фрамѣ* и своемъ снаряженіи въ экспедицію. Какъ богаты всѣмъ необходимымъ были они тогда, и какъ бѣдны теперь! Въ началѣ зимы они зарыли въ землю остатки провіанта, взятаго съ корабля. Теперь они отрыли мѣшки, въ которыхъ онъ былъ уложенъ, и пришли въ полное уныніе. Всѣ припасы, на которые они возлагали такія надежды, испортились. Имъ пришлось выбросить и муку, и сушеное мясо, а шоколадъ растаялъ и совсѣмъ исчезъ. Осталось только немножко отсырѣвшаго хлѣба, который они поджарили въ салѣ и рѣшили беречь, какъ лакомство, для торжественныхъ случаевъ. Единственною пищей въ пути должно было служить имъ медвѣжье мясо и та дичь, какую имъ удастся подстрѣлить дорогой. Свои жестянки изъ-подъ керосина они наполнили моржевымъ саломъ, такъ какъ другого горючаго матеріала у нихъ не было и нельзя было надѣяться найти на этихъ пустынныхъ островахъ, почти лишенныхъ растительности.

Очень трудно было имъ установить кайяки на свои укороченныя сани. На нихъ помѣщалась только середина кайяковъ, а оба конца торчали на воздухѣ, и при путешествіи по неровнымъ льдинамъ пару-

синная обшивка должна была сильно пострадать. Путники, насколько возможно, обернули ее медвѣжьими шкурами, а изъ своего небольшого запаса дерева устроили подставки, къ которымъ привязали кайяки. Оружіе, къ счастію, было у нихъ въ порядкѣ. Они вычистили и вымазали саломъ свои ружья и разсчитали, что у нихъ еще осталось 100 пуль и на 100 зарядовъ дроби.

XV.

Несмотря на прилежаніе обоихъ пріятелей, всѣ работы, какія имъ пришлось исполнить прежде чѣмъ пуститься въ путь, заняли такъ много времени, что они были готовы къ выступленію только 19 мая. Уходя изъ хижины, Нансенъ на всякій случай оставилъ тамъ коротенькій отчетъ о своемъ путешествіи и зимовкѣ.

Въ семь часовъ вечера пустились они въ путь и направились къ югу. За зиму ноги ихъ отвыкли отъ ходьбы, и имъ казалось очень трудно тащить сани съ нагруженными на нихъ кайяками и багажемъ. Поэтому на первый разъ они прошли недалеко и остановились на ночлегъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что каждый шагъ впередъ подвигаетъ ихъ къ родинѣ.

Съ начала весны они постоянно замѣчали съ юго-восточной стороны темную полосу на небѣ: это было признакомъ того, что тамъ находился не ледъ, а большое пространство открытой воды. Они на-

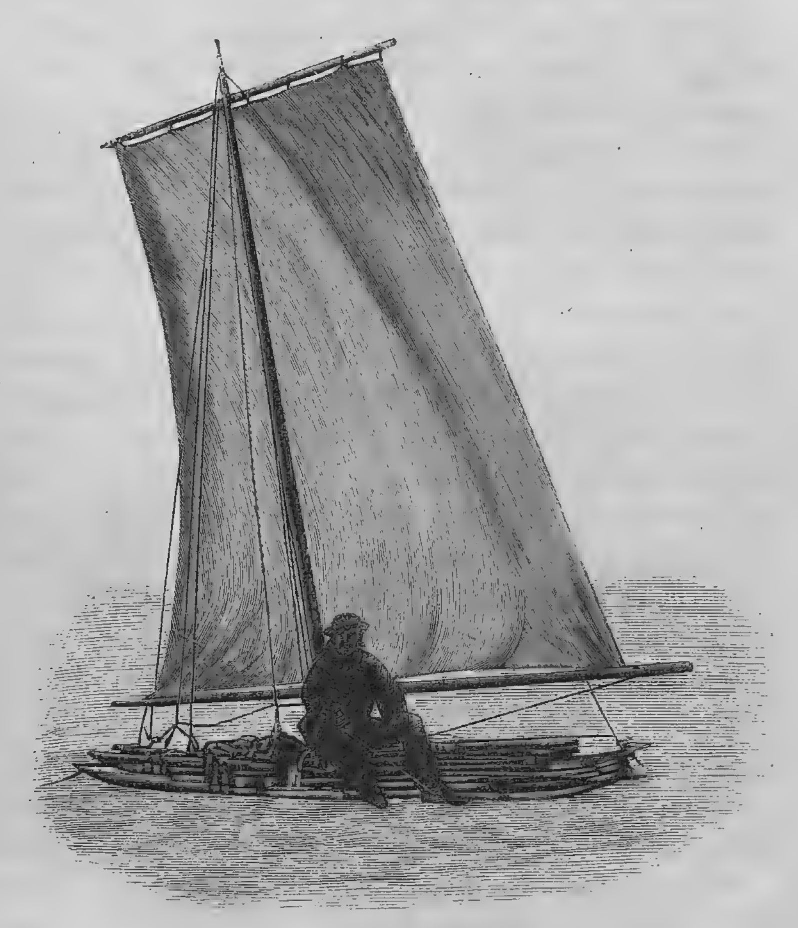
дѣялись по этому открытому морю доѣхать въ своихъ кайякахъ до Шпицбергена, гдѣ навѣрное найдутъ какое-нибудь европейское судно. Прежде чѣмъ добраться до воды, имъ надобно было пройти по льду вдоль нѣсколькихъ острововъ. Ледъ былъ изрѣзанъ трещинами и такъ некрѣпокъ, что одинъ разъ Нансенъ, неосторожно побѣжавшій впередъ, провалился въ него вмѣстѣ со своими лыжами и никакъ не могъ выкарабкаться, пока Іогансенъ не пришелъ ему на помощь. Оба пріятеля горѣли нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй покончить сухопутное путешествіе и начать морское; можно себѣ представить, какъ они досадовали, когда дней черезъ пять по выступленіи ихъ поднялась сильная буря и снѣжная мятель, продолжавшаяся съ небольшими перерывами цѣлую недѣлю. Они пользовались каждымъ такимъ перерывомъ, чтобы подвигаться все дальше и дальше на югъ; но только 3-го іюня могли настоящимъ образомъ пуститься въ путь. Вѣтромъ прибило ледъ къ берегу, и тамъ, гдѣ они раньше видѣли воду, лежалъ теперь тонкій слой льда, покрытый снѣгомъ. На лыжахъ можно было довольно безопасно пробираться по этому льду; но тяжелыя сани нерѣдко проваливались, и не малаго труда стоило вытаскивать ихъ и переправлять на болѣе крѣпкій ледъ.

Между тѣмъ провіантъ путниковъ приходилъ къ концу. Они надѣялись по дорогѣ встрѣтить медвѣдей, но, какъ на зло, ихъ не попадалось. На утесахъ острововъ копошилось множество чаекъ и дру-

гихъ птицъ, но онѣ по большей части летали слишкомъ высоко, и рѣдко удавалось пристрѣлить ихъ. Моржи цѣлыми стадами лежали на льдинахъ, и хотя мясо ихъ было жестко и невкусно, но, за неимѣніемъ ничего лучшаго, путники рѣшили убить хоть одного изъ этихъ животныхъ. Проходя мимо льдины, на которой мирно спала большая компанія моржей, Нансенъ мѣткимъ выстрѣломъ уложилъ на мѣстѣ одного изъ нихъ. При шумѣ выстрѣла остальные закопошились, на минуту подняли головы, но затѣмъ снова опустили ихъ и продолжали спать. Потрошить убитаго среди цѣлаго стада живыхъ моржей было немыслимо, и Нансенъ съ Іогансеномъ старались всячески согнать звѣрей въ воду. Они ходили около нихъ, кричали, ревѣли; но моржи сонными глазами поглядывали на нихъ и не трогались съ мѣста. Тогда они попробовали потыкать ихъ своими шестами. Моржи разсердились, начали бить клыками въ льдину съ такой силой, что во всѣ стороны летѣли осколки, а сами все-таки не уходили. Долго пришлось тормошить ихъ, прежде чѣмъ они, наконецъ, поднялись съ мѣста и торжественно направились къ водѣ. Дойдя до края льдины, они обернулись назадъ, сердито заворчали и поодиночкѣ спустились въ воду. Пока люди рѣзали ихъ товарища, они высовывали головы изъ трещины, какъ будто хотѣли подсмотрѣть, что они дѣлаютъ.

Отрѣзавъ себѣ добрый кусокъ мяса и сала, путники оставили остальное въ пользу чаекъ, поужинали, отдохнули и, воспользовавшись попутнымъ вѣт-

ромъ, прикрѣпили къ санямъ парусъ. Двигаться съ помощью паруса было легко: почти не приходилось

Сани съ парусомъ.

тащить сани, можно было бѣжать впереди на лыжахъ и только управлять ихъ движеніемъ. Пробѣжавъ всю ночь, они къ утру достигли южной око-

нечности острова и увидѣли передъ собой большое пространство воды, по которому могли плыть въ кайякахъ. Съ наслажденіемъ взялись они за весла и любовались водой, по которой плавали разныя птицы; особенно пріятно было имъ встрѣтить пару гусей, этихъ жителей умѣренныхъ странъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія они наткнулись на ледъ, преграждавшій имъ путь, и должны были выбирать одно изъ двухъ: повернуть назадъ, такъ какъ открытая вода тянулась въ этомъ направленіи, или снова перебраться на сани и идти по льду прямо на югъ. Они выбрали послѣднее, такъ какъ надѣялись, миновавъ острова, добраться до настоящаго открытаго моря, которое приведетъ ихъ къ Шпицбергену.

Цѣлыхъ шесть дней бѣжали они все дальше и дальше на югъ, пользуясь сѣвернымъ вѣтромъ, который подгонялъ ихъ сани. На востокѣ они различали нѣсколько мелкихъ островковъ, на западѣ тянулся какой-то большой островъ, на югѣ виднѣлась опять-таки земля.

Наконецъ, они оставили за собой восточные острова, добрались до той южной земли, которая давно манила ихъ, обогнули длинный мысъ съ западной стороны ея и увидѣли передъ собой синія волны моря. Съ радостнымъ чувствомъ спустили они на воду свои кайяки и, бодро работая веслами, направились на западъ, вдоль южнаго берега острова.

Усердно проработавъ веслами цѣлый день, они подъ вечеръ пристали къ краю льда, чтобы немного

размять ноги, которыя затекли отъ долгаго сидѣнья въ кайякахъ. Свои суда они прикрѣпили къ льдинѣ длиннымъ ремнемъ, вырѣзаннымъ изъ кожи моржа, и, не заботясь о нихъ, отправились на берегъ осмотрѣть окрестность съ близлежавшаго холма. Едва вошли они на холмъ и бросили взглядъ кругомъ, какъ Іогансенъ закричалъ:

— Боже мой! кайяки унесло!

Можно себѣ представить ужасъ путешественниковъ! На кайякахъ было все ихъ имущество, безъ кайяковъ они не имѣли никакой возможности добраться до населенныхъ мѣстъ. Они со всѣхъ ногъ побѣжали внизъ, къ морю. Нансенъ поспѣшно скинулъ часть платья и бросился въ воду. Вода была страшно холодна, плыть въ одеждѣ было тяжело, а вѣтеръ все дальше и дальше уносилъ легкія суда. Нансенъ чувствовалъ, что силы оставляютъ его, что члены его коченѣютъ...—Все равно, если кайяки уплывутъ, мы погибнемъ, такъ лучше ужъ погибнуть теперь же, въ волнахъ!—рѣшилъ онъ и продолжалъ грести съ мужествомъ отчаянія. Когда онъ окончательно ослабѣлъ, онъ для отдыха перевернулся на спину. Разстояніе между нимъ и кайяками уменьшалось, и это придало ему бодрости. Еще нѣсколько невѣроятныхъ усилій и онъ ухватился за лыжу, привязанную поперекъ кайяковъ. Все тѣло его до того окоченѣло, что ему стоило громадныхъ трудовъ закинуть ногу на край саней, лежавшихъ въ кайякѣ, и такимъ образомъ взобраться въ лодку. Зубы его стучали, какъ къ лихорадкѣ; онъ весь

дрожалъ въ своей мокрой шерстяной рубашкѣ; онъ чувствовалъ, что было одно только средство не погибнуть отъ холода: грести какъ можно энергичнѣе. Онъ собралъ остатки силъ и налегъ на весла. Работа была тяжелая, такъ какъ приходилось вести противъ вѣтра два связанные вмѣстѣ кайяка, и нѣсколько разъ казалось Нансену, что ему съ ней не справиться... Вдругъ на льдинѣ у самаго носа кайяка показались два пингвина. Въ умѣ Нансена мелькнула мысль, какъ пріятно будетъ послѣ понесенныхъ трудовъ угоститься за ужиномъ свѣжимъ мясомъ; онъ поднялъ ружье и однимъ выстрѣломъ убилъ обѣихъ птицъ. Въ это время Іогансенъ въ страшномъ безпокойствѣ прохаживался взадъ и впередъ по берегу. Услыша выстрѣлъ, увидя, что Нансенъ зачѣмъ-то наклонился изъ лодки, онъ подумалъ, не сошелъ ли съ ума его бѣдный товарищъ.

Съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, Нансену подвести лодки къ берегу. Онъ еле держался на ногахъ, такъ что Іогансену пришлось раздѣть его и какъ можно скорѣе уложить въ спальный мѣшокъ. Горячій ужинъ отогрѣлъ Нансена, спокойный сонъ возстановилъ его силы, и на слѣдующій день они въ состояніи были снова продолжать свое путешествіе.

Море вокругъ нихъ кишѣло моржами. На каждой льдинѣ лежало по нѣскольку штукъ; изъ воды безпрестанно высовывались ихъ отвратительныя головы. Путники снова чувствовали нужду въ про-

віантѣ и потому застрѣлили пару моржей, между прочимъ одного маленькаго, такъ какъ мясо молодыхъ моржей несравненно вкуснѣе, чѣмъ мясо старыхъ. Вообще же они вовсе не были довольны такими спутниками: моржъ легко можетъ и опрокинуть лодку, и пробить дно ея своими крѣпкими клыками: поэтому путешественники даже останавливались нѣсколько разъ и соскакивали на льдины, окружавшія островъ, когда звѣри подплывали слишкомъ близко къ ихъ лодкамъ.

15 іюня, продолжая плыть вдоль ледяной полосы, окружавшей острова, путешественники досадовали на туманъ, который не даетъ имъ разглядѣть очертанія земли. Моржей попадалось больше, чѣмъ когда-нибудь; безпрестанно слышалось ихъ мычанье, похожее на коровье. Вдругъ передъ самой лодкой Іогансена, плывшаго впереди, вынырнула огромная голова чудовища. Іогансенъ быстро повернулъ лодку къ льдинамъ; Нансенъ хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но было слишкомъ поздно: моржъ выскочилъ изъ воды, бросился на бортъ его кайяка и протянулъ переднiй плавникъ, какъ бы стараясь схватить его. Нансенъ изо всей силы ударилъ его весломъ по головѣ, но онъ продолжалъ тянуть кайякъ въ воду. Тогда Нансенъ схватилъ ружье; но въ эту минуту моржъ повернулся и исчезъ такъ же быстро, какъ появился. Все происшествіе продолжалось не больше минуты, и Нансенъ уже радовался, что такъ удачно отдѣлался, какъ вдругъ замѣтилъ воду у себя подъ ногами. Кайякъ быстро наполнялся водою; всѣ вещи,

лежавшія въ немъ, промокли. Пришлось какъ можно скорѣй вытащить его на ледъ. На днѣ его оказалась большая дыра, которую моржъ пробилъ своими клыками. О дальнѣйшемъ плаваніи не могло быть и рѣчи. Путники разбили палатку на льду и принялись чинить кайякъ, а моржи плавали около краевъ льда, поднимали головы, смотрѣли на нихъ своими большими, круглыми глазами, фыркали, ворчали и по временамъ поднимались на ледъ, будто хотѣли прогнать съ него людей.

Починка кайяка заняла не мало времени. Утромъ 17 іюня туманъ, все время застилавшій окрестность, разсѣялся, и Нансенъ рѣшилъ пройти на берегъ и бросить взглядъ на ту невѣдомую землю, около которой они стояли.

Онъ взошелъ на прибрежный холмъ. Легкій вѣтерокъ доносилъ до него немолчный шумъ милліоновъ птицъ. Онъ прислушивался къ этимъ звукамъ, говорившимъ о жизни, и окидывалъ взглядомъ береговую линію, темные, голые скаты утесовъ, ледяныя равнины и глетчеры страны, которой, какъ онъ думалъ, до сихъ поръ не касалась нога человѣка. Вдругъ ему послышался звукъ, заставившій его вздрогнуть. Что это такое? Собачій лай?.. Звукъ повторился разъ, два, и затѣмъ ничего, кромѣ птичьяго гомона... Нѣтъ, онъ, конечно, ошибся,—это, навѣрное, крикъ какой-нибудь птицы! Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ тотъ же звукъ повторился, но болѣе громкій, болѣе ясный... Сердце Нансена забилось... Онъ вспомнилъ, что еще наканунѣ слышалъ какъ

будто выстрѣлы, но подумалъ, что это трещитъ ледъ. Опрометью бросился онъ къ Іогансену, который спокойно спалъ въ мѣшкѣ.

— Собаки?—съ недовѣріемъ переспросилъ тотъ, но все-таки побѣжалъ на холмъ и сталъ прислушиваться. Дѣйствительно, вдали нѣсколько разъ повторился какъ будто лай, быстро заглушаемый птичьими голосами.

Въ сильномъ волненіи принялись пріятели за завтракъ. Іогансенъ увѣрялъ, что они ошиблись, что нельзя себѣ представить, откуда явятся собаки, а слѣдовательно и люди въ такихъ мѣстахъ.

— А помните англійскую экспедицію, которую передъ нашимъ отъѣздомъ снаряжали для изслѣдованія Земли Франца-Іосифа? Что, если это она? — пришло въ голову Нансену, и онъ не могъ докончить завтрака. Быстро нацѣпилъ онъ лыжи, схватилъ подзорную трубу, ружье и пустился въ путь. Онъ снова поднялся на холмъ, но напрасно напрягалъ слухъ: ничего нельзя было разобрать, кромѣ крика птицъ. Нѣсколько разочарованный, пошелъ онъ дальше въ глубь острова. На снѣгу свѣжіе слѣды какого-то звѣря... Лисицы? Нѣтъ, для лисицы они слишкомъ велики... Собаки? Неужели ночью собака такъ близко подходила къ ихъ стоянкѣ и не лаяла, или они не слышали ея лая? Можетъ быть, волка?.. Онъ шелъ дальше, волнуясь надеждой и сомнѣніемъ. И вотъ снова раздался собачій лай болѣе ясно, чѣмъ прежде; на снѣгу виднѣлось множество слѣдовъ, несомнѣнно собачьихъ; среди нихъ

попадались лисьи; но они были совсѣмъ маленькіе. Нечего сомнѣваться: они находятся на южной части Земли Франца-Іосифа, и здѣсь есть люди! Съ сильно бьющимся сердцемъ подвигался онъ дальше среди безчисленныхъ холмовъ и овраговъ. Вдругъ ему ясно послышался человѣческій голосъ. Онъ вбѣжалъ на холмъ и закричалъ изо всѣхъ силъ. Послѣ этого, не помня себя отъ волненія, онъ полетѣлъ на своихъ лыжахъ, пробираясь между льдинами и ледяными утесами въ ту сторону, откуда раздавался человѣческій голосъ. Минуты черезъ двѣ-три звукъ повторился, и среди холмовъ показалась какая-то темная фигура. Это была собака, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея двигалась другая фигура, фигура человѣка! Увидѣвъ его, Нансенъ замахалъ шапкой, незнакомецъ отвѣтилъ тѣмъ же. Онъ заговорилъ по-англійски со своей собакой, и Нансенъ сразу узналъ его; это былъ Джексонъ, извѣстный англійскій естествоиспытатель, подъ начальствомъ котораго три года тому назадъ снаряжалась ученая экспедиція для изслѣдованія Земли Франца-Іосифа.

— Я снялъ шапку,—разсказываетъ Нансенъ,— мы протянули другъ другу руку и оба вмѣстѣ проговорили обычное англійское привѣтствіе:

— Какъ поживаете?

Надъ нами разстилалось облако тумана, заволакивавшаго весь окружающій міръ: подъ ногами у насъ лежали неровныя, нагроможденныя другъ на друга льдины; на заднемъ планѣ виднѣлась земля, покрытая льдомъ, глетчерами, туманомъ. Мы стояли,—

съ одной стороны цивилизованный европеецъ, въ клѣтчатомъ англійскомъ костюмѣ и въ высокихъ резиновыхъ сапогахъ, гладко выбритый, причесанный, распространявшій запахъ душистаго мыла, съ другой стороны—дикарь, одѣтый въ грязныя, сальныя лохмотья, съ длинными волосами и всклоченной бо-

Встрѣча Нансена и Джексона.

родой, почернѣлый отъ копоти, съ лицомъ, естественный бѣлый цвѣтъ котораго исчезъ подъ толстымъ слоемъ сала и сажи. Никто не могъ бы догадаться, кто этотъ дикарь и откуда онъ явился.

— Мнѣ необыкновенно пріятно, что я васъ встрѣтилъ,—проговорилъ Джексонъ.

— Благодарю васъ, и мнѣ точно такъ же.

— Вы здѣсь со своимъ кораблемъ?

— Нѣтъ, моего корабля здѣсь нѣтъ.

— Сколько же васъ человѣкъ?

— У меня только одинъ товарищъ; онъ остался на льду около берега.

Разговаривая такимъ образомъ, мы шли дальше, въ глубь страны. Я былъ убѣжденъ, что онъ меня узналъ или хоть догадывался, кто скрывается подъ этою дикою наружностью; я не воображалъ, что можно такъ привѣтливо отнестись къ совершенно неизвѣстному человѣку. Вдругъ онъ остановился, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и быстро спросилъ:

— Вы не Нансенъ ли?

— Да, я Нансенъ.

— Господи, какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ!

Онъ схватилъ мою руку и еще разъ крѣпко пожалъ ее; а все лицо его засіяло самою неподдѣльною радостью.

— Откуда же вы шли теперь? — спросилъ онъ.

Нансенъ объяснилъ, что оставилъ *Фрамъ* на 84° сѣверной широты и пѣшкомъ достигъ 86°13′, послѣ чего принужденъ былъ возвратиться и перезимовать въ сѣверной части Земли Франца-Іосифа. Англичанинъ самымъ дружелюбнымъ образомъ приглашалъ его къ себѣ, на мѣсто своей стоянки, куда надняхъ должно было придти судно изъ Европы. Вскорѣ они встрѣтили еще нѣсколькихъ членовъ экспедиціи, и когда Джексонъ представилъ имъ Нансена, всѣ они наперерывъ выражали ему свою радость и поздравляли его съ благополучнымъ воз-

вращеніемъ. О *Фрамѣ* никто не справлялся; они думали, что судно съ остальнымъ экипажемъ погибло, и не хотѣли огорчать Нансена разговоромъ о немъ. Онъ первый заговорилъ о кораблѣ и сообщилъ въ общихъ чертахъ исторію его путешествія на льдинѣ.

Поселокъ Джексона.

Поселокъ, устроенный экспедиціей, находился на берегу моря, около мыса Флора, у подножія высокой горы, и состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ избъ, изъ сарая и четырехъ круглыхъ амбаровъ въ видѣ палатокъ. Изба Джексона имѣла видъ теплаго, уютнаго гнѣзда, потолокъ и стѣны котораго были обиты зеленымъ сукномъ; всюду развѣшены были фото-

графіи, рисунки, карты, полки съ книгами и инструментами; въ печкѣ, наполненной каменнымъ углемъ, привѣтливо горѣлъ огонь.

„Странное чувство овладѣло мною, — говорилъ Нансенъ,—когда я сѣлъ на стулъ среди этой необычной обстановки. Перемѣнчивая судьба однимъ ударомъ сняла съ меня всю отвѣтственность, всѣ тяжелыя обязательства, которыя три длинныхъ года тяготѣли надо мной. Здѣсь я среди льдовъ въ безопасной пристани; мой долгъ исполненъ, моя задача рѣшена, и я могу отдыхать, отдыхать и ждать!"

Джексонъ передалъ ему нѣсколько писемъ изъ Норвегіи, присланныхъ въ разное время на его имя и адресованныхъ англійской экспедиціи, на случай, если она его встрѣтитъ. Въ этихъ письмахъ заключались пріятныя вѣсти: его семья, его друзья были живы и здоровы. Съ спокойнымъ сердцемъ могъ Нансенъ принять участіе въ закускѣ, которую предложилъ ему гостепріимный хозяинъ.

Вскорѣ явился и Іогансенъ. Джексонъ послалъ за нимъ своихъ людей, и тѣ притащили кайяки и весь багажъ. Его встрѣтили въ колоніи такъ же привѣтливо, какъ Нансена. Оба путешественника поспѣшили превратиться изъ дикарей въ европейцевъ. Съ помощью горячей ванны они, по возможности, смыли грязь съ лица и тѣла, потомъ остригли себѣ волосы и бороды, надѣли чистое бѣлье и платье.

Послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній отдыхать среди комфортабельной обстановки, въ

обществѣ образованныхъ, гостепріимныхъ англичанъ было истиннымъ наслажденіемъ для обоихъ путешественниковъ. Цѣлыми часами вели они безконечные разговоры со своими хозяевами; ходили съ ними на охоту за медвѣдями, лазали по утесамъ за птичьими яйцами, наблюдали геологическое строеніе почвы, собирали коллекціи минераловъ и окаменѣлыхъ растеній.

„Прямо послѣ нашей бездѣятельной жизни на зимней стоянкѣ, гдѣ научные интересы весьма мало возбуждались,—пишетъ Нансенъ,—мы очутились въ этомъ научномъ оазисѣ, гдѣ была масса матеріала для работы, гдѣ у насъ подъ руками были книги и всякія пособія, гдѣ въ свободное время мы могли обсуждать разные ученые вопросы, касающіеся сѣвера, съ людьми, интересующимися ими. Въ ботаникѣ экспедиціи, г. Гарри-Фишеръ, я нашелъ человѣка, увлекавшагося изслѣдованіями флоры и фауны полярныхъ странъ. Я никогда не забуду тѣхъ пріятныхъ разговоровъ, въ которыхъ онъ сообщалъ мнѣ свои наблюденія и открытія. Я такъ долго лишенъ былъ подобныхъ разговоровъ, что не уставалъ слушать его; я походилъ на засохшую почву, которая послѣ цѣлаго года засухи жадно впиваетъ въ себя капли дождя.

XVI.

Между тѣмъ день проходилъ за днемъ, недѣля за недѣлею, а ожидаемаго изъ Европы судна все не было. Нансена и его товарища начало мучить не-

терпѣніе; они уже раскаивались, что поддались искушенію и остались у гостепріимныхъ англичанъ, вмѣсто того, чтобы, слегка отдохнувъ и запасшись у нихъ провизіей, немедленно отправиться дальше, на Шпицбергенъ.

Но вотъ 26 іюля рано утромъ Джексонъ разбудилъ Нансена радостною вѣстью, что *Уиндвардъ* приближается. Вся европейская колонія наскоро одѣлась и выбѣжала на берегъ моря. За полосой прибрежнаго льда виднѣлось большое судно, пробиравшееся между льдинъ, чтобы бросить якорь въ безопасномъ мѣстѣ. Это судно привезло экспедиціи запасы пищи, угля, разныя необходимыя вещи и нѣсколько штукъ сѣверныхъ оленей, на которыхъ Джексонъ собирался предпринимать экскурсіи въ глубь острововъ. Съ этимъ вмѣстѣ оно привезло и новѣйшія извѣстія изъ Европы.

Съ жадностью слушали ихъ и англичане, и норвежцы. У Нансена отлегло отъ сердца, когда онъ узналъ, что *Фрамъ* еще не вернулся; онъ все время боялся, что судно придетъ въ Норвегію безъ него, и это будетъ большимъ ударомъ для его жены; она сочтетъ его погибшимъ.

Около двухъ недѣль понадобилось *Уиндварду*, чтобы разгрузиться, и 7 августа онъ, поднявъ паруса и распустивъ пары, направился въ открытое море. Кромѣ Нансена и Іогансена, съ нимъ возвращались на родину и четверо изъ членовъ англійской экспедиціи.

Плаваніе шло вполнѣ благополучно, и вечеромъ 12 августа на горизонтѣ появилась темная полоса. Это была земля, это была Норвегія!

„Я стоялъ, какъ окаменѣлый, — разсказываетъ Нансенъ:—я не могъ отвести глазъ отъ этой полоски, и сердце мое замирало отъ страха. Какія вѣсти ждутъ меня тамъ? Когда я на слѣдующее утро вышелъ на палубу, мы были уже около самой земли. Это былъ пустынный, голый берегъ, едва ли болѣе привлекательный, чѣмъ та тонувшая въ туманахъ полярная страна, которую мы покинули; но это была Норвегія!“

Уиндвардъ бросилъ якорь въ гавани Варде. Нансенъ поспѣшилъ на телеграфъ, чтобы сообщить о своемъ возвращеніи женѣ, близкимъ друзьямъ и правительству Норвегіи. Пока онъ отправлялъ свои телеграммы, вѣсть о его прибытіи разнеслась по городу, и на улицахъ стали собираться толпы, съ любопытствомъ оглядывавшія путешественниковъ. Случайно въ Варде жилъ въ это время пріятель Нансена, профессоръ Монъ, и путешественники отправились къ нему.

„Монъ, — разсказываетъ Нансенъ, — лежалъ на диванѣ съ своей длинной трубкой во рту. Онъ вскочилъ и, какъ безумный, глядѣлъ на длинную фигуру, стоявшую въ дверяхъ; трубка упала, по лицу пробѣжала нервная дрожь.

— Правда ли это? Неужели это Фритіофъ Нансенъ?—вскричалъ онъ наконецъ.

„Очевидно, онъ испугался, испугался самъ за себя: онъ думалъ, что ему явилось привидѣніе; но когда онъ услышалъ мой голосъ, у него выступили слезы на глаза.

— Слава Богу, что вы еще живы! — вскричалъ онъ и бросился мнѣ въ объятія, потомъ обнялъ и Іогансена.

„Мы не помнили себя отъ радости и засыпали другъ друга безсвязными вопросами, по большей части о разныхъ пустякахъ. Все казалось такъ невѣроятно, и прошло много времени, прежде чѣмъ мы успокоились настолько, что сѣли, и я могъ начать толковый разсказъ о всемъ, что̀ мы пережили за эти три года“.

Пока они вели дружескую бесѣду въ комнатѣ гостиницы, весь городъ и всѣ суда въ гавани украсились флагами въ честь возвратившихся путешественниковъ. Когда они на слѣдующій день вздумали пойти въ магазины купить себѣ нѣкоторыя туалетныя принадлежности, ихъ всюду сопровождала толпа любопытныхъ, всюду тѣснились вокругъ нихъ радостныя, привѣтливыя лица. Изъ Варде они отправились въ Гаммерфестъ, куда должна была пріѣхать жена Нансена. На пути ихъ встрѣчали флагами и цвѣтами; Гаммерфестъ былъ празднично украшенъ, и тысячная толпа привѣтствовала пріѣзжихъ.

Въ гавани Нансенъ неожиданно увидѣлъ яхту своего знакомаго англичанина, сэра Джоржа Баденъ-Пауэль, который только-что вернулся изъ путешествія на Новую Землю и теперь предполагалъ отправиться въ Ледовитый океанъ разыскивать *Фрамъ*. Вечеромъ въ тотъ же день пріѣхала Ева Нансенъ и могла присутствовать на торжественномъ праздникѣ, который городъ Гаммерфестъ устроилъ въ

честь ея мужа. Сэръ Баденъ-Пауэль предоставилъ Нансену, его женѣ и Іогансену помѣщеніе на своей яхтѣ, и тамъ они проводили счастливые часы, забывая всѣ страданія минувшихъ лѣтъ и со всѣхъ сторонъ получая поздравленія, изъявленія самаго горячаго участія.

Одно, что омрачало радость Нансена, это была мысль о *Фрамѣ*. Въ первые дни онъ увѣренно говорилъ и телеграфировалъ всѣмъ, что корабль придетъ къ осени; но теперь сомнѣніе начинало закрадываться въ его душу. А что, если съ *Фрамомъ* случилось несчастіе? Что, если осень пройдетъ, не принеся никакихъ вѣстей о немъ?..

20 августа Нансенъ только-что всталъ съ постели, какъ ему сказали, что какой-то человѣкъ хочетъ какъ можно скорѣй видѣть его. Онъ наскоро одѣлся и вышелъ въ салонъ. Тамъ ему представился начальникъ телеграфной станціи, который заявилъ, что хотѣлъ лично передать г. Нансену интересную для него телеграмму.

„Интересную для меня! — разсказываетъ Нансенъ. — Теперь мнѣ только одно могло быть интересно... Дрожащей рукою распечаталъ я телеграмму:

„Фритіофу Нансену. Сегодня *Фрамъ* прибылъ въ хорошемъ состояніи. На кораблѣ все благополучно. Иду въ Тромсе. Привѣтъ на родинѣ. Отто Свердрупъ".

„Мнѣ казалось, что я задыхаюсь; я могъ сказать одно только: „*Фрамъ* пришелъ!" Сэръ Джорджъ, стоявшій рядомъ со мной, подскочилъ отъ радости;

лицо Іогансена сіяло; я побѣжалъ въ каюту и закричалъ женѣ: „*Фрамъ* пришелъ!“ Она поспѣшила одѣться и вышла къ намъ.

„Я все еще не вѣрилъ глазамъ своимъ: все это казалось мнѣ какой-то волшебной сказкой. Я читалъ и перечитывалъ телеграмму, чтобы убѣдиться, что это не сонъ. Потомъ на меня вдругъ нашло чувство такого счастливаго покоя, какого я никогда прежде не испытывалъ“.

На яхтѣ, во всей гавани и въ городѣ началось общее ликованіе. Съ *Уиндварда* раздавались оглушительныя „ура“ въ честь *Фрама* и норвежскаго флота. За завтракомъ на яхтѣ сэра Джоржа сидѣла компанія счастливыхъ людей. Нансенъ и Іогансенъ толковали о томъ, какъ это странно, что завтра они уже увидятъ своихъ дорогихъ товарищей; сэръ Джоржъ былъ внѣ себя отъ радости: безпрестанно вскакивалъ онъ со стула, стучалъ по столу и кричалъ:

— *Фрамъ* пришелъ! *Фрамъ* въ самомъ дѣлѣ пришелъ!

На слѣдующій день они всѣ отправились въ Тромсе на яхтѣ сэра Джоржа, *Отарія*. Въ гавани уже стоялъ *Фрамъ*. Экипажъ яхты привѣтствовалъ славное судно тройнымъ англійскимъ „ура“, на которое съ *Фрама* отвѣчали норвежскимъ „ура“. Яхта остановилась, и весь экипажъ *Фрама* бросился на нее.

„Свиданіе наше не поддается описанію, — говоритъ Нансенъ. — Всѣ мы чувствовали одно: мы опять всѣ вмѣстѣ, мы въ Норвегіи, и наша экспедиція исполнила свою задачу!“

По отъѣздѣ Нансена и Іогансена на *Фрамъ* продолжалась прежняя мирная, трудовая жизнь, и судно попрежнему, хотя очень медленно и съ большими перерывами, продолжало подвигаться на сѣверо-западъ. 15 ноября 1895 г. оно достигло 85°55′ сѣверной широты, и послѣ этого теченіе, хотя опять-таки очень неровное, приняло юго-западное направленіе. 17-го мая 1896 г. *Фрамъ* спустился до 83°45′ сѣверной широты, и въ концѣ мѣсяца Свердрупъ рѣшилъ взорвать ледъ, окружавшій судно, чтобы освободить его отъ ледяной тюрьмы. Частью помощью пороховыхъ минъ, которыя разбили громадныя льдины, частью путемъ раскалыванія льда топорами удалось спустить судно на воду. Машина его была приведена въ порядокъ, пары пущены во всю силу, и оно потихоньку стало пробиваться между льдинами, то разбивая имъ своимъ мощнымъ корпусомъ, то останавливаясь на время, когда вѣтеръ сгонялъ ихъ такъ, что онѣ представляли непреодолимую преграду; 28 дней продолжалась эта борьба *Фрама* со льдами, и въ концѣ концовъ онъ вышелъ побѣдителемъ. 13 августа онъ оставилъ за собой послѣднія ледяныя горы, и передъ нимъ тянулось необозримое пространство открытаго моря. Свердрупъ направилъ корабль къ западному берегу Шпицбергена и на нѣсколько дней бросилъ якорь около Датскихъ острововъ; тамъ онъ запасся свѣжей водой, привелъ въ порядокъ *Фрамъ*, чтобы показать его на родинѣ въ хорошемъ видѣ, и поспѣшилъ къ берегамъ Норвегіи. 20 августа онъ былъ

около маленькаго городка Скіерва, гдѣ, къ великой радости своей, узналъ о возвращеніи Нансена и послалъ ему свою телеграмму.

Городъ Тромсе устроилъ праздникъ въ честь возвратившихся путешественниковъ. Самая большая зала города была биткомъ набита народомъ. Въ отвѣтъ на восторженныя рѣчи, которыми его привѣтствовали, Нансенъ сказалъ рѣчь, въ которой выставлялъ на видъ заслуги Свердрупа. При послѣднихъ словахъ этой рѣчи онъ поднялъ на руки Свердрупа и глубоко взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Вотъ кого я ставлю выше всѣхъ!

Затѣмъ, когда присутствовашіе пожелали видѣть Еву Нансенъ, онъ взялъ на руки жену и обнесъ ее вокругъ всей залы при восторженныхъ кликахъ публики. По окончаніи пиршества всѣхъ членовъ экспедиціи носили, согласно древнему норманскому обычаю, въ золоченыхъ креслахъ вокругъ залы.

На слѣдующій день члены экспедиціи уже всѣ вмѣстѣ двинулись дальше на югъ. Впереди шелъ пароходъ *Гаалогаландъ*, высланный правительствомъ для конвоированія *Фрама*, за нимъ медленно двигался *Фрамъ* и, наконецъ, нарядная *Отарія*.

„Какъ удивительно пріятно было, — пишетъ Нансенъ, — спокойно и беззаботно сидѣть на кораблѣ и только смотрѣть, какъ другіе управляютъ имъ и отыскиваютъ путь...“

„Красивые берега простирались передъ нами, залитые лучами солнца, и, любуясь ими, я въ первый

разъ вполнѣ почувствовалъ, какъ дороги моему сердцу и эта страна, и этотъ народъ! Если, благодаря намъ, одинъ лишній лучъ свѣта освѣтитъ его жизнь, то эти три года прошли не напрасно!"

Весь путь *Фрама* вдоль береговъ Норвегіи былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Со всѣхъ военныхъ кораблей и крѣпостей проходившему мимо *Фраму* салютовали 13 пушечными выстрѣлами, что̀ считается высшей честью для судна. Каждый городъ, въ который заѣзжали славные путешественники, устраивалъ въ честь ихъ празднества, старался какъ можно задушевнѣе и горячѣе выразить имъ свою радость, свою гордость ихъ подвигомъ. Города и мѣстечки, въ которые они не могли заѣхать, убирались къ проѣзду ихъ флагами и цвѣтами, чтобы показать свое участіе въ общемъ торжествѣ.

„Казалось, — замѣчаетъ Нансенъ, — будто наша старая мать — Норвегія, гордится нами, будто она прижимаетъ насъ къ себѣ крѣпкимъ, горячимъ объятіемъ и благодаритъ насъ за то, что̀ мы сдѣлали. Но что̀ же мы сдѣлали? Мы только исполнили свой долгъ, выполнили задачу, которую взяли на себя. Не она насъ, а мы ее должны благодарить за то, что она разрѣшила намъ ѣхать подъ ея флагомъ.

Въ маленькомъ городкѣ Троньемѣ на набережной, у пристани, собралось до 20.000 народа. На берегу воздвигнута была тріумфальная арка, подъ которой прошли чествуемые герои. Огромная масса народа собралась и передъ гостиницей, съ крыльца которой Нансенъ и его товарищи смотрѣли на тор-

жественную процессію со знаменами и значками, устроенную въ честь ихъ сорока разными обществами. Вечеромъ былъ народный праздникъ въ городскомъ саду, при чемъ членовъ экспедиціи опять носили на золоченыхъ креслахъ, что̀ вызвало нескончаемые восторги толпы. Во время ужина рѣчамъ и тостамъ конца не было.

На другой день городъ далъ путешественникамъ обѣдъ и послѣ него концертъ въ старомъ соборѣ. Но особенно хороша вышла манифестація, устроенная въ этотъ день дѣтьми. Наканунѣ въ газетахъ появился призывъ къ дѣтямъ, чтобы они приняли участіе въ чествованіи славныхъ путешественниковъ, и вотъ къ гостиницѣ, гдѣ остановился Нансенъ съ товарищами, направилось шествіе изъ 1.500 человѣкъ дѣтей съ массой флаговъ.

Когда процессія установилась передъ гостиницей, одинъ изъ учителей въ краткихъ словахъ описалъ подвигъ, совершонный путешественниками, и послѣднія слова его рѣчи были покрыты громкими „ура“ дѣтей. Они съ такимъ одушевленіемъ кричали и махали флагами, что увлекли за собой и присутствовавшихъ взрослыхъ. Искренній восторгъ молодого поколѣнія до слезъ тронулъ виновниковъ торжества. Въ концѣ дѣти хоромъ пропѣли любимую народную пѣсню Норвегіи, начинающуюся словами: „Да, мы любимъ эти скалы!“ и затѣмъ мирно разошлись по домамъ.

Городъ Бергенъ, гдѣ долго жилъ и работалъ Нансенъ, устроилъ ему встрѣчу еще болѣе торже-

ственную и многолюдную, чѣмъ Троньемъ; но главное чествованіе ожидало путешественниковъ въ Христіаніи.

Парламентъ Норвегіи назначилъ на встрѣчу Нансену и его спутниковъ 32.000 кронъ; король Швеціи и Норвегіи рѣшилъ лично принять участіе въ народномъ торжествѣ, а королева отвела во дворцѣ помѣщеніе для Евы Нансенъ съ матерью и дочерью, для жены Свердрупа и для дѣтей прочихъ участниковъ экспедиціи.

Столица Норвегіи разукрасилась флагами, щитами, тріумфальными арками, гирляндами цвѣтовъ. Съ ранняго утра всѣ магазины были закрыты, и улицы кишѣли народомъ въ праздничныхъ костюмахъ; набережная и всѣ прилегающія къ морю скалы были унизаны зрителями.

Въ десятомъ часу утра цѣлая флотилія пароходовъ, набитыхъ пассажирами, двинулась навстрѣчу *Фраму*. Послѣ двухчасового плаванія флотилія встрѣтила *Фрамъ*, окруженный почетной эскадрой военныхъ кораблей и цѣлой массой частныхъ судовъ. При громовыхъ раскатахъ „ура“ знаменитое судно прошло между двумя рядами салютовавшихъ ему судовъ; съ крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ, подхваченный выстрѣлами съ пароходовъ и кораблей и возвѣстившій о прибытіи *Фрама* въ гавань. Члены экспедиціи спустились съ *Фрама* въ двѣ лодки и поплыли къ берегу между двумя рядами парусныхъ лодокъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики „ура“, громадный хоръ пѣвчихъ пѣлъ народ-

ныя пѣсни, десятки тысячъ платковъ и шляпъ махали съ берега подъѣзжавшимъ.

Городской голова встрѣтилъ Нансена привѣтственною рѣчью отъ имени всего населенія столицы. Нансенъ отвѣчалъ ему нѣсколькими простыми, но глубоко прочувствованными словами.

— Мнѣ памятенъ день нашего отплытія, сѣрый, дождливый день,—говорилъ онъ между прочимъ.— Въ воздухѣ какъ бы нависли горе и тревога объ отъѣзжавшихъ. Тяжело было и отплывать: во-1-хъ, дома я оставлялъ семью, во-2-хъ, я сознавалъ отвѣтственность за тѣхъ, кого я бралъ съ собой. Да, отвѣтственность была велика. Измѣни мы своей задачѣ, мы измѣнили бы родинѣ! Но я зналъ, что идущіе за мной пойдутъ до конца. Никогда никого не сопровождали на сѣверъ лучшіе товарищи. Сердечно благодарю васъ за почетный пріемъ, самый почетный, который когда-либо выпадалъ на долю норвежца. А между тѣмъ, мы только выполнили свой долгъ. Благодарю за пріемъ, провозглашаю „ура" въ честь Норвегіи и отъ души желаю, чтобы родной городъ нашъ часто отправлялъ такихъ молодцовъ, какихъ далъ мнѣ въ спутники!

Девятикратное „ура" было отвѣтомъ на эту рѣчь. Послѣ этого члены экспедиціи сѣли въ экипажи и при несмолкаемыхъ крикахъ ликованія направились ко дворцу. Первыя тріумфальныя ворота, черезъ которыя имъ пришлось проѣхать, были живыя: они состояли изъ возвышавшихся ступенями площадокъ, усѣянныхъ зрителями; мужчины махали

флагами, женщины осыпали путешественниковъ цвѣтами. Около университета сдѣлана была остановка: ректоръ привѣтствовалъ Нансена и его спутниковъ горячею рѣчью, а студенты увѣнчали лавровыми вѣнками всѣхъ членовъ экспедиціи.

Въ залѣ дворца уже ожидалъ экспедицію король съ наслѣднымъ принцемъ и членами государственнаго совѣта. Король встрѣтилъ прибывшихъ радушнымъ „добро пожаловать" и затѣмъ роздалъ всѣмъ членамъ экспедиціи ордена и медали. За параднымъ обѣдомъ во дворцѣ король сказалъ рѣчь въ честь отважныхъ путешественниковъ и закончилъ ее слѣдующими словами:

„Теперь вы, сыновья нашей старой Норвегіи, собрались здѣсь, въ королевскомъ дворцѣ, и король Норвегіи считаетъ своею священною обязанностью и своимъ неотъемлемымъ правомъ выразить чувства, волнующія въ эту минуту весь норвежскій народъ. Примите черезъ меня искреннюю и горячую благодарность всего народа за то, что̀ вы сдѣлали, за ту радость, какую вы доставили норвежскимъ сердцамъ, за тотъ блескъ славы, который, благодаря вамъ, озаряетъ теперь ваше отечество. Эта народная благодарность не умретъ вмѣстѣ съ народнымъ восторгомъ: она переживетъ насъ, она будетъ передаваться изъ рода въ родъ, пока стоятъ норвежскія скалы!"

Трижды тройное „ура" въ честь Нансена и его спутниковъ...

Пять дней продолжалось непрерывное чествова-

ніе членовъ экспедиціи. Самыя восторженныя рѣчи произносились за торжественными обѣдами и ужинами; дѣти устроили манифестацію, и въ теченіе полутора часа ученики и ученицы всѣхъ школъ Христіаніи проходили передъ участниками экспедиціи, размахивая флагами и крича „ура“ вслѣдъ за своимъ предводителемъ, инспекторомъ учебныхъ заведеній, который привѣтствовалъ Нансена и его спутниковъ восклицаніемъ:

— За мужество и силу! За трудъ и побѣду! Ура!..

Въ театрѣ данъ былъ парадный спектакль, по окончаніи котораго студенты устроили торжественное шествіе съ факелами. На обширной площади передъ крѣпостью данъ былъ народный праздникъ, на который собралось болѣе 40.000 человѣкъ. Молодыя дѣвушки осыпали Нансена цвѣтами; старый, любимый поэтъ Норвегіи, Бьернсонъ произнесъ длинную, горячую рѣчь, въ концѣ которой приглашалъ присутствовавшихъ обнажить головы въ знакъ благодарности путешественникамъ „за то, что они по мѣрѣ силъ потрудились во славу и честь Норвегіи; за то, что они умножили богатство страны, усиливъ въ народѣ любовь къ ней и вѣру въ собственныя силы; за все то, что они сдѣлали для науки, и за то, что они на время превратили насъ какъ бы въ одну семью, счастливую общимъ счастіемъ“.

Всѣ головы обнажились, всѣ лица сіяли радостью, умиленіемъ, благодарностью. Долго не умолкали

восторженные возгласы и пѣсни. Чествовали по очереди каждаго изъ членовъ экспедиціи. Праздникъ закончился блестящимъ фейерверкомъ.

„Вечеромъ я стоялъ на берегу фіорда — пишетъ Нансенъ. — Шумъ праздника умолкъ; темныя ели лѣсовъ стояли молча, неподвижно. На утесахъ дымились послѣдніе уголья костровъ, зажженныхъ въ честь насъ; у ногъ моихъ плескалось море и шептало: „Теперь ты дома“. Усталая душа отдыхала среди мирной тишины осенняго вечера. Я невольно вспомнилъ то дождливое іюльское утро, когда я въ послѣдній разъ ступалъ по этому берегу. Болѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; мы боролись, мы сѣяли, и теперь настало время жатвы. Что-то внутри меня плакало и рыдало отъ радости и благодарности. Ледъ и длинныя лунныя ночи со всѣми ихъ страданіями казались мнѣ далекимъ сномъ, видѣніемъ изъ другого міра, — сномъ, который явился и исчезъ. Но какъ бѣдна была бы жизнь, если бы въ ней не было такихъ сновъ!..“

Книги А. Н. Анненской:

Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разсказы для дѣтей: Безъ роду, безъ племени. Чудакъ. Въ чужой семьѣ. Неудачникъ. Миша и Костя. Тетя Вѣра. Двѣ елки. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к., пер. 2 р. 25 к.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 7-е. Спб. 1914. Ц. 50 к., пер. 1 р.

Своимъ путемъ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста: Младшій братъ. Волченокъ. Чужой хлѣбъ. Трудная борьба. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к., пер. 2 р.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей: Мои двѣ племянницы. Надежда семьи. Старшая сестра. Гувернантка. Спб. 1913. Изд. 5-е. Ц. 50 к., пер. 1 р.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей средняго возраста: Тяжелая жизнь. Товарищи. Гриша. Воспоминанія дѣтства. У пристани. Изд. 7-е. Спб. 1914. Ц. 2 р., пер. 2 р. 50 к.

Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб 1914. Ц. 50 к., пер. 1 р.

Робинзонъ Крузе. Спб. 1912. Изд. 7-е. Ц. 2 р., пер. 2 р. 50 к.

ВУДЪ, ГЕНРИ. Семейство Чаннинговъ. Романъ. Передѣлка съ англійск. для дѣтей А. Анненской. Изд. 2-е. Пгр. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. 2 р.

